

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «БГУ»)

На правах рукописи

Бурдина Дарья Александровна

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ОБЛАСТИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В 1936–1953 ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА)**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д. и. н., профессор

А. В. Шалак

Иркутск 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. АКТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ (1936–1941 ГГ.)	45
1.1. Актуальные проблемы материнства и детства в довоенное время.....	45
1.2. Направления социальной поддержки материнства и детства	61
ГЛАВА 2. ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В РЕГИОНЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	100
2.1. Государственная поддержка семей военнослужащих.....	100
2.2. Решение проблемы безнадзорности и беспризорности детей.....	123
2.3. Основные меры материальной поддержки детей	139
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1953 ГГ.)	155
3.1. Приоритеты государственной политики в отношении института материнства и детства.....	155
3.2. Решение проблем реализации социальной политики в 1946–1953 гг. в Байкальском регионе	174
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	193
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	201
ПРИЛОЖЕНИЯ	227

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Одна из главных функций государства – социальная функция. Она реализуется через государственную социальную политику, которая является неотъемлемой частью всех сфер жизни, способствующей внутренней организации и развитию. На любом этапе существования государства социальная поддержка населения очень важна. Поскольку основной ячейкой общества является семья, то, прежде всего, огромное значение в социальной политике имеют меры, принятые в отношении института семьи, материнства и детства.

На современном этапе актуальность исследования определяется государственными задачами России в сфере совершенствования социальной политики. Институт материнства и детства всегда остается уязвимой, нуждающейся в защите и охране частью общества. Статья 38 Конституции Российской Федерации провозгласила тот факт, что материнство и детство находятся под защитой государства, что, в свою очередь, создает обязанность для правительства заботиться о своих гражданах, воплощая эту заботу в одном из множества направлений социальной политики¹.

Оценка исторического наследия в каждом регионе большой страны наряду с когнитивными задачами призвана выполнить прогностическую функцию и помочь избежать ошибок и просчетов при решении глобальных задач. В настоящее время важность решения проблем в области охраны материнства и детства подтверждается наличием в Российской Федерации ряда проектов, направленных на поддержку и защиту изучаемого института:

- федерального проекта «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям», основная цель которого – снижение младенческой смертности, обеспечение доступности для детей детских поликлиник и детских поликлинических отделе-

---

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (с изменениями от 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 37. Ст. 2843.

ний с созданной современной инфраструктурой оказания медицинской помощи;

- федерального проекта «Поддержка семей, имеющих детей», направленного на оказание комплексной психолого-педагогической и информационно-просветительской поддержки родителям детей, создание условий для раннего развития детей в возрасте до трех лет, реализацию программы психолого-педагогической, методической и консультативной помощи родителям детей, получающих образование в семье.

Продолжением национального проекта «Демография» с 1 января 2025 г. станет новый национальный проект «Семья», рамках которого будут запущены федеральные проекты «Многодетная семья», «Поддержка семьи», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры», направленные на поддержку, защиту и укрепление института семьи, материнства, отцовства и детства¹.

Вышеперечисленные государственные задачи определяют круг вопросов, входящих в область материнства и детства. Исторический опыт решения проблем материнства и детства в Байкальском регионе позволяет осуществить анализ трансформации государственной политики в данной сфере, исследовать особенности ее реализации в один из наиболее экстремальных периодов советской истории.

Одновременно изучение социальной политики в области охраны материнства и детства является одним из источников воссоздания объективной истории 1930-х – 1950-х гг., осмысления этого сложнейшего периода прошлого российского государства. События, которые происходили в изучаемый период, стали основой для дальнейшего развития советского, а далее российского общества. Их влияние на формирование современного института материнства и детства, а также на развитие механизмов реализации социальной политики гос-

---

¹ Национальные проекты России. URL.: <https://xn--80aарарпретсчfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/> (дата обращения: 24.09.2024).

ударства прослеживается как в области поддержки института семьи, так и в сфере защиты и охраны материнства и детства.

Актуальность работы также связана с отсутствием обобщающих и масштабных исследований предмета изучения в Байкальском регионе. Только объективная оценка на основе системного анализа и привлечения широкого пласта архивных материалов позволит представить качественный результат, освещающий не только направления и механизмы реализации социальной политики, но и проблемные вопросы, решение которых может стать основой для преодоления современных проблем в социальной сфере, заимствования советского опыта с учетом ошибок, трудностей и особенностей конкретных регионов.

Степень научной разработанности проблемы. Период 1930–1950-х гг. стал для историков наиболее обсуждаемым в русле его взаимосвязи с мобилизационными процессами, воплощением коммунистических идей в социальной практике, и, конечно же, в связи с таким масштабным событием, как Великая Отечественная война.

Исторические исследования изучаемой тематики условно можно разделить на два периода: советский (конец 1940-х гг. – 1991 г.) и постсоветский (с 1991 г. по настоящее время). Характерной особенностью исторических исследований проблем материнства и детства в советский период является их изучение в контексте общей социальной политики государства, а также интерпретация истории семьи и детства в соответствии с целями и ценностями марксистско-ленинской идеологии. Для второго периода характерно разнообразие методологических подходов и оценок исследователей по предмету диссертационного исследования, а также изучение истории института материнства и детства в качестве самостоятельного направления. В силу деидеологизации научного дискурса, появления новых теорий и исторических источников исследовательский ракурс изучения социальной политики качественно изменился в сторону расширения, комплексного анализа и неоднозначности оценок предметного поля исследуемой темы. В то же время, особенно это характерно для 1990-х гг., в исторических исследованиях находили отражение идеологические нарративы

либерального толка в границах концепции тоталитаризма. Расхождение между идеологемами и методологией в современном научно-историческом сообществе продолжает сохраняться, несмотря на выбор государства в пользу цивилизационного консерватизма. Данные особенности нашли отражение в историографии социальной политики постсоветского периода.

Поскольку любая деятельность обусловлена не только конкретно-историческими условиями, но во многом детерминирована месторазвитием, в отдельную тематическую группу можно выделить работы сибирских исследователей, в которых нашли отражение различные аспекты социальной политики в области материнства и детства, в том числе и в Байкальском регионе.

В конце 1930 – начале 1940-х гг. практически отсутствовали попытки дать реальную оценку социальной политике Советского государства. Чаще всего встречались работы, связанные с констатацией мер помощи населению, а также работы, подчеркивающие искоренение тех или иных проблем, характерных для более раннего периода развития страны. В частности, в работе З. Рихтера «У нас нет сирот»¹ утверждается, что сиротства в стране не существует как социального явления, поскольку советское общество заботится о каждом, готово опекать и патронировать детей, оставшихся без попечения родителей. Похожий идеологический мотив содержится в труде В. И. Куфаева², Примерно с таких же позиций написана работа Г. М. Свердлова, посвященная правовой охране детства в годы войны³. Доказательства выводятся не из фактического материала, а из высказываний В. И. Ленина и И. В. Сталина, в которых фиксируется позиция Советского государства в отношении подрастающего поколения. Поскольку советская власть делает все возможное для решения проблем детства, то и вся политика в этой области оценивается с позиции восхваления принятых мер и значимости их для страны и населения.

---

¹ Рихтер З. У нас нет сирот. М.: Гос-финиздат, 1942. 45 с.

² Куфаев В.И. Забота о детях в дни Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1942. № 8. С. 9–14.

³ Свердлов Г. М. Война и правовая охрана детей в СССР. Ташкент: Государственное изд-во УзССР, 1943. 69 с.

Одним из первых историков, поднявших вопрос изучения социальной политики СССР, стал Н. К. Амосов¹. Забота о народе и проблема оказания помощи населению – главные мотивы исследования автора. Н. К. Амосов отметил, что забота о народе действительно осуществлялась, указал ее основные формы, определив трудности предвоенного и военного времени, нашедшие отражение в социальной среде. Стоит отметить, что для 1940-х гг. социальные исследования были редкостью, поэтому работа Н. К. Амосова стала одной из ключевых точек для продолжения подобных изысканий, их конкретизации применительно к различным социальным группам и слоям населения. Позиция автора интересна и тем, что изложена современником.

Описательный характер социального курса СССР прослеживается в работах экономической и социологической тематики. Влияние экономических процессов на советскую семью в период войны отметил Н. Вознесенский², оценка места финансирования социального курса в бюджете дана также А. Г. Зверевым³.

Вопросы снабжения советских семей поднимались А. Любимовым, А. П. Теряевой, У. Г. Чернявским⁴, налоговое бремя для населения, которое не могло не влиять на социальное положение, оценил Г. Л. Марьяхин⁵.

Относительно Сибири также делались первые попытки оценки политики в области поддержки отдельных групп населения на местах. Для них также характерен идеологически-пропагандистский подход к анализу социальных проблем. Отметим работы, написанные в годы войны, С. Буренко, В. И. Дулова, Ф. А. Кудрявцева, В. И. Стрельского⁶.

---

¹ Амосов Н. К. Забота социалистического государства о нуждах народа. М.: Профиздат, 1947. 48 с.

² Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Воениздат, 1947. 192 с.

³ Зверев А. Г. Государственные бюджеты Союза ССР 1938–1945 гг. М.: Гос-финиздат, 1946. 171 с.

⁴ Любимов А. Больше промышленных товаров широкого потребления // Большевик. 1943. № 6. С. 35–41; Теряева А. П. Труд в колхозах во время Великой Отечественной войны. М.: Сельхозгиз, 1947. 128 с.; Чернявский У. Г. К исследованию питания городского населения в годы Великой Отечественной войны // Гигиена и санитария. 1949. № 9. С. 33–38.

⁵ Марьяхин Г. Л. Налоги и сборы с колхозов и населения. М.: Гос-финиздат, 1949. 164 с.

⁶ Буренко С. Сибирь в дни Отечественной войны. Л.: Воениздат, 1943. 40 с.; Дулов В. И., Кудрявцев Ф. А., Стрельский В. И. Великая Отечественная война и Сибирь. Иркутск: ОГИЗ, 1944. 66 с.

В конце 1940-х гг. в тематике социального курса в годы Великой Отечественной войны появляется сравнительный анализ социальной политики СССР до и во время войны, а также оформляется интерес к исследованию мер материальной поддержки семей военнослужащих. Одним из первых исследовал проблему обеспечения военнослужащих и их семей социальными льготами А. П. Греков. В его работе нашли отражение не только меры социальной заботы в отношении семьи и детей, но и материальные стимулы, предоставляемые населению в период Великой Отечественной войны¹. Это было первое исследование, в котором осуществлен целостный анализ социальной политики государства в области семьи и детства.

В 1950–1960-е гг., в связи с развенчанием «культы личности» на XX съезде КПСС, исследование истории социальных отношений в рамках изучения института материнства и детства получило новый импульс. Особое внимание было уделено вкладу женщин в достижение победы в годы Великой Отечественной войны, их деятельности в тылу. При этом исследователи отмечают, что в условиях массовой мобилизации на женщин возлагалась и основная функция в области сохранения института семьи. В частности, А. Д. Зарубина в статье «Героический труд женщин в период Великой Отечественной войны» отмечает, что женщины в военный период несли на себе все трудности работы и быта, в том числе и того, который ранее возлагался на мужчин². При этом автор указывает, что советские женщины-матери сочетали изнурительный труд с воспитанием детей, которых часто было несколько в семье.

Для 1950-х гг. характерно расширение круга проблем в изучении социальной тематики. Особое место занимает исследование основ воспитания подрастающего поколения. Поднимаются проблемы охраны здоровья детей. Так, Т. А. Гришина на примере Московской области рассматривает обеспеченность

---

¹ Греков А. П. Льготы и государственное обеспечение военнослужащих и их семей. М.: Воениздат, 1951. 168 с.

² Зарубина А. Д. Героический труд женщин в период Великой Отечественной войны: (по материалам Хакасии) // Ученые записки. 1963. Вып. 9. С. 40–48.

семей с детьми услугами организаций здравоохранения¹. Данная проблема рассматривается не с позиции историка, а с точки зрения специалиста в области медицины, однако приведенные данные имеют особое значение для анализа реального положения дел в данной сфере, поскольку медицинское обеспечение является неотъемлемой частью социального курса государства.

Впервые поднимаются вопросы обеспечения прав и обязанностей членов семьи. М. Г. Масевич анализирует меры, принимаемые государством для профилактики правонарушений в семьях, отмечает важность защиты материнства и детства, выполнения родителями своих обязанностей для благополучия детей и института семьи в целом². Размышляя о детстве и о благополучии детей в Советском государстве, Н. М. Парфенова выделяет в качестве одной из важнейших государственных задач заботу о детях и семьях с детьми³. Работы авторов все еще сохраняют идеологическую специфику и опираются на сочинения В. И. Ленина и решения партийных органов.

Все больше работ появляется по различным аспектам развития образования. С опорой на статистические показатели в них исследуются как отдельные учебные заведения, так и в целом система образования⁴. Эти работы интересны с точки зрения материальной базы школьного образования, что позволяет оценить условия, в которых находились дети, а также потенциальные возможности для развития их способностей.

Именно в 1960-е гг. возникают первые работы, в которых рассматриваются региональные особенности социальной политики в сфере материнства и детства. В основном историки актуализировали данные вопросы в рамках исследования деятельности партийных комитетов различного уровня в области формулирования партийных установок применительно к социальной сфере. В процес-

---

¹ Гришина Т. А. Развитие охраны здоровья детей в Московской области (1868–1957 гг.). М.: Гос. изд-во медицин. лит-ры, 1958. 107 с.

² Масевич М. Г. Основные права и обязанности родителей и детей в советском государстве. Алма-Ата, 1958. 40 с.

³ Парфенова Н. М. За счастье детей. М.: Политиздат, 1955. 130 с.

⁴ Два года работы школ-интернатов. Сборник статей / Сост. М. Н. Рякин. М.: Учпедгиз, 1959. 226 с.; Дмитриев В. М., Кондаков М. И., Новиков А. М. Организация и планирование всеобщего десятилетнего образования. М.: АПН РСФСР, 1955. 212 с.

се реализации этой политики постепенно формировался механизм осуществления социальной поддержки различных слоев населения.

Так, механизмы реализации социального курса и общее положение населения продолжают рассматриваться в контексте экономического курса. Социальная тематика неразрывно связывается исследователями с продовольственной проблемой, проблемой снабжения как армии, так и гражданского населения прежде всего в период войны. Вопросы человеческих ресурсов в военные годы, снабжения различных групп населения нашли отражение в трудах П. В. Соколова, А. В. Любимова, А. П. Плесовских, У. Г. Чернявского, Г. Н. Шигапина¹. Отметим, что круг работ в эти годы растет, что напрямую связано с расширением источниковой базы. Координация научной работы улучшается от года к году, проходят юбилейные научные конференции, посвященные победе СССР в Великой Отечественной войне. Именно в рамках подобных конференций историки стали затрагивать все многообразие проблем, возникших в государстве в 40–50 гг., изучая не только период самой войны, но и этап восстановления государства. На широкой источниковой основе написаны исследования Н. К. Гончарова, Л. В. Гречишниковой, Г. А. Дороховой, А. Д. Зарубиной, А. М. Сеницына².

В 1960-е гг. расширяются также региональные исследования по вопросам реализации социального курса на местах. В рамках изучения Сибири выходит обобщенная монография Г. А. Докучаева о вкладе сибиряков в Победу³. Авто-

---

¹ Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1968. 231 с.; Плесовских А. П. Забота Коммунистической партии об удовлетворении материально-бытовых потребностей трудящихся в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Материалы научной конф. кафедр обществ. наук вузов г. Омска. Омск: [б. и.], 1969. С. 34–42; Соколов П. В. Война и людские ресурсы. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1961. 189 с.; Чернявский У. Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1964. 208 с.; Шигалин Г. И. Народное хозяйство СССР в период Великой Отечественной войны. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1960. 277 с.

² Гончаров Н. К. Программа КПСС в области народного образования. М.: Знание, 1961. 254 с.; Гречишникова Л. В. Материнство и детство в СССР. М.: Медицина, 1965; Дорохова Г. А. Управление народным образованием в СССР. М., 1965. 700 с.; Дорохова Г. А. Управление народным образованием в СССР. М.: Наука, 1968. 285 с.; Зарубина А. Д. Героический труд женщин в период Великой Отечественной войны: (по материалам Хакасии) // Учен. зап. / Науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории. 1963. Вып. 9. С. 40–48; Сеницын А. М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопр. истории. 1969. № 6. С. 142–157.

³ Докучаев Г. А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск: Наука. Сиб. отд. АН СССР, 1968. 322 с.

ром рассмотрено множество проблем периода войны и отмечено, что решение ни одной из них не являлось простым. В Иркутске защищена диссертация А. Е. Моховиковой, посвященная вовлечению женщин в трудовую деятельность¹. Исследователем отмечена проблема устройства детей для высвобождения рабочих рук, прослежена работа местных партийных организаций по решению вопросов детской безнадзорности из-за высокой занятости матерей на производстве.

Отметим, что в основном исследователи затрагивают именно военные годы, в то время как вторая половина 1930-х и 1950-е гг. остаются за пределами научных интересов историков. Подобная тенденция сохраняется и в 1970-е гг. Характерной особенностью этого периода является расширение круга обобщающих работ по истории Великой Отечественной войны. К их числу можно отнести масштабное монографическое исследование Г. С. Кравченко², в котором дается оценка ресурсной мощи страны в военный период, что важно для понимания материальных возможностей решения различных вопросов в социальной сфере, включая поддержку материнства и детства.

Демографические показатели СССР освещены в работах И. В. Калинюк, А. В. Митрофановой, С. А. Сенявского³. Все процессы в социальной сфере рассматриваются авторами с позиции марксистско-ленинской идеологии, что не могло не влиять на объективный анализ количественных характеристик. Особый интерес проявляется к образу советской женщины, ее труду, а также семейному быту. Если В. С. Мурманцева обращает внимание на труд женщин, их вклад в победу⁴, то М. Г. Леонтьева делает упор на материальную сторону жиз-

---

¹ Моховикова А. Е. Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по вовлечению женщин в сельскохозяйственное производство в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. канд. ист. наук. Иркутск, 1967. 168 с.

² Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 1970. 398 с.

³ Калинюк И. В. Возрастная структура населения. М.: Статистика, 1975. 112 с.; Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Политиздат, 1971. 575 с.; Сенявский С. А. Изменения в социальной структуре советского общества 1938–1970 гг. М.: Мысль, 1973. 447 с.

⁴ Мурманцева В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. 272 с.

ни женщин, в том числе и имеющих детей¹. Растет также количество исследований по вопросам советской системы обучения и воспитания подрастающего поколения².

До середины 1980-х гг. проблема материнства и детства рассматривалась в основном в контексте общей характеристики социальной политики Советского государства и исключительно в положительном ключе. Всестороннее обеспечение матерей и детей не рассматривается в качестве самостоятельного предмета исследования. Отдельные исследователи затрагивали данные проблемы в контексте иных аспектов исследований. Например, в работе М. С. Ланцева делается анализ экономических аспектов социального обеспечения в СССР³, в том числе матерей и детей наряду с другими категориями населения СССР. Отчасти эта проблема рассматривалась в рамках теории государства и права. В частности, в работе В. Д. Попкова, посвященной правовым аспектам социальной политики Советского государства, вопросы материнства и детства находят отражение при анализе основных направлений реализации государством социальной функции⁴.

В 80-х гг. XX в. количество работ по социальной тематике резко возросло, авторы стали делать упор на сравнение периодов социалистического развития в связи с трансформацией господствующей идеологии и ее влиянием на внутреннюю политику государства. Так, с уклоном в анализ развитого социализма социальную политику рассматривал В. З. Роговин⁵. Отдельного внимания заслуживают работы М. С. Зинич. В статье «Забота советского государства о материально-бытовом положении населения в 1941–1945 гг.»⁶ дана оценка

---

¹ Леонтьева М. Г. Материально-бытовые условия женщин-работниц в годы Великой Отечественной войны // Народы Сибири в Великой Отечественной войне. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1973. С. 62–74.

² Игнатъев А. Т. Школьники и учителя Сибири в годы Великой Отечественной войны // Сов. педагогика. 1977. № 4. С. 17–29; Мальцева Э. Я. Учителю о работе по законам пионеров СССР. М.: Просвещение, 1972. 111 с.; Розенберг А. Я. Пионерские и комсомольские организации в борьбе за знания. М.: Просвещение, 1974. 204 с.

³ Ланцев М. С. Социальное обеспечение в СССР. М.: Экономика, 1976. 143 с.

⁴ Попков В. Д. Социальная политика советского государства и право. М.: Изд-во МГУ, 1979. 136 с.

⁵ Роговин В. З. Социальная политика в развитом социалистическом обществе. М.: Наука, 1980. 205 с.

⁶ Зинич М. С. Забота советского государства о материально-бытовом положении населения в 1941–1945 гг. // История СССР. 1985. № 3. С. 87–104.

основным направлениям советского социального курса этого периода, в том числе мерам поддержки семей военнослужащих, а также детей.

Отличительной чертой историографии 1980-х гг. стала попытка оценить роль партийных комитетов в социальном курсе СССР. До указанного периода деятельность КПСС практически не подвергалась критическому анализу. С 80-х гг. XX в. все больше исследователей пытаются дать более объективный анализ деятельности органов власти в области социальной политики. Это прослеживается как в трудах М. С. Зинич, так и в работах К. И. Микульского, В. З. Роговина, С. С. Шаталина¹. Авторами дана оценка социального курса не только как способа решения проблемы благосостояния населения и создания комфортных условий для проживания в стране, но и как идеологического инструмента, направленного на построение идеалов социалистического жизненного уклада. Эти работы важны для исследования института материнства и детства, поскольку в них содержится методологический анализ социальной политики государства, вполне объективный обзор ее основных направлений, что позволяет интерпретировать деятельность региональных органов в данном контексте с учетом местных особенностей.

На этот же период изучения истории приходится рост интереса к истории регионов. Так, в Новосибирске публикуется работа В. В. Алексеева и В. А. Исупова «Население Сибири в годы Великой Отечественной войны»². Авторы отмечают особенности демографических процессов в Западной Сибири, используя широкий пласт архивных документов и данных статистики. На примере Западной Сибири отмечена положительная динамика в области мер поддержки советского населения, в том числе представлена оценка положения семей с детьми.

В целом советская историография социальной политики в области материнства и детства полностью включается в общий курс исследования социаль-

---

¹ Микульский К. И., Роговин В. З., Шаталин С. С. Социальная политика КПСС. М.: Политиздат, 1987. 351 с.

² Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.

ной политики. Отдельных работ, посвященных поддержке семей и защите детства, не публиковалось. Лишь единичные работы содержали анализ региональных особенностей политики в отношении материнства и детства. Среди них можно выделить работы А. П. Грекова, А. Д. Зарубиной, И. И. Кузнецова¹.

Историография постсоветского периода существенно отличается от предшествующего этапа. Растет спектр рассмотренных проблем, интерес историков все больше сосредотачивается на региональных отличиях реализации социального курса. Значительное количество работ затрагивает проблему положения детей в 1930–1950-е гг. При этом в исследованиях А. С. Ващук², М. Р. Зезина³ вопросы социальной защиты детей-сирот в военные и послевоенные годы, деятельность органов власти в области решения проблемы беспризорничества рассматриваются не наряду, а в качестве основных направлений реализации социальной политики государства.

Социальные проблемы и социальная политика обозначенного периода все чаще становятся объектом исследования в диссертационных исследованиях. Среди них можно отметить работы А. В. Молодчика⁴, И. В. Пелих⁵, которые при рассмотрении социальной политики СССР изучаемого периода акцентируют внимание на изучении ее экономических показателей: финансирование данной сферы, покупательская способность населения, обеспечение продовольствием. И хотя вопросы материнства и детства в них находят достаточно косвенное рассмотрение, подобные работы важны для разработки критериев, по которым можно оценивать эффективность политики государства в этой сфере.

---

¹ Греков А. П. Льготы и государственное обеспечение военнослужащих и их семей. М.: Воениздат, 1951. 168 с.; Зарубина А. Д. Героический труд женщин в период Великой Отечественной войны: (по материалам Хакасии) // Ученые записки. 1963. Вып. 9. С. 40–48; Кузнецов И. И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1974. 510 с.

² Ващук А. С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (1945 г. – конец 80-х годов). Владивосток: Дальнаука, 1998. 212 с.

³ Зезина М. Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955 гг.) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127–134.

⁴ Молодчик А. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929–1953 гг.: дис. ... д. ист. наук. М., 2004. 322 с.

⁵ Пелих И. В. Социальная политика СССР в 1945–1953 гг. (на материалах Краснодарского края): дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 194 с.

Подобный подход характерен также для трудов Е. Е. Мачульской, Ж. А. Горбачевой¹, Е. Ю. Зубковой².

Одновременно с этим социальная политика в отношении материнства и детства начинает рассматриваться в качестве самостоятельного направления. В работах А. Авдеева³, Л. Е. Васильевой⁴, В. А. Рубина⁵, Ф. А. Такташевой⁶ анализируются особенности развития семейного права СССР в области охраны материнства и детства, наиболее общие вопросы охраны материнства и детства, реализация государственной политики по отношению к семьям военнослужащих и некоторые другие аспекты данной проблемы.

В это же время появляются историографические работы. В частности, социальная политика советской власти в отечественной и зарубежной историографии рассмотрена в статье М. Ю. Кима и К. А. Кузоро⁷.

Отдельные исследователи в рамках изучения социальной политики сосредотачивают свое внимание на изучении более узкой тематики и хронологических рамок, которые только отчасти совпадают с периодом 1936–1953 гг. Так, Г. М. Иванова рассматривает финансирование социальной сферы⁸, региональные проявления политики охраны материнства и детства в РСФСР в 1950–1980 гг. исследованы Н. Р. Фахрутдиновой⁹, советская социальная политика в послевоенный период изучена Е. Е. Николаевым¹⁰, Д. Ю. Андрейчук¹. Соци-

---

¹ Мачульская Е. Е., Горбачева Ж. А. Право социального обеспечения : учеб. пособие. М.: Кн. мир, 2000. 286 с.

² Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М.: Росспэн, 2000. 229 с.

³ Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и в СССР // Историческая демография: Сборник статей. М.: Демографические исследования, 2008. С. 13–71.

⁴ Васильева Л. Е. Особенности развития семейного права СССР в области охраны материнства и детства в 1930–40-е годы // Изв. Саратов. ун-та. 2007. № 2. С. 67–69.

⁵ Рубин В. А., Рубин А. А. Реализация государственной политики по отношению к семьям военнослужащих и инвалидам войны на Южном Урале в 1941–1945 гг. // Вестник ОГУ. 2009. № 4. С. 25–30.

⁶ Такташева Ф. А. Государственная поддержка материнства в 1943 – начале 1950-х гг. (по материалам Сталинградской области) // Известия ВГПУ. 2018. № 4 (127). С. 192–196.

⁷ Ким М. Ю., Кузоро К. А. Социальная политика советской власти (1930-е гг.) в отечественной и зарубежной историографии // Вестник ТГУ. 2010. № 334. С. 64–67.

⁸ Иванова Г. М. Финансовая политика в социальной сфере в СССР в 1950–1970-е гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. № 3-2. С. 525–531.

⁹ Фахрутдинова Н. Р. Политика охраны материнства и детства в РСФСР в 1950–1980 годах и ее региональные проявления // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2017. № 22. С. 129–131.

¹⁰ Николаев Е. Е. Советская социальная политика в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8 (52). С. 27–33.

альная политика СССР в отношении коренных малочисленных народов затронута А. А. Ермаковой, В. А. Кудашкиным². Динамика социальной политики в отношении детства с 1917 г. по 1940 г. отражена в работе Т. М. Смирновой³.

Следует также отметить, что в этот период издаются сборники документов по теме диссертационного исследования. В 2020 г. под руководством В. В. Журавлева, Л. Н. Лазаревой был издан сборник документов «Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.»⁴, в который были включены наиболее значимые законодательные и делопроизводственные материалы советской эпохи в области поддержки и развития института материнства и детства. Документы отражают основные направления решения исследуемых проблем, представленных в данном диссертационном исследовании, на государственном уровне. С точки зрения историографического анализа подобные издания интересны авторскими вступительными статьями с анализом социальных проблем, в том числе и отнесенных к предмету данного диссертационного исследования.

Особенностью постсоветского периода является достаточно активное внимание к различным аспектам социальной политики, включая вопросы материнства и детства, в рамках отдельных регионов.

Социальная политика в области материнства и детства на примере Сталинградской области была изучена А. В. Липатовым⁵, Ф. А. Такташевой⁶, В. С. Меркурьевой⁷ и Ф. А. Хуснутдиновой¹, на материалах Кировской области

---

¹ Андрейчук Д. Ю. Особенности социально-экономической политики СССР в первые послевоенные годы (1946–1953 гг.) // StudNet. 2020. № 6. С. 639–646.

² Ермакова А. А., Кудашкин В. А. Социальная политика СССР в отношении коренных малочисленных народов в 20–50-х годах XX века: проблемы материнства и детства // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 4. С. 97–100.

³ Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.: Институт российской истории РАН, 2015. 384 с.

⁴ Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Росспэн, 2020. 718 с.

⁵ Липатов А. В., Меркурьева В. С., Такташева Ф. А. Государственная и общественная поддержка семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны: на материалах Сталинградской области // Известия ВГПУ. 2017. № 2 (115). С. 192–198.

⁶ Такташева Ф. А. Социальная поддержка женщин в Сталинградской области в 1943-м – начале 1950-х гг. // Известия ВГПУ. 2011. № 9. С. 88–91.

⁷ Меркурьева В. С. Правовые основы защиты детей в 1941–1943 гг. (на материалах Сталинградской области) // Известия ВГПУ. 2015. № 1 (96). С. 158–162.

– Н. В. Чернышевой², Челябинской области – П. А. Власовой, Г. А. Паниной³, на материалах нижнего Поволжья – Е. Е. Красноженовой⁴, на примере Башкирской АССР – И. П. Кузнецовой⁵. Авторами отмечены региональные особенности реализации социальной политики в области материнства и детства относительно изучаемого региона, а также ее основные проблемы.

Различные аспекты социальной политики и состояния социально-бытовой инфраструктуры Восточной Сибири изложены в многочисленных работах историков Бурятии, Иркутска, Красноярска. Наиболее масштабным исследованием Восточной Сибири по праву считается работа И. И. Кузнецова «Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны»⁶. Автор уделяет внимание не только вкладу восточносибирского тыла в победу, но и анализирует основные аспекты жизни рабочих, крестьянства, других слоев населения, различные факторы, повлиявшие на социально-экономическое развитие региона. Отмечен один из главных векторов развития социально-экономической сферы – максимальное использование женского труда. Работа отличается широким кругом источников и фундаментальностью положений о единстве тыла и фронта в военные годы. И. И. Кузнецов также отмечал, что история сибирской военной повседневности не была изучена до конца и будет еще долгое время требовать внимания исследователей.

Среди наиболее значимых работ по истории Бурятии, в которых раскрываются особенности социально-экономического развития региона, а также демографические процессы, нужно отметить работу Е. Е. Тармаханова «История

---

¹ Хуснутдинова Ф. А. Восстановление системы охраны здоровья женщин и детей в Сталинградской области в 1943–1945 годах // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. № 2. С. 211–213.

² Чернышева Н. В. Социальная политика государства в отношении семей военнослужащих в 1941–1945 гг. (на материалах Кировской области) // Вестник ВятГУ. 2012. № 1. С. 54–59.

³ Власова П. А., Панина Г. А. Профсоюзные организации Челябинской области и проблемы социальной защиты женщин в годы Великой Отечественной войны // Вестник ЧелГУ. 2012. № 34 (288). С. 89–94.

⁴ Красноженова Е. Е. Государственная политика по охране материнства и детства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) // Известия ВГПУ. 2012. № 3. С. 36–39.

⁵ Кузнецова И. П. Государственная политика в области охраны материнства и детства во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х годов (на примере Башкирской АССР) // Вестник ЧелГУ. 2014. № 8 (337). С. 41–48.

⁶ Кузнецов И. И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1974. 510 с.

Бурятии: с древнейших времен до начала XX в.»¹. Вклад Е. Е. Тармаханова в изучение социальной истории Бурятии весьма значителен. Под руководством ученого были защищены диссертационные исследования Е. Л. Бадмацыреновой², И. В. Гординой³.

По результатам проведенных исследований за авторством Е. Е. Тармаханова и И. В. Гординой вышла в свет монография, посвященная вопросам занятости женщин Бурятии в годы Великой Отечественной войны. Подробно рассмотрена проблема включения женщин в трудовую деятельность и влияние этого процесса на развитие института материнства и детства⁴.

В исследовании Е. Л. Бадмацыреновой анализируется роль женщин в общественно-политической жизни региона. Автором подробно рассмотрены вопросы об изменении социального статуса женщины от «матери-домохозяйки», «хранительницы домашнего очага» до прямого включения женщин в социально-политические процессы и общественную деятельность наравне с мужчинами⁵. Исследования подобного плана имеют большое значение для выявления и оценки социальной политики в области материнства и детства, обусловленной этническим своеобразием региона. Примерно такое же значение для изучения особенностей политики в области материнства и детства имеют исследования по проблеме мобилизации экономики региона в годы войны М. Н. Балдано⁶, Л. М. Дамешека, Т. Е. Санжиевой⁷.

---

¹ История Бурятии с древнейших времен до начала XX века: пособие для учащихся старших классов : [в 2 ч.]. Улан-Удэ: Бэлиг, 2009. Ч. 1. 2009. 163 с.

² Бадмацыренова Е. Л. Государственная политика по вовлечению женщин Бурятии в общественно-политическую деятельность (1923–1991 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2011. 25 с.

³ Гордина И. В. Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Улан-Удэ, 2005. 214 с.

⁴ Тармаханов Е. Е., Гордина И. В. Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны: проблемы занятости : монография. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008. 214 с.

⁵ Бадмацыренова Е. Л. Государственная политика по вовлечению женщин Бурятии в общественно-политическую деятельность (1923–1991 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2011. 25 с.

⁶ Балдано М. Н. Бурят-Монгольская АССР в условиях мобилизационной экономики (1941–1945 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 33. С. 46–54.

⁷ Тармаханов Е. Е., Дамешек Л. М., Санжиева Т. Е. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа : учебное пособие для общеобразовательных учебных заведений. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2003. 192 с.

Реализация социальной политики органов власти в республике в военные годы основательно исследована в монографии Б. Б. Цыретаровой¹. Наряду с различными аспектами социального курса, автор уделяет внимание таким проблемам, как борьба с беспризорностью и безнадзорностью, с социальными болезнями, ликвидация безграмотности. Отдельные аспекты этих вопросов автором данной монографии рассматриваются также в ряде статей.

Социальная политика в области защиты материнства и детства имеет не только региональные особенности, но и культурные. Исследовать эти вопросы под таким углом зрения позволяют многочисленные работы, изданные Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН)². Несмотря на их разноплановость, эти работы содержат методологические подходы и разнообразные эмпирические данные, позволяющие сделать более выверенные и объективные выводы по исследуемому региону применительно к предмету данного диссертационного исследования.

Демографические процессы Бурятии, а также жизнь городского населения стали предметами изучения О. А. Убеевой³. Автор, несомненно, внес вклад в изучение городской среды Байкальского региона, а также дает основную характеристику специфики проживания в городе отдельных групп, в том числе и семей с детьми.

Работа по изучению Байкальского региона была проведена рядом ученых Иркутского государственного университета. Историографический обзор истории Иркутска в военное время был опубликован А. А. Ивановым,

---

¹ Цыретарова Б. Б. Социальная политика в Бурятии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2010. 235 с.

² Буряты в этнополитическом пространстве России: от империи до федерации / Б. В. Базаров, М. Н. Балдано, О. В. Бураева [и др.] ; Руководитель проекта академик РАН Б. В. Базаров. Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2017. 320 с.; История Бурятии : в 3-х томах / В. Б. Базаржапов, В. В. Базарова, Г. Д. Базарова [и др.]. Том 3. Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2011. 464 с.; Улан-Удэ – 350: история и современность : В 2-х томах / Б. А. Базаров, О. В. Бураева, С. В. Евдокимова [и др.] ; Федеральное агентство научных организаций России, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, Сибирского отделения Российской академии наук. Том 1. Иркутск : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Отгиск», 2016. 372 с.

³ Убеева О. А. Формирование и развитие городского населения Бурятии (1923–1959 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2006. 223 с.

С. И. Кузнецовым¹. В статье освещены достижения в научной литературе, посвященные изучению подвига иркутского тыла во время Великой Отечественной войны. Обзор составлен от самых первых публикаций 1941 г., включает брошюры, посвященные подвигам иркутян, воспоминания участников событий, а также широкий региональный архивный материал. Авторы приходят к выводу, что данная тематика все еще развивается и не дошла до финального этапа.

С каждым годом расширяется круг проблем, рассматриваемых исследователями в рамках изучения социальной политики СССР на территории Байкальского региона в 1930–1950-е гг. Восточносибирское здравоохранение стало предметом исследования в трудах В. А. Шаламова, В. Ю. Башкуева. Так или иначе, проблема, рассматриваемая авторами, касалась напрямую советской семьи, детей. В. Ю. Башкуев подробно изучил деятельность по борьбе с социальными болезнями, улучшению здоровья и санитарному просвещению в Бурятии в 1930–1950-е гг.² Совместно с У. В. Башкуевой им опубликована статья о состоянии санитарной гигиены в столице Бурятии с 20-х гг. XX в. до начала XXI в., в которой подробно исследована санитарно-эпидемиологическая ситуация в регионе и способы ее решения посредством улучшения работы системы здравоохранения, в том числе и через борьбу с детской заболеваемостью³.

Охрана материнства и младенчества с позиции решения проблем здравоохранения рассматривались И. В. Орловой⁴. Автором подробно изучены дан-

---

¹ Иванов А. А., Кузнецов С. И. Иркутск на фронте и в тылу: обзор советской и современной научной историографии // История подвига : материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Посвящается 75-летию победы, Иркутск, 15 мая 2020 года. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. С. 15–23.

² Башкуев В. Ю. Пробуждая «буддийский Восток»: кампании за оздоровление и санитарное просвещение в Бурятии и Монголии (1920–1970-е гг.) // Власть. 2015. № 10. С. 198–203.

³ Башкуева У. В., Башкуев В. Ю. Проблемы санитарной гигиены города Верхнеудинска / Улан-Удэ (1920-е годы – начало XXI века) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016 / Министерство образования и науки РФ, Байкальский государственный университет, Региональный центр научных исследований экономической истории России. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2016. С. 420–428.

⁴ Орлова И. В. Охрана материнства и младенчества в Восточной Сибири в 1920-е годы // Альманах сестринского дела. 2015. Т. 8, № 1. С. 22–24.

ные вопросы относительно 1920-х гг. в условиях реализации новой экономической политики¹.

Подобные проблемы рассматриваются и в работах В. А. Шаламова, посвященных изучению системы здравоохранения Восточной Сибири². Автором подробно изучены вопросы организации медико-социальных условий населения Восточной Сибири, в том числе и относительно их влияния на развитие института материнства и детства.

В. В. Номогоева, А. М. Плеханова уделяют внимание процессу модернизации бурятского общества под воздействием советского политического курса, пропаганды и идеологии³. Данный аспект также важен для рассмотрения, поскольку именно в 20–30-е гг. шло становление нового «советского человека», что, несомненно, протекало не без этнокультурных особенностей и учета специфики региона. В. В. Номогоевой проанализированы ключевые элементы быта бурятского населения в указанный период с позиции модернизации, повлиявшей на положение отдельных категорий населения, в том числе матерей и детей⁴. Под руководством А. М. Плехановой защищена кандидатская диссертация А. Л. Тихонова, поднимающая вопросы жилищной политики, которая также имеет огромное влияние на развитие института семьи⁵.

В свете рассмотрения повседневности советской семьи стоит отметить работу Л. В. Зандановой «Повседневная жизнь населения Байкальской Сибири

---

¹ Орлова И. В. Реализация социальной политики Советского государства в годы нэпа (на материалах Енисейской и Иркутской губерний) : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Иркутск, 2007. 21 с.

² Шаламов В. А. Санпросвет в Бурят-Монгольской республике в 1920–1930-е гг. // Десятые байкальские социально-гуманитарные чтения : Материалы: в 2-х томах, Иркутск, 01 марта – 30 2016 года. Том 1. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2017. С. 305–310; Шаламов В. А. Кадровый вопрос в системе Наркомздрава БМАССР и попытки его решения в 1930-е гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2018. № 4 (32). С. 33–45.

³ Номогоева В. В., Плеханова А. М. Советская модернизация бурятского общества в 1920–1930-е годы. Иркутск : Оттиск, 2022. 378 с. Плеханова А. М. Бурятия в 1920-е гг.: опыт социально-экономической модернизации. Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2011. 441 с.

⁴ Номогоева, В. В. Повседневная жизнь бурятского населения (1920-1930-е гг.) / В. В. Номогоева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 7. – С. 27-30.

⁵ Тихонов А. Л. Исторический опыт реализации государственной жилищной политики в городах Бурятии в конце 1950-х – 1991 гг : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2017. 184 с.

в XX веке: к постановке проблемы»¹, в которой отмечено, что сибирская историография действительно перешла от макроистории к микроистории, что означает интерес ученых к узким проблемам региона.

Н. Н. Карамашевой одной из первых рассмотрена история борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью. Ее исследование основано на данных архивов Восточной Сибири. Автор проанализировала структуру заболеваемости и смертности детей в годы войны. Следует также отметить, что проблема детства рассматривается в контексте влияния таких факторов, как ухудшение материального положения населения и острый дефицит продовольственных товаров. Работы автора также содержат анализ основных направлений деятельности государства по внедрению всестороннего обучения в Восточной Сибири. Автор указывает и на недочеты в социальном курсе советской внутренней политики, которые отражались на положении детей².

Социальная политика в отношении коренных народов рассмотрена А. А. Ермаковой и В. А. Кудашкиным³. Авторами затронуты проблемы материнства и детства в отношении представителей малочисленных этносов Байкальского региона.

Особый вклад в изучение социальной политики и социальных проблем Восточной Сибири внес А. В. Шалак. Обобщенным трудом автора является монография, посвященная социальным проблемам населения Восточной Сибири в 1940-е гг.⁴. В данной монографии впервые исследуются годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное пятилетие с позиции анализа подробной картины социальной жизни различных слоев населения. Особое внимание уде-

---

¹ Занданова Л. В. Повседневная жизнь населения Байкальской Сибири в XX веке: к постановке проблемы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. № 1. С. 227–232.

² Карамашева Н. Н. Некоторые проблемы охраны детства в годы Великой Отечественной войны: (на материалах Восточной Сибири) // Проблемы отечественной истории. 1993. Вып. 2. С. 84–104.

³ Ермакова А. А., Кудашкин В. А. Проблемы материнства и детства у коренных малочисленных народов Иркутской области: проблемы и пути решения (вторая половина XX - начало XXI вв.) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 2(36). С. 117–120. Ермакова А. А., Кудашкин В. А. Социальная политика СССР в отношении коренных малочисленных народов в 20-50-х годах XX века: проблемы материнства и детства // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 4(38). С. 97–100.

⁴ Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1945 гг.). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. 357 с.; Шалак А. В. Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. 183 с.

ляется социальному положению малообеспеченных групп, включая детей и семьи военнослужащих. Это исследование проводится на базе широкого спектра источников – материалов местных и центральных архивов, воспоминаний, статистических данных.

С точки зрения истории повседневности в рамках изучения проблем семьи и детства несомненный интерес представляют работы Ю. А. Петрушина, написанные на материалах Иркутской области. Автором опубликован историографический обзор Великой Отечественной войны¹, а также воспоминания детей войны, являющиеся важнейшим историческим источником по изучению социальной действительности советского общества².

Крупным исследователем детства в Бурятии является Е. В. Банзаракцаева. В ее монографии «Охрана детства в Бурятии в годы Великой Отечественной войны» освещены вопросы положения детей различных категорий – беспризорных и безнадзорных, детей-сирот, детей военнослужащих, опекаемых и патронизируемых детей³. Особое внимание автор отводит быту детских домов, организации спецприемников, организации работы по поиску родственников детей, которые потеряли связь с близкими⁴. Е. В. Банзаракцаева также анализировала деятельность советской школы с позиции проникновения в нее идеологии и обязательного политпросвещения⁵.

---

¹ Петрушин Ю. А. Историография Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур, Иркутск, 23–24 апреля 2015 года / Под редакцией П. А. Капустюка. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. С. 175–181.

² Петрушин Ю. А. Дети войны: суровая правда повседневности // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур, Иркутск, 23–24 апреля 2015 года / Под редакцией П. А. Капустюка. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. С. 186–189.

³ Банзаракцаева Е. В. Охрана детства в Бурятии в годы Великой Отечественной войны : монография. Улан-Удэ : Издат.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 165 с.

⁴ Банзаракцаева Е. В. Организация работы с детьми, потерявшими связь с родителями, советских и партийных органов Бурят-Монгольской АССР во время Великой Отечественной войны // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 2 (9). С. 77–80; Банзаракцаева Е. В. Детские дома Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 17–21.

⁵ Банзаракцаева Е. В. Военно-патриотическое воспитание в школах Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Байкальские встречи – VIII: Историко-культурное наследие региона как фактор социально-экономического развития : Материалы международной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 11–13 сентября 2014 года. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2014. С. 321–325.

Охрана материнства и детства также исследована Е. Н. Афанасовой в диссертационной работе «Реализация социальной политики Советского государства в области охраны материнства и детства в 1920-1930-е гг.»¹. Автором подробно рассмотрены вопросы детской смертности в Восточной Сибири, организации системы акушерской помощи, открытия новых больниц и борьбы с заболеваемостью детей². Кроме того, выделены проблемы организации дошкольных учреждений, работы детских домов, а также проанализирована работа различных организаций, направленная на улучшение положения жизни детей в регионе в 1930-е гг. С одной стороны, эта работа лишь частично касается исследуемого периода, но, с другой стороны, она важна для понимания эволюции политики в отношении материнства и детства, начиная с начала советской эпохи и заканчивая закатом сталинского периода.

Социальная политика в области материнства и детства наглядно проявляется в области образовательной деятельности. В данном случае речь идет не об анализе учебного процесса, методике образования, смене образовательных парадигм, а об исследовании материальных аспектов образовательного процесса. В данном случае для исследования темы большое значение имеет анализ материального благополучия обучающихся детей, условия обучения, организация питания, деятельность по вовлечению детей в процесс обучения и другие подобные аспекты.

Развитие образовательных учреждений и воспитательного процесса в советской школе, ее влияние на развитие детства в годы ВОВ изучено Е. С. Соктоевой³. Автор в своем диссертационном исследовании приходит к выводу о том, что патриотический уклон образования и воспитания, а также

---

¹ Афанасова Е. Н. Реализация социальной политики Советского государства в области охраны материнства и детства в 1920-1930-е гг. : по материалам Восточной Сибири : дисс. ... д. ист. наук : 07.00.02. Иркутск, 2020. 561 с.

² Афанасова Е. Н. Изменение уровня младенческой смертности в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2013. С. 467–473; Афанасова Е. Н. Организация медицинской помощи детям в Восточной Сибири в 1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-2 (30). С. 23–25.

³ Соктоева Е. С. Деятельность общеобразовательных школ БМАССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, 2015. 183 с.

использование в регионе труда школьников имели положительное значение в годы войны. Определенный пласт информации по теме диссертации содержится также в исследовании А. Н. Балакирева, посвященном детскому движению в Бурятии¹.

Современные иностранные авторы также обращают внимание на проблемы, связанные с институтом материнства и детства в СССР, в контексте реализации социальной политики, при этом особое внимание уделяется изучению периода Второй мировой войны. Так, Л. Киршенбаум² активно занималась изучением положения советских детей в период войны, а детство в период оккупации стало предметом исследования Б. Штельцль-Маркс³, которая затрагивала вопросы «поиска корней» в послевоенное время. По известным причинам работы иностранных авторов в значительной степени политизированы и отражают их идеологические предпочтения. Поэтому не случайно особое место в зарубежных исследованиях занимает положение семей во времена «сталинского террора». К примеру, Ж. Граффенрид⁴ и С. Вонг⁵ рассматривают репрессии в среде советских семей и советскую политику в отношении сирот, критикуя меры советской власти. Таким образом, в зарубежных публикациях можно найти исследования, посвященные миграционной политике СССР в послевоенный период, а также множество статей с анализом положения женщин в Советском Союзе. Помимо критики коммунистического режима, эти работы вполне объективно отражают роль женщин в выполнении оборонных планов в годы войны, их участие в военных действиях на фронтах Великой Отечественной войны.

В целом социальная политика СССР в области материнства и детства и ее региональное воплощение уже много лет привлекают внимание исследовате-

---

¹ Балакирев А. Н. Становление и развитие детского движения в Бурятии (1923–1991 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2006. 206 с.

² Kirschenbaum L. The Meaning of Resilience: Soviet Children in World War II // *Journal of Interdisciplinary History*. 2017. XLVII. Pp. 521–535.

³ Stelzl-Marx B. Soviet children of occupation in Austria: The historical, political and social background and its consequences // *European Review of History: Revue européenne d'histoire*. 2015. 22:2. Pp. 277–291.

⁴ Graffenried J. Silence Was Salvation Child Survivors of Stalin's Terror and World War II in the Soviet Union // *The soviet and post-soviet review*. 2015. № 42. Pp. 353–372.

⁵ Wong S. The Failure of Soviet Orphan Policies, 1918–1939 // *Armstrong Undergraduate Journal of History*. 2019. Vol. 9. Iss. 2. Pp. 112–134.

лей. Уникальные архивные материалы, большой пласт источников личного происхождения делает данную тему неисчерпаемой и актуальной для Байкальского региона.

Таким образом, анализ литературы свидетельствует, что вопросы семейной политики, защиты детства либо фрагментарно поднимаются в работах, посвященных социальной политике или условиям жизни населения, либо анализируются в рамках более узкого периода, как правило, ограничиваясь годами Великой Отечественной войны и лишь частично в отдельных работах затрагивая предвоенный и послевоенный периоды. Все это актуализирует необходимость более комплексного и масштабного исторического исследования с начала разработки курса государственной политики в конце 1930-х гг., ее последовательного осуществления в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановительного периода. Байкальский регион являлся в годы войны районом глубокого тыла, имел свои экономические и демографические особенности, этническую специфику, что не могло не отразиться на реализации региональной политики в области защиты материнства и детства. Комплексное изучение различных аспектов социальной политики в этой области, ее региональной специфики является актуальной задачей исторической науки, а осмысленный исторический опыт семейной политики, несомненно, обладает прикладным значением.

Объект исследования – социальная политика Советского государства в области охраны материнства и детства.

Предмет исследования: механизмы и практика реализации социальной политики в области охраны материнства и детства в 1936–1953 гг. в Байкальском регионе.

Отметим, что содержание понятия «социальная политика» в области охраны материнства и детства включает следующие элементы:

- социальное обеспечение матерей и детей, в том числе мероприятия, направленные на повышение уровня жизни советской семьи;

- предоставление экономических гарантий матерям и детям – пособий, льгот, регулирование доходов, жилищных условий;
- предоставление образовательных услуг и услуг в сфере здравоохранения;
- координация и содержание специализированных заведений для детей-инвалидов, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Цель работы: изучение социальной политики в области материнства и детства в стране и ее реализации на территории Байкальского региона, а также результатов данной политики в контексте социально-политических и экономических процессов, происходивших в СССР в 1936–1953 гг.

Задачи диссертационного исследования:

- рассмотреть нормативно-правовые основания социальной защиты и социального обеспечения материнства и детства, их формирование на основе Конституции 1936 г.;
- выявить проблемы и особенности реализации формируемой социальной политики в области материнства и детства в Байкальском регионе накануне войны;
- изучить основные изменения в курсе социальной политики в области поддержки материнства и детства в период Великой Отечественной войны;
- исследовать ключевые направления государственной поддержки семей военнослужащих, детей-сирот, матерей-одиночек в период войны, их влияние на развитие института материнства и детства;
- проанализировать масштабы привлечения населения к оказанию помощи семьям с детьми, деятельности по борьбе с беспризорностью и правонарушениями несовершеннолетних;
- оценить влияние результатов реализации политики в области материнства и детства на социально-экономическое развитие и демографические процессы в Байкальском регионе.

Хронологические рамки исследования определены 1936–1953 гг. Нижняя граница обусловлена принятием Конституции СССР, в которой отчетливо

сформулированы меры и направления социальной политики в отношении института материнства и детства. Верхняя граница определена 1953 г., началом нового этапа в области внутренней политики, связанного с внутривластной борьбой и изменением приоритетов Советского государства в области охраны материнства и детства.

Территориальные рамки исследования ограничены Байкальским регионом, который территориально-географически включает Иркутскую область и Бурятию. Данные территориальные единицы являются близкими по природно-географическим условиям, экономическим и социокультурным особенностям развития. Эти административные образования входили в состав Восточно-Сибирского края, а с его упразднением в 1936 г. были определены как Бурят-Монгольская АССР и Восточно-Сибирская область. В свою очередь, в 1937 г. Иркутская область была выделена из состава Восточно-Сибирской области, а из Бурят-Монгольской АССР был выведен Усть-Ордынский Бурятский автономный округ, который в последующем территориально определен к Иркутской области, а также в сентябре того же года из Агинского и Улан-Ононского аймаков Бурят-Монгольской АССР был образован Агинский Бурят-Монгольский национальный округ в составе Читинской области. Таким образом, на момент образования Иркутской области в ее составе находилось 30 районов, девять городов и Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ, а Бурят-Монгольская АССР включала 15 районов, из которых три носили статус национальных, и два города.

Выделенные территориальные рамки позволяют всесторонне изучить механизмы реализации социальной политики в данном регионе как части Советского государства и на его примере показать значимость принимаемых мер по охране материнства и детства.

Источниковая база исследования. Диссертационное исследование выполнено на широкой источниковой базе с использованием источников различных типов и видов, основным из которых стал письменный тип. В частности, нами использованы такие виды письменных источников как законодательные

акты, делопроизводственная документация, статистические источники, источники личного происхождения, периодическая печать.

Для понимания содержания социальной политики в области материнства и детства, а также процесса становления данного института огромное значение имеет анализ нормативно-правовой базы по этой теме, решений органов власти по вопросам материнства и детства. Прежде всего, это законодательные акты, и Постановления ЦИК, СНК, регулирующие различные аспекты социальной политики в области материнства и детства, в первую очередь, назначение пособий и льгот, реализацию мер по борьбе с безнадзорностью и беспризорностью, а также организацию самой деятельности органов власти в сфере совершенствования демографической политики. Указы Президиума ВС СССР позволили составить перечень мер, реализуемых государством в сфере налогов и сборов, усыновления, улучшения социального обеспечения отдельных категорий семей. Важно отметить, что анализ нормативно-правовой базы позволяет осуществить ретроспективный анализ эволюции социальной политики в области материнства и детства, поддержки семьи на всем протяжении исследуемого периода. Особенно важное значение в этом смысле имеют такие нормативно-правовые акты, как Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении аборт...», анализ которого позволяет определить закладываемые основы курса социальной политики в отношении материнства и детства, Указ Президиума ВС СССР от 19 мая 1949 г. «Об улучшении дела государственной помощи многодетным и одиноким матерям и улучшении условий труда и быта женщин», позволяющий дать оценку социальному обеспечению советской семьи в сравнении с предыдущими документами, в том числе Указом Президиума ВС СССР от 25 ноября 1947 г. «О размере государственного пособия многодетным и одиноким матерям». Указ Президиума ВС СССР от 10.04.1942 «О местных налогах и сборах» был использован для анализа льгот для многодетных и одиноких матерей. Положение детей, оставшихся без попечения родителей, рассмотрено на основе таких законодательных источников, как Указ Президиума ВС СССР от 08.09.1943 «Об усыновлении».

Большой пласт законодательных актов по теме диссертации опубликован в сборниках документов. Для исследования активно анализировались такие сборники, как «Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937)» под ред. А. Я. Вышинского¹. Это один из первых сборников документов интересующего нас периода, содержащий все законы, необходимые для анализа изменений социального курса с 1936 г. Более поздние акты опубликованы в издании «Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР» под ред. М. И. Юмашева, Б. А. Жалейко².

Еще одним видом источников, позволившим оценить динамику развития социальной сферы СССР в изученный период, стали статистические материалы, которые содержат данные о численности населения, его структуре, количестве женщин, возрастных групп населения, а также данные о жилищном строительстве, уровне жизни, доходах населения и многих других показателях развития социально-экономической сферы. Стоит отметить сборник «СССР в цифрах», в котором опубликованы материалы в динамике от дореволюционных показателей до 1958 г.³. Материалы данного сборника позволили оценить общее состояние развития института материнства и детства в СССР. Важное значение для исследования имели опубликованные в сборниках материалы Иркутскстата «За строкою цифр: к 95-летию Иркутской статистики»⁴ и «Память о великом подвиге: цифры и факты. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»⁵, содержащие общую информацию об истории региона в цифрах.

Важным источником по теме диссертационного исследования являются материалы периодической печати. Были проанализированы публикации газет

---

¹ Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937): сборник документов / под ред. А. Я. Вышинского. М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. 298 с.

² Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. 500 с.

³ СССР в цифрах [в 1958 году] : [краткий сборник статистических материалов]. М.: Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР, 1958. 469 с.

⁴ За строкою цифр: к 95-летию Иркутской статистики Иркутск: Иркутскстат, 2015. 94 с.

⁵ Память о великом подвиге: цифры и факты. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Иркутск: Иркутскстат, 2020. 50 с.

«Ленская правда», «Восточно-Сибирская правда», «Колхозная правда», «Сталинский путь», «Ленский шахтер». На страницах газет публиковалась официальная позиция власти в отношении материнства и детства, освещались законодательные изменения в назначении пособий нуждающимся. Особо стоит отметить использование газетных публикаций в качестве инструмента мобилизации усилий общественности и трудовых коллективов на оказание помощи нуждающимся категориям населения, в том числе семьям военнослужащих и детям. На страницах газет регулярно публиковалась информация об инициативах трудовых коллективов по этому вопросу, объемы оказанной помощи. Особенно активно данная проблема освещалась в годы Великой Отечественной войны. Данный вид источников позволяет оценить вовлеченность органов власти, общественных организаций и населения в организацию помощи, расширяет возможности для изучения социальной политики в области материнства и детства. Одновременно анализ материалов печатных изданий позволяет использовать разнообразные эмпирические данные для аналитических обобщений, а также понимания конкретно-исторического контекста, в рамках которого решались данные задачи. Газеты и журналы советской эпохи являются необходимым элементом в изучении социальной политики, помогают создать объективную картину взаимоотношений общества и государства и дополняют другие исторические источники.

Самую важную группу составляют неопубликованные источники, хранящиеся в архивах Байкальского региона. Большая часть данных источников представлена делопроизводственными материалами. Источниковая база исследования содержит материалы пяти архивов Байкальского региона. Проанализированы данные 16 фондов ГАИО, а также 11 фондов его подразделения ЦДНИ, 13 фондов ГАРБ, двух фондов МКУ «Архив города Черемхово», одного фонда архива Заларинского района. Общее состояние источниковой базы для изучения проблемы социальной политики в области материнства и детства является удовлетворительным. Местные архивы Иркутской области и Бурятии богаты источниками, позволяющими дать полноценную оценку курса социальной по-

литики и его проведения местными властями. В настоящее время в архивах по-прежнему остается неизученным большое количество материалов, на основе которых могут быть написаны множество работ, дополняющих и расширяющих выбранную тематику.

Данные по проведению социальной политики в области материнства и детства содержатся в фондах Государственного архива Иркутской области (ГАИО). В фондах 155 «Отдел народного образования Исполнительного комитета Верховенского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», 160 «Отдел народного образования Исполнительного комитета Иркутского г. Иркутск», 246 «Отдел народного образования Исполнительного комитета г. Тулун Тулунского округа Сибирского края» были заимствованы сведения о положении дел в области образования и культуры региона, отмечены основные особенности проведения социальной политики в области детства, в том числе снабжения школ, строительства новых учебных заведений, реализации образовательных и воспитательных программ в изучаемый период.

Огромное значение для анализа итогов социальной политики имели фонды отделов здравоохранения – Зиминского (ф. 265), Исполнительного комитета Восточно-Сибирского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ф. Р-3101), данные Министерства здравоохранения Иркутской области (ф. Р-1893). Архивные документы указанных фондов позволили дать оценку количественным и качественным показателям учреждений здравоохранения, в том числе получить информацию о снабжении больниц, детских поликлиник, родовспомогательных учреждений, фельдшерско-акушерских пунктов Иркутской области и Бурятии. Кроме того, приведены данные о наличии сети аптек в регионе и состоянии их снабжения лекарствами, необходимыми детям.

Проблемы социальной политики в области материнства и детства в регионе отражают документы фонда Исполнительных комитетов (ф. 600). В фонде содержится информация, изложенная в отчетах органов власти и актах проверки выполнения социального курса в отдельных районах, аймаках.

Важным источником являются документы фондов комиссий по улучшению жизни детей, хранящиеся в документах ГАИО (ф. 635, ф. 729). Для оценки состояния безнадзорности и беспризорности, а также мер, принимаемых в Байкальском регионе для улучшения положения детей, оставшихся без попечения родителей, использованы отчеты комиссии, а также жалобы, направляемые в ее адрес, и иные документы. Данные документы, во многом являющиеся каналом обратной связи жителей региона с органами власти, позволяют не только более объективно оценить характер первичной информации, но и сделать более выверенные оценочные суждения.

Важными для исследования темы являются документы Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ). Его фонды содержат огромный пласт информации по реализации социальной политики в области материнства и детства в Бурятии. Для оценки помощи семьям с детьми важными источниками стали фонды райкомов ВЛКСМ (ф. 36, ф. 40). Данные фонды содержат дела, связанные с участием комсомольцев в социальной политике и оказании помощи женщинам и детям. В них содержится различный эмпирический материал, характеризующий социальное положение детей, а также деятельность по их материальной поддержке. Эти данные позволяют сформулировать выводы об основных мерах поддержки различных групп детей, включая сирот, а также ее объемах.

Ф. 60 «Политотдел 4-го отделения ВСЖД» позволяет оценить масштабы беспризорности, фиксируемой на железнодорожных коммуникациях региона в изучаемый период, а также проанализировать деятельность в области оформления беспризорников в детские приемники. Основная информация по мерам, принимаемым на уровне республики, в отношении женщин и детей содержится в фондах П-1 «Бурят-Монгольская областная контрольная комиссия ВКП(б)» и П-2 «Улан-Удэнский горком КПСС», на основе которых сформулированы выводы об участии партии в решении проблем материнства и детства.

Фонды Министерства здравоохранения Бурятии и медицинских производственных объединений позволяют оценить уровень развития системы здра-

воохранения в области материнства и детства, а также на основе разнообразных эмпирических данных отследить целенаправленную деятельность по оказанию непосредственно медицинской помощи женщинам и детям.

Для изучения вопросов диссертационного исследования использовались фонды Центра документации новейшей истории Государственного архива Иркутской области (ЦДНИ ГАИО). Прежде всего, это фонды районных и городских комитетов (ф. 29, ф. 67), партийные фонды, содержащие материалы принятых решений по реализации курса социальной политики (ф. 127, ф. 159, 199, 243), фонды профсоюзных организаций образовательных учреждений (ф. 1913). Архивные материалы позволили получить данные по отдельным районам Иркутской области и выявить проблемные аспекты реализации социальной политики в области оказания помощи семьям в регионе.

Из местных архивов также использованы фонды треста «Черемховуголь» (архив г. Черемхово). Они представляют интерес прежде всего с точки зрения, поддержки семей в рамках конкретного производства. Представленные документы свидетельствуют, что эта помощь в основном концентрировалась на вопросах помощи в области жилищного строительства, обеспечении работников предприятий и их семей жильем.

Важные материалы по теме диссертационного исследования содержатся в многочисленных хрестоматиях и сборниках документов, отражающих историю Байкальского региона. Активно ведется работа по публикации документов и материалов архивами Иркутской области и Бурятии. В 2011 г. вышел сборник документов из фондов ГАНИИО «Всё для фронта, всё для победы!»¹. В нем нашли место как Указы и Постановления местных властей, так и источники личного происхождения. В 2015 г. вышел сборник документов «Иркутск на фронте и в тылу (по материалам ГАНИИО)»². Государственный архив новейшей истории Иркутской области при поддержке иркутских исследователей

---

¹ Всё для фронта, всё для победы!: сборник документов из фондов ГАНИИО. Иркутск: Оттиск, 2011. 512 с.

² Иркутск на фронте и в тылу (по материалам ГАНИИО) : сборник документов из фондов Государственного архива новейшей истории Иркутской области. Иркутск : Оттиск, 2015. 496 с.

начал постепенную работу по публикации источников региональной истории изучаемого периода. Среди документов встречаются материалы решений местных органов власти в отношении семей с детьми, данные об объемах помощи населению региона, а также воспоминания, ценные для создания объективной картины жизни региона в военное время. В 2016 г. была опубликована хрестоматия «История Иркутска XX века»¹.

Подобные издания характерны и для изучения истории Бурятии. В 2020 г. в свет вышел сборник документов «Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», составителями которого стали Б. Ц. Жалсанова, М. С. Новолодская, Н. С. Барданов, Н. С. Ламуева и др.². Коллектив авторов произвел качественный отбор документов, посвященных вкладу Бурятии в победу, деятельности партийной и общественных организаций по обеспечению населения и поддержке фронта. Работа по публикации подобного рода источников является регулярной для Бурятии. Еще в 2005 г. в свет вышел сборник «Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»³, в котором собрано множество материалов о вкладе женщин в экономическое развитие региона, а также о поддержке многодетных и одиноких матерей со стороны местных органов власти.

Уникальными источниками являются источники личного происхождения, в частности воспоминания. В постсоветский период регулярно стали издаваться сборники с источниками личного происхождения и мемуары отдельных личностей. Для нашего исследования особую ценность имел сборник «Дети войны»⁴, опубликованный преподавателями Иркутского регионального колледжа педагогического образования. Собранные воспоминания о жизни в военное время, о трудном детстве, потерях и невзгодах нуждаются в сохранении, в передаче сле-

---

¹ История Иркутска XX века : хрестоматия. Том 2. Иркутск : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Отгиск», 2016. 544 с.

² Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : Сборник документов / Государственный архив Республики Бурятия. Иркутск : Отгиск, 2020. 848 с.

³ Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и воспоминания. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2005. 320 с.

⁴ Дети войны: сборник воспоминаний и очерков ветеранов Иркутского регионального колледжа педагогического образования / сост. Л. Д. Свирковская. Вып. 2. Иркутск: ГБПОУ ИО ИРКПО, 2016. 66 с.

дующему поколению этого уникального опыта адаптации к военному времени, использования всех внутренних и внешних ресурсов для выживания и победы.

Устный тип источников представлен материалами личного происхождения. К источникам личного происхождения также относятся данные, полученные автором диссертационного исследования в ходе интервью. Интервью с Н. Ф. Безносовой 1933 г. р., жительницей рп. Залари, а ранее д. Яндон Заларинского р-на, позволило выявить особенности жизни семей с детьми в небольших поселениях региона. Из интервью с А. У. Янхаевой 1938 г. р. отмечены особенности проживания детей в бурятских деревнях, а также особенности организации обучения детей в сельских школах. Интервью с А. И. Кругловым позволило выделить проблемы обеспечения детей уже в начале 1950-х гг. Беседа с А. Ф. Глушаченко 1933 г. р. помогла дать оценку влияния репрессивной политики государства на семьи с детьми.

Таким образом, представленная источниковая база позволяет осуществить комплексное историческое исследование по предмету изучения основных направлений деятельности в области формирования, сохранения и развития института материнства и детства в Байкальском регионе в обозначенный хронологический период.

Теоретико-методологическая основа исследования. В основу диссертационного исследования заложены принципы научной объективности, историзма и системности. Методологической основой проведенного исследования является материалистическое понимание истории, которое позволяет наиболее полно учитывать взаимосвязь существующей социальной организации общества и экономических процессов в условиях глубоких трансформационных изменений, обусловленных войной. Принцип системности позволил осуществить обобщение, интерпретацию и использование теоретических положений, научных принципов и концептуальных позиций, обоснованных ведущими отечественными и зарубежными учеными.

При изучении темы диссертационного исследования автор опирался также на традиционные для исторических исследований общенаучные и специаль-

но-исторические методы. Основными общенаучными методами исследования являются анализ, синтез, сравнение, дедуктивный метод. При помощи анализа осуществлены отбор, структурирование и систематизация различных эмпирических данных, имеющих отношение к показателям демографических процессов, оценке численности семей с детьми в СССР, а также иных групп населения. Статистический анализ использован для оценки основных численных показателей, содержащихся в архивных источниках и иных информационных материалах: объемов помощи населению, динамики финансирования социальной политики и т. д. Метод синтеза использован при обобщении полученных данных, а также при формулировании выводов исследования. Метод дедукции позволила сделать вывод относительно основных черт социальной политики СССР в области материнства и детства в Байкальском регионе.

Для написания диссертации также применялись специально-исторические методы. Историко-генетический метод способствовал последовательному раскрытию основ социальной политики СССР в процессе ее динамики с 1936 по 1953 гг., что позволило в наибольшей мере выявить общее и особенное в изучаемом явлении на различных этапах. Историко-сравнительный метод применялся при выявлении особенностей и отличительных черт социальной политики довоенного, военного и послевоенного времени, а также межрегиональных различий. На основе применения историко-типологического метода в диссертационном исследовании выявлена и сформулирована совокупность факторов и признаков, которые характеризуют социальную политику изучаемого периода. Историко-системный метод позволил рассмотреть социальную политику в канве исторических событий и явлений, в единстве общественно-исторического развития изучаемой эпохи.

Положения и выводы, выносимые на защиту:

- К середине 1930-х гг. Советское государство приступает к разработке концепции социальной политики и реформированию социальной сферы, в том числе института материнства и детства. К этому времени накопился комплекс

проблем, который требовал скорейшего разрешения: отсутствие социальных гарантий для родивших женщин, многодетных семей, матерей-одиночек. Серьезной проблемой являлась общая неразвитость социальной сферы: высокая потребность в женских консультациях, родильных домах, детских медицинских учреждениях, кадровом потенциале и др. Трудности имелись в области стабилизации санитарно-эпидемиологической обстановки, борьбы с социальными болезнями, образовательной политики, что имело прямое отношение к охране материнства и детства. Принятие новой Конституции в 1936 г. сопровождалось комплексным оформлением политики в сфере охраны материнства и детства.

- Меры, предпринимаемые в курсе социальной политики СССР в области материнства и детства, были весьма разнообразны, что подчеркивает осознание Советским государством значимости семьи и подрастающего поколения. Поддержка материнства и детства, создание условий для воспитания подрастающего поколения, защита детей, оставшихся без попечения родителей, несомненно, стали важнейшими задачами внутривластного курса. В Бурятии объем финансирования социальной политики во второй половине 1930-х гг. повсеместно увеличивался и к 1939 г. достиг суммы в размерах 8428 млн руб. на развитие просвещения, 2307 млн на здравоохранение. К 1940 г. количество медицинских учреждений для беременных женщин в республике выросло до четырех самостоятельных консультаций и семи смешанных. Только за один год педиатров в детских консультациях посетили 37 253 ребенка.

- Реализация социальной политики во второй половине 1930-х гг. ставила перед местными органами власти множество новых задач. Однако в предвоенный период не удалось существенно продвинуться в области создания соответствующей социальной инфраструктуры в области защиты семьи, материнства и детства. Предпочтение на местах отдавалось решению чисто хозяйственных проблем. В то же время в регионе данное направление получает оформление на уровне документов и целей, декларируемых в нормативных актах центральных органов власти и пролонгируемых на местах. Активизация движения в данном направлении позволила местным органам власти приобрести определенный

опыт, который стал основой системной и масштабной работы в области защиты материнства и детства в годы Великой Отечественной войны. Данный период можно считать рубежом в проведении государством нового курса в области семьи, материнства и детства, воспитания подрастающего поколения.

- В годы Великой Отечественной войны на состояние охраны материнства и детства огромное влияние оказало широкое вовлечение женщин в народное хозяйство региона. В этот период забота о детях являлась одним из важнейших направлений социальной политики государства и местных органов власти. Принимаемые меры в годы войны затрагивали самые востребованные аспекты защиты материнства и детства. Особенно отчетливо они проявились в деятельности по развитию и поддержке детских дошкольных учреждений. К 1945 г. в Бурят-Монгольской АССР было 107 садов, в которых воспитывалось 7586 детей, что более чем в два раза превышало предвоенный уровень. В Иркутской области к началу 1944 г. количество детских садов превысило довоенный уровень в 3,2 раза. Помощь семьям военнослужащих, детям-сиротам носила характер постоянного попечения и являлась разнообразной. Проблемы, возникающие на местах, были обусловлены невысоким уровнем развития социально-бытовой инфраструктуры и дефицитом ресурсов. Несмотря на многие недостатки, органам власти в регионе удалось решить одну из основных задач: не допустить потери подрастающего поколения и даже сократить детскую смертность в сравнении с довоенным периодом.

- Фундаментальное значение для решения проблем семьи и детства, особенно в годы войны, имела разнообразная по форме помощь со стороны населения региона. Только на предприятиях Иркутска в начале 1943 г. действовало 98 комиссий, оказывающих помощь семьям мобилизованных граждан. Важное значение имело отражение этой деятельности в идеологической работе. Активно велась пропаганда с призывами поддерживать женщин и детей, публиковались сведения о мерах поддержки, объемах помощи. Большое значение имела организация дополнительного питания для детей, в том числе из многодетных семей и детей эвакуированных граждан. Организация данной помощи являлась

важным элементом механизма реализации политики по сохранению института материнства и детства.

- В механизме реализации социальной политики в области материнства и детства важное значение придавалось борьбе с безнадзорностью и беспризорностью. На протяжении периода Великой Отечественной войны расходы на содержание детских домов и на борьбу с беспризорностью устойчиво росли. В 1945 г. в Иркутской области на содержание детских домов и борьбу с беспризорностью было выделено 18,2 млн руб., что превышало аналогичный показатель 1944 г. на 3,8 млн. Однако лишь в конце войны удалось отладить механизм деятельности по профилактике безнадзорности и беспризорности, включая создание сети специализированных детских учреждений, расширение системы патронирования, что позволило обеспечить выживание детей, оставшихся без родителей.

- После окончания войны важнейшими целями государственной политики в области материнства и детства стали стабилизация демографической ситуации и повышение рождаемости. Основным направлением деятельности в данной сфере стали меры по повышению социальной защищенности женщин и детей, введение ежемесячных пособий на детей, обеспечение доступа к качественному образованию и медицинской помощи, а также улучшение материальной базы детских учреждений, включая детские сады, школы и медицинские учреждения. Особенно значительные успехи были достигнуты в области расширения сети образовательных учреждений в городах и поселках городского типа. В Бурятии в поселках городского типа количество школ выросло в три раза, с 54 в 1941 г. до 163 в 1950 г. В то же время сеть детских дошкольных учреждений в послевоенный период сократилась в связи с изменением режима работы, а также сокращением удельного веса женщин в структуре рабочей силы. При этом в Иркутской области количество детских садов в 1947 г. в сравнении с 1946 г. сократилось незначительно, с 336 до 324, но число детей в них уменьшилось на 33 %. В Бурятии сокращение было масштабнее: сеть детских садов

за этот период уменьшилась более чем в два раза, с 115 до 52, а количество детей – с 6728 до 2906 человек или в 2,3 раза.

- В 1945–1953 гг. в Иркутской области и Бурятии семьи с детьми имели стабильное социально-экономическое положение. В то же время поддержка материнства и детства не носила ярко выраженного приоритетного начала, как в годы войны. Для многодетных семей сохранялись и расширялись меры социальной поддержки, особое внимание стало уделяться матерям-одиночкам. Однако органы власти, решая задачи восстановления разрушенного хозяйства и укрепления обороноспособности страны, рассматривали вопросы социальной политики как второстепенные. Данная тенденция отчетливо проявляется в деятельности местных органов власти Иркутской области и Бурятии.

- В СССР комплексный подход к защите института семьи и детства получил развитие после принятия новой Конституции в 1936 г. В годы войны эта проблема была актуализирована и превратилась в одно из основных направлений деятельности органов власти в регионе. Высокая вовлеченность населения региона в эту деятельность являлась важным стабилизирующим фактором в тылу и моральной поддержкой защитникам Отечества. Законодательное оформление политики по защите института материнства и детства в данный период имело большое значение для решения демографических потерь страны, понесенных в годы Великой Отечественной войны, и успешного развития народного хозяйства в послевоенный период.

Научная новизна исследования состоит в системном анализе основных направлений деятельности в области поддержки института семьи, материнства и детства на основе широкого круга источников, в том числе ранее не использованных архивных материалов, а также материалов интервью, достоверность которых подтверждается архивными данными. Проанализированы основные меры социальной политики в отношении института материнства и детства на материалах Байкальского региона. Локальный характер исследований дополняет имеющиеся труды по данной тематике и расширяет представление о специ-

фике и особенностях реализации данного социального курса на территории Иркутской области и Бурятии.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы для подготовки общих и специальных учебных курсов, написания исследовательских работ, посвященных социальной политике СССР в области материнства и детства. Материалы могут найти отражение в таких вузовских курсах, как «История», «История России XX века», «История отечественного государства и права». Помимо этого, диссертация представляет особый интерес для краеведческой работы и воспитательной деятельности, поэтому может быть полезна для организации проектной и исследовательской работы как в вузах, так и в образовательных учреждениях иных уровней.

Степень достоверности и апробация исследования. Результаты проведенного исследования нашли отражение в ряде публикаций, а также обсуждались на заседаниях «Шерстобоевских чтений» Байкальского государственного университета (Иркутск, 2021, 2022, 2023 гг.), на конференции «Россия и Сибирь в изменяющемся мире: история и современность» (Иркутск, 20 апреля 2022 г.).

Статьи, опубликованные в журналах из перечня ВАК:

1. Бурдина, Д. А. Меры социальной поддержки и защиты материнства и детства на территории Иркутской области и Б-МАССР (1936–1953 гг.) / Д. А. Бурдина // Genesis: исторические исследования. – 2022. – № 9. – С. 79-89. – DOI 10.25136/2409-868X.2022.9.38554.

2. Бурдина, Д. А. Привлечение населения СССР к оказанию помощи семьям с детьми в годы Великой Отечественной войны (на примере Байкальского региона) / Д. А. Бурдина // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 4. – С. 44–53. – DOI: 10.7256/2454-0609.2023.4.43632.

3. Бурдина, Д. А. Решение медико-социальных проблем материнства и детства в курсе социальной политики СССР 1936–1953 гг. (на материалах Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР) / Д. А. Бурдина // Известия Ир-

кутского государственного университета. Серия: История. – 2022. – Т. 41. – С. 53–59. – DOI 10.26516/2222-9124.2022.41.53.

4. Бурдина, Д. А. Решение проблем безнадзорности и беспризорности в рамках реализации социальной политики СССР 1936–1953 гг. (на материалах Байкальского региона) / Д. А. Бурдина // Исторический журнал: научные исследования. – 2022. – № 4. – С. 39–48. – DOI 10.7256/2454-0609.2022.4.38570.

5. Шалак, А. В., Бурдина Д. А. Проблема сохранения подрастающего поколения местными органами власти Байкальского региона. 1936–1950 гг. / А. В. Шалак, Д. А. Бурдина // Вестник архивиста. – 2022. – № 2. – С. 571–583. – DOI 10.28995/2073-0101-2022-2-571-583.

Статьи, опубликованные в журналах перечня РИНЦ:

1. Бурдина, Д. А. Историография социальной политики СССР в области материнства и детства в 1936–1953 гг. / Д. А. Бурдина // Иркутский историко-экономический ежегодник 2021. – Иркутск : Байкальский государственный университет, 2021. – С. 398–405.

2. Бурдина, Д. А. К вопросу о финансировании социальной политики в сфере поддержки материнства и детства в Байкальском регионе в 1936–1940 гг / Д. А. Бурдина // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2023 : Сборник статей. – Иркутск : Байкальский государственный университет, 2023. – С. 170–175. – DOI 10.17150/978-5-7253-3124-0.19.

3. Бурдина, Д. А. Развитие системы детских дошкольных учреждений как элемент социальной политики в области материнства и детства в СССР в 1936–1953 гг. (на материалах Иркутской области и Б-МАССР) / Д. А. Бурдина // Россия и Сибирь в изменяющемся мире: история и современность : Материалы всероссийской (с международным участием) научно-теоретической конференции, Иркутск, 20 апреля 2022 года. – Иркутск: Издательство «Репроцентр+», 2022. – С. 196–201.

4. Бурдина, Д. А. Социальная политика СССР в области материнства и детства 1936–1953 гг.: анализ периодической печати Иркутской области / Д. А. Бурдина // Наукосфера. – 2022. – № 4-2. – С. 20–23.

5. Бурдина, Д. А. Социально-экономическое положение семей с детьми в Иркутской области и Республике Бурятия в 1945–1953 гг. / Д. А. Бурдина // Иркутский историко-экономический ежегодник : Сборник статей. – Иркутск : Байкальский государственный университет, 2022. – С. 160–164. – DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.12.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, поделенных на семь параграфов, заключения, списка источников и литературы, приложений.

Первая глава посвящена проблемам реализации социальной политики Советского государства в довоенный период. Рассматриваются вопросы поддержки и охраны материнства и детства с принятия Конституции СССР 1936 г. и до начала военного вторжения Германии. Отмечается положительная динамика в развитии здравоохранения, образования, мер социальной поддержки семей с детьми. При этом указаны основные проблемы, сохраняющиеся с 1920-х гг. и плавно перетекающие в следующие десятилетия так и нерешенными.

Во второй главе рассматривается период Великой Отечественной войны, в рамках которого уделялось большое внимание поддержке семей и организации жизни детей, их досуга, обучения, приобщения к труду. Отмечены новые проблемы, отразившиеся в курсе социальной политики в области материнства и детства, указаны ошибки местного партийного руководства при ее реализации на практике в Байкальском регионе.

Третья глава содержит анализ послевоенного периода социальной политики Советского государства в области охраны материнства и детства, в том числе в рамках восстановления экономики страны и влияния данных процессов на население, в том числе на семьи с детьми.

ГЛАВА 1. АКТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ (1936–1941 ГГ.)

1.1. Актуальные проблемы материнства и детства в довоенное время

Ключевым компонентом общеполитического курса государства является социальная политика, целью которой становится улучшение уровня жизни населения, его благосостояния, защита и поддержка отдельных социальных групп. В наиболее широком смысле под социальной политикой понимают особый способ удовлетворения потребностей граждан; в узком же смысле – это инструмент, позволяющий сдерживать социальные противоречия.

В рамках проведения социальной политики реформированию и модернизации подвергаются здравоохранение, образование, социальная инфраструктура, условия труда, личные доходы, демографические процессы. Особое место в данном процессе отводится мерам поддержки населения, в том числе женщин и детей, которые являются одними из самых уязвимых категорий граждан.

Решение проблем материнства и детства во многом детерминировано состоянием системы здравоохранения, начиная от организации родовспомогательных учреждений, наблюдения за течением беременности и заканчивая образованием комплексной сети педиатрических отделений, деятельность которых способствует сохранению подрастающего поколения, снижению показателей младенческой и детской смертности. Подобные причинно-следственные связи отчетливо прослеживаются в сфере образования, поскольку в рамках учреждений образовательной системы идет процесс формирования физических и мировоззренческих качеств будущего гражданина. В дошкольных и общеобразовательных учреждениях осуществляется полноценный воспитательный процесс, который напрямую связан с институтом материнства и детства.

В СССР вопрос поддержки семей с детьми стал одним из самых актуальных и во многом был актуализирован предшествующим этапом развития страны. После революционных событий 1917 г. и Гражданской войны страна нахо-

дилась в демографическом кризисе. Высокий уровень младенческой смертности, низкая продолжительность жизни, падение уровня рождаемости и отсутствие широкого круга социальных гарантий для граждан требовали от власти пересмотра имеющегося социального курса и поиска новых путей развития страны.

В 1920–1930-е гг. советской властью уже были предприняты попытки создать систему охраны материнства и детства, которая бы решила проблемы, сложившиеся в период образования Советского государства. Данный период был подробно изучен Е. Н. Афанасовой¹. Диссертационное исследование автора можно в полной мере назвать фундаментом дальнейших исследований социальной политики в области охраны материнства и детства. Выявлены и проанализированы важнейшие элементы процесса становления и развития системы охраны материнства и детства в Восточной Сибири: создание сети детских и женских медицинских учреждений, разработка и общественное воспитание детей дошкольного возраста и оставшихся без попечения родителей, развитие материально-технической базы. В течение 1920–1930-х гг. отмечен рост количественных показателей всех учреждений охраны материнства и детства.

По данным всесоюзной переписи населения, в СССР к 1937 г. проживало около 164 млн чел., в Восточно-Сибирской области – 1757,3 тыс. чел., в том числе в Бурят-Монгольской АССР 624,6 тыс., в Иркутской области – 1 302,9 тыс.². Особенно быстро в Иркутской области рос удельный вес городского населения. В сравнении с 1926 г. население города Иркутска увеличилось к 1937 г. на 221,3 % и составило 227,3 тыс. жителей³.

Согласно результатам переписи 1937 г., в СССР проживало 33,7 млн детей в возрасте до девяти лет, а также 28,3 млн несовершеннолетних в возрасте

---

¹ Афанасова Е. Н. Реализация социальной политики Советского государства в области охраны материнства и детства в 1920–1930-е гг. (по материалам Восточной Сибири) : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : дисс. на соиск. уч. ст. д. ист. наук. Иркутск, 2020. 561 с.

² Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / Сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. С. 42.

³ Там же. С. 60.

от 10 до 17 лет. Количество семей в стране достигло показателя в 64,5 млн¹, однако стоит учесть, что в это значение входили абсолютно все возрастные категории, которые имели отметки о заключении брака, в том числе и овдовевшие граждане. Не было отдельного подсчета численности семей, имеющих детей, и даже средних показателей численности детей в советской семье. Отметим также, что сама перепись 1937 г. была объявлена «вредительской», поскольку ее результаты не сошлись с ожидаемыми прогнозами властей. Многие данные были засекречены, а оставшиеся архивные документы опубликованы впервые лишь в 1990 г. Именно поэтому к указанным цифрам стоит относиться критически, их погрешность по данным различных исследователей может составлять от 1 до 5 %.

Социальное положение семьи в государстве определяется, прежде всего, жилищными условиями. Именно они становятся важным показателем качества жизни граждан. В социальной политике СССР во второй половине 30-х гг. XX в. жилищная проблема оставалась нерешенной. Получение жилья было напрямую связано с трудовой деятельностью. В период проведения индустриализации росли города и рабочие поселки. Трудоустройство должно было стать гарантом получения жилья от предприятия. Снабжение рабочих жильем являлось одной из главных задач, стоящих в рамках социальной политики, что повлекло повсеместное строительство и сопровождалось улучшением союзного жилищного фонда.

В Сибири действовала программа поддержки частного строительства, в рамках которой происходило кредитование индивидуальных застройщиков. Срок подобного кредитования составлял 10 лет, а процент кредитования – 3 %. Первоначальный взнос составлял одну треть от суммы кредитования строительства жилья. Программа не получила масштабной реализации из-за низкого уровня доходов населения: треть суммы оказалась непосильной для большин-

---

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / Сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. С. 70.

ства, и поэтому льготный кредит на строительство индивидуального жилья не получил широкого развития¹.

К 1936 г. острый дефицит жилья ощущался по всей стране. В Бурятии, по данным С. В. Кириченко, 80 % предприятий не имели возможности предоставить рабочим жилье, полностью пригодное для проживания. Семьи заселялись в бараки, землянки, сараи. Были случаи проживания трудящихся в палатках². В Восточной Сибири показатель обеспеченности жилплощадью снижался от года к году. В Иркутске снижение с 4,6 кв. м до 3,7 кв. м было зафиксировано еще в первой половине 1930-х гг.

Вторым важным компонентом в социальной политике в области материнства и детства становится развитие сектора здравоохранения и улучшение санитарно-эпидемиологической обстановки в стране. Данное направление включало строительство новых медицинских учреждений, ремонт имеющихся больниц и медицинских организаций, обеспечение условий для снижения уровня младенческой смертности.

Уровень смертности в Сибири в предвоенный период оставался достаточно высоким. В Восточно-Сибирском крае по состоянию на 1935 г. было рождено 71 125 детей, из них умерло 10 304 чел., то есть смертность новорожденных составила почти 15 %. И хотя этот показатель был на 3,3 % ниже уровня 1930 г., специалисты оценивали его как очень высокий в сравнении с другими регионами. При этом рождаемость в сельской местности значительно превышала показатели в городах (см. Приложение 1)³. Несмотря на то, что в первой половине 1930-х гг. было немало сделано для снижения младенческой смертностью, ее показатели изменились незначительно. Это позволяет утверждать, что принимаемые меры не соответствовали остроте имеющихся проблем.

---

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 177. Л. 194.

² Кириченко С. В., Балдано М. Н. Урбанизация и повседневность горожан Верхнеудинска / Улан-Удэ (конец 1920-х – 1930-е гг.): переход из сельской среды в городскую // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022. № 4 (50). С. 135.

³ ГАИО. Ф. р-2677. Оп. 4. Д. 21.

Следует отметить, что в середине 1930-х гг. велась активная работа по противодействию и нейтрализации эпидемических заболеваний, которые оказывали существенное влияние на детскую смертность. 23 января 1935 г. XVI съезд Советов РСФСР принял постановление, согласно которому при вспышках эпидемии ответственность за распространение заболевания возлагалась на местные Советы. Именно поэтому регионы активно включались в решение данных проблем. Государство увеличивало расходы на здравоохранение, в особенности на ликвидацию очагов заболеваний. В целях охраны материнства и детства требовалось расширить санитарно-профилактическую работу, усилить работу по защите социальной среды от инфекционных заболеваний. В целом по стране бюджет на данную сферу планировалось увеличить в 3,6 раза с 1933 по 1937 гг., распределив на здравоохранение сумму в размере 5,4 млрд руб.¹

Одной из ключевых проблем для Бурятии в 1930-е гг. оставалось отсутствие медицинской помощи для коренного населения региона. К 1936 г. в Бурятии активно продвигалось строительство лечебных учреждений, ежегодные расходы на данное мероприятие выросли до 1035 тыс. руб. С 1931 по 1935 гг. государством было потрачено около 2 млн руб. на указанные меры². К этому времени большая часть коренного населения перешла к оседлому образу жизни, проживала в колхозах, что также позволяло сдерживать распространение социальных болезней в регионе. Стоит отметить, что семьи кочевых жителей Бурятии были большими – по семь и более детей. При колхозах создавались лечебные учреждения, пункты фельдшерской помощи и даже детские санатории и ясли. Активно велась санитарная просветительская работа, которой занимались органы народного здравоохранения, диспансеры и дома санитарного просвещения. В результате этой деятельности к 1936 г. в Бурятии были полностью ликвидированы такие заболевания, как холера, оспа и чума, сократились случаи заражения тифом.

---

¹ Государственный бюджет СССР на 1937 г. М.: Типография Госфиниздата СССР, 1937. С. 5.

² ГАРБ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 174, Л. 71.

Трудности возникали и при личном контакте специалистов в области противоэпидемических мероприятий с местным населением. Приглашенные в регион работники зачастую не знали бурятского языка, что порождало немало проблем по линии реализации социальных мероприятий. В качестве решения данной проблемы было предложено публиковать просветительские плакаты, листовки на национальном языке. Санитарно-просветительские беседы и лекции также велись на бурятском языке через переводчика.

Сельская местность нуждалась во врачах, налаживании медицинского обслуживания, строительстве или ремонте медучреждений. В предвоенный период в сельской местности нередко отмечаются вспышки заболеваемости туберкулезом. Туберкулез является социальной болезнью и всегда свидетельствует о низком уровне жизни населения. Нерешенные жилищные проблемы, неполноценное питание жителей региона являлись источником распространения данного заболевания. Значительная часть населения проживала в полуземлянках и бараках, где условия для жизни были достаточно стесненными, практически отсутствовало отопление, не соблюдались минимальные требования по санитарным нормам.

Местные власти предпринимали значительные усилия по борьбе с туберкулезом, однако уровень заболеваемости не снижался. Для решения проблемы в Бурятии в 1933 г. было направлено три специалиста, а к 1936 г. были открыты четыре детских туберкулезных санатория¹. К середине 1930-х гг. местные врачи прогнозировали снижение заболевания и даже полную его ликвидацию.

Лидерами среди заболеваний у бурятского населения являлись также глазные болезни. К 1935 г. Наркомздрав СССР направил по регионам специальные офтальмологические отряды, целью которых было выявление уровня распространенности глазных болезней среди населения. В Улан-Удэ к середине 30-х гг. XX в. было открыто глазное отделение на 10 коек. Также в республике работал передвижной глазной отряд, охват деятельности которого был сосредото-

---

¹ Цыретарова Б. Б. Борьба с социальными болезнями в Бурятии (1920–1940-е гг.) / Б. Б. Цыретарова // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. № 1. С. 31.

точен на Аларском, Селенгинском, Боханском районах Бурятии. На все эти районы было всего три глазных врача, при этом все врачи были приглашенными для работы в республике из других регионов. Социальная потребность в специалистах в данной области была, как минимум, в два раза выше¹.

Нерешенность многих социальных проблем, неразвитость социальной инфраструктуры настоятельно диктовали необходимость комплексного подхода в реализации социальной политики и развитии социальной сферы. Требовалось нарастить темпы повсеместного строительства нового жилья, обеспечить советские семьи условиями, пригодными для проживания, сохранения здоровья и воспитания детей, создать такие жилищные условия, которые бы способствовали повышению уровня рождаемости.

Требовалось расширить сеть медицинских учреждений, в том числе и родовспомогательных учреждений, акушерско-гинекологической помощи, санаториев, детских поликлиник. В свою очередь, это требовало и решения кадрового вопроса медицинских организаций, а также снабжения медучреждений необходимым оборудованием и медикаментами. Необходимо было также радикально улучшить качество санитарно-просветительской работы с целью противодействия распространению социальных болезней.

В середине 1930-х гг. оставалась нерешенной проблема беспризорности и безнадзорности среди детей, которая обострилась еще со времен революции и Гражданской войны. Еще в 1935 г. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» было дано поручение органам внутренних дел организовать особые секции для решения поставленной в документе задачи². Подобные секции были открыты при городских и районных советах, в том числе и в Иркутске. В селе Александровское были открыты детская колония и детский изолятор, к которому была присоединена

---

¹ ГАРБ. Ф. 195. Оп. 4. Д. 140. Л. 56.

² Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 г. // КПСС о комсомоле и молодежи. Сборник резолюций, решений съездов, конференций партии, постановлений ЦК КПСС и других партийных документов (1917–1961 гг.). М.: Молодая гвардия, 1962. С. 227.

Усольская детская колония, а также Иркутский детский изолятор. Были расширены приемники-распределители в Черемхово и Иркутске, а также увеличено количество профилактических мер, направленных на предотвращение противоправного поведения в детско-подростковой среде. Только в 1937 г. Иркутским отделением было задержано 149 несовершеннолетних. Причинами задержаний были карманные кражи, взломы и хулиганство, присутствие на улице в ночное время. Четверо несовершеннолетних в этом году совершили побег из трудовой колонии и также были задержаны милицией. Нередкими были попытки детей посетить кинотеатры и иные места развлечений без билетов, что также рассматривалось, как нарушение. В разряд беспризорных было определено 100 детей¹.

Проблема беспризорности требовала от органов власти решения широкого круга вопросов, прежде всего финансирования и материально-технического оснащения учреждений и мест, связанных с процессом временного содержания и устройства детей. Четыре действующих в Восточной Сибири приемника – в Иркутске, Черемхово, Улан-Удэ и Чите – могли вместить лишь 250 детей. Потребность в данных учреждениях была намного выше, в результате чего процесс, направленный на сокращение беспризорности, сдерживался, а органы охраны по линии железной дороги не осуществляли задержание детей, поскольку знали, что приемники-распределители переполнены. Такая ситуация была в городах Тулуне, Нижнеудинске и даже в Иркутске².

Значимой социальной проблемой было содержание детских домов, в которые отправлялись беспризорники, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей. В первой половине 1930-х гг. в СССР произошло резкое сокращение детских домов, поскольку ранее в 1929 г. была провозглашена «полная победа над беспризорностью». Но уже к середине 30-х гг. XX в. сокращение численности учреждений стали считать антисоветской практикой. Поэтому во второй половине 30-х гг. был вновь взят курс на увеличение детских учре-

---

¹ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 112. Л. 21.

² Там же. Д. 63. Л. 15.

ждений, что позволило исправить ошибки, сделанные ранее, и значительно облегчило решение данной проблемы в военные годы.

Кадровая проблема не могла не отразиться на соблюдении санитарных норм, в том числе в детских учреждениях. Например, в Иркутском детдоме № 1 практически не проводились медицинские осмотры детей. Почти три месяца в учреждении не было врача, который бы следил за состоянием воспитанников. В некоторых учреждениях фиксировалось пренебрежение к чистоте – грязные комнаты, мусор в еде. У 40 % воспитанников был выявлен педикулез¹. Остро стоял вопрос наличия состава подготовленных врачей, обслуживающих детские дома. В среднем к 1936 г. на одного врача в Сибирском крае приходилось 500–700 детей². Охватить данное количество несовершеннолетних, нуждающихся в осмотре, внимании или лечении, было практически невозможно.

К началу проведения нового курса социальной политики, связанного с принятием новой Конституции СССР в 1936 г., количество детских домов и их воспитанников в Иркутской области распределялось следующим образом: всего в области действовало 18 детских домов, в которых на воспитании находились 2194 ребенка (см. Приложение 2). Из них шесть учреждений находились в областном центре, в том числе один приемник-распределитель, четыре учреждения были производственного типа, четыре детских дома сельскохозяйственного типа. Для дошкольников в области функционировали четыре учреждения, а также два учреждения относились к смешанному типу. Для детей с ограниченными возможностями действовали дом-интернат (для детей с умственной отсталостью) и дом инвалидов (для детей с физическими особенностями). В Мальтинском детском доме (п. Мальта) осуществлялось лечение детей, болеющих туберкулезом и имеющих иные диагнозы, связанные с заболеваниями дыхательной системы³.

---

¹ Детдомам Иркутска не хватает твердого руководства и помощи // Восточно-Сибирская правда. 1931. № 131 (231). 14 июня. С. 3.

² ГАИО. Ф. 729. Оп. 1. Д. 3. Л. 201.

³ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 63. Л. 56.

Стоит отметить, что в сравнении с 1923 г. количество детских домов значительно сократилось. Тогда в Иркутской области действовало 38 учреждений, в которых пребывали 2061 человек¹. Сокращение детских домов более чем два раза при увеличении численности их воспитанников свидетельствует о том, что состояние обслуживания детей к 1936 г. изменилось не в лучшую сторону. Численность воспитанников в каждом учреждении увеличилась, при этом каких-либо радикальных подвижек в численности кадров и материально-техническом оснащении не отмечалось.

Восемь детских домов Иркутской области нуждались в расширении помещений, катастрофически не хватало продуктов, одежды, книг, посуды. Детский дом № 2 г. Иркутска не мог обеспечить себя дровами. Власти выделили участок леса для вырубki, но у детского дома не было ни пил, ни топоров, чтобы заготовить дрова. Финансовых средств для найма людей также не было. Кроме того, по словам заведующей Быковой, дети были вынуждены питаться одним хлебом. Мясные продукты в детский дом не поступали. Зачастую у детей не было обуви, чтобы дойти до школы. На весь детский дом в 1936 г. было выдано всего 10 пар обуви, которая не подходила детям по размеру².

В Киренском детском доме имеющиеся столы и стулья, кровати были заимствованы из местного детского сада, поэтому не подходили под возраст воспитанников³. Даже в областном центре в одном из детских домов по состоянию на 1928 г. на 26 детей приходилось всего восемь кроватей. Частично дети спали на одних матрасах, которых тоже хватало лишь для половины детей⁴.

Иногда тяжелое материальное положение в детских домах отчасти было обусловлено поведением воспитанников. Например, в Иркутской области в 1935 г. в детском доме «Трудовая жизнь» воспитанники постоянно выбивали окна. Окна приходилось закрывать кровельным железом, но и его часто порти-

---

¹ ГАИО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 657. С. 193–194.

² ГАИО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 72. Л. 9.

³ ГАИО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 425. Л. 23.

⁴ ГАИО. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 51. Л. 38.

ли. Вред наносился печному отоплению, дверям, посуде. Переломанные ложки закупать было не на что, поэтому пищу дети принимали руками¹.

Уже в течение первой половины 1930-х гг. предпринимались попытки исправить положение учреждений для детей-сирот. Еще в 1933 г. СНК СССР принял постановление «Об укреплении детдомов РСФСР», согласно которому Народный комиссариат снабжения должен был сформировать фонды для снабжения детских домов продуктами первой необходимости – хлебом, рыбой, крупой, сахаром и т. д. На Комитет товарных фондов возлагались задачи по снабжению детских домов одеждой, обувью и постельным бельем². Месяцем позднее было издано постановление СНК РСФСР «Об улучшении материального положения детдомов». Оно еще раз закрепило стоящие перед организациями задачи. Недостающие продукты для детских домов должны были предоставляться продовольственными кооперативами, а также их подсобными хозяйствами. При детских домах планировалось организовать огородничество, а также содержание мелкого скота³. Из бюджета на данные нужды было выделено 5 млн руб. В том же году Восточно-Сибирский краевой исполнительный комитет отметил, что в детских домах региона не хватает провианта, есть проблемы с сырьем, топливом⁴. Все принятые меры не способствовали решению проблемы, а лишь еще раз подчеркнули необходимость ее решения.

К 1935 г. работа с устройством детей-сирот немного изменилась. Началось повсеместное применение патроната. Размещение детей в семью позволяло освободить детские дома и предоставить детям возможность развиваться в обычных условиях без отрыва от социума. На патронирование направлялись дети от 5 месяцев до 14 лет. Однако данный процесс был воспринят работниками детских домов и органами местной власти слишком буквально. Нередко

---

¹ ГАИО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 387. Л. 45.

² Постановление СНК СССР «Об укреплении детдомов РСФСР» 1933 г. // Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / сост.: С. С. Виленский, А. И. Кокурин и др. М.: МФД, 2002. С. 183–187.

³ Постановление СНК РСФСР «Об улучшении материального положения детдомов» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1985. Т. 4. С. 239.

⁴ Сулейманова Р. Н. Меры по защите детства в годы Великой Отечественной войны: из региональной истории / Р. Н. Сулейманова // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т. 13, № 3. С. 46.

нарушались установленные возрастные рамки пребывания ребенка на патронировании. Например, в Иркутской области в Тулунском и Черемховском детских домах из интернатных условий были выведены на патронат подростки 14–15 лет, которые должны были быть трудоустроены¹. Данный факт говорит о том, что ни органы власти, ни сотрудники детских учреждений зачастую не понимали отличий между трудоустройством и патронатом. Их основная цель сводилась к тому, чтобы как можно быстрее избавиться от подростка, передав его на следующую воспитательную ступень. Поэтому процесс передачи детей на воспитание, как в детские дома, так и на патронирование, нуждался в пересмотре и доработке.

Особое внимание в первой половине 1930-х гг. уделялось кадровому обеспечению детских учреждений. Бюро Иркутского горкома ВКП(б) еще в 1933 г. в своем постановлении отмечало, что кадры в детских учреждениях не обладают высокой квалификацией, что сказывалось на общем состоянии учреждений и вызвало текучку воспитанников². С трудными подростками работа не велась, их предпочитали перенаправлять в другие учреждения. Присутствовали частые побеги детей из детдомов³. Количественные показатели кадрового состава также не соответствовали региональным потребностям. По состоянию на 1935 г. в Иркутской области не хватало заведующих в пяти учреждениях, требовалось 102 воспитателя и 198 работников⁴. Качественный потенциал действующих работников детдомов также вызывал много вопросов. В письмах воспитанников в Иркутскую областную детскую комиссию можно встретить информацию об изнурительном физическом труде, о лишении детей ряда продуктов питания, которые сотрудники забирали себе. В обращении по отношению к детям присутствовала нецензурная брань, а также стереотипное отноше-

---

¹ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 63. Л. 6.

² Постановление Иркутского горкома ВКП(б) «О детской беспризорности в городе и мерах борьбы с нею» // Иркутск на фронте и в тылу (по материалам ГАНИИО): Сб. док. / Сост. А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин. Иркутск: Оттиск, 2015. С. 90.

³ ЦДНИ ГАИО. Ф. 159. Оп. 1. Д. 54. Л. 146.

⁴ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

ние к тому, что беспризорный ребенок не может быть ни пионером, ни комсомольцем¹.

Отдельной проблемой можно назвать условия проживания детей в приемных семьях и надзор за этими условиями. Если ребенку полагалось социальное обеспечение, пенсии или иные выплаты, то их получали опекуны (попечители). Распоряжаться этими деньгами они должны были исключительно в интересах ребенка, но никакого контроля со стороны органов и общественности за данным процессом не было. Патронируемые дети обязаны были привлекаться к трудовой деятельности, выполнять наравне с остальными членами семьи сельскохозяйственные работы. Акты обследования семей содержат множество сведений об излишней нагрузке на детей. Нередко им приходилось работать по 10–12 часов. Встречались и случаи издевательств со стороны опекунов. Тяжелым оставалось материальное положение патронируемых детей. Например, в Тулунском районе в 1936 г. на слете патронируемых детей организаторы были шокированы их внешним видом. Дети были грязные, одежда на них была рваной, по виду некоторые выглядели хуже, чем беспризорники². В Иркутской области также нередко встречались патронажные объединения, в которых проживало по 7–10 детей. Для них нанимали воспитателя, в результате такое патронирование приобретало черты детского дома в миниатюре. Акты проверки также выявляли такие проблемы, как однообразное питание, отсутствие договора патроната, спонтанная передача детей в опекунские семьи³.

Повсеместно рядом с проблемой обеспечения детей, оставшихся без попечения родителей, стояла задача по воспитанию подрастающего поколения. Идеологические мотивы государственной социальной политики возлагали на детские образовательные и культурные учреждения задачу по воспитанию такого поколения, которое бы активно участвовало в строительстве нового коммунистического общества и делало все во благо своей страны.

---

¹ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 82. Л. 137.

² ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 82. Л. 21.

³ Там же. Д. 82. Л. 52.

В области образования и воспитания подрастающего поколения основными проблемными вопросами являлись дефицит педагогических кадров и низкая квалификация имеющихся учителей. Не хватало учебников, на низком уровне находилась материально-техническая база культурно-образовательных учреждений. Существенной проблемой также являлось встраивание национального компонента в процесс образования.

В середине 1930-х гг. широким фронтом была развернута борьба за всеобщее обучение. К середине 1930-х гг. в Бурятии 31,3 % детей от 5 до 13 лет были обучены грамоте. Среди подростков и молодежи в возрасте от 14 до 24 лет этот показатель достиг 45,4 %¹. Пункты ликвидации безграмотности создавались в основном в Верхнеудинске и ближайших крупных поселениях, поэтому зачастую желающим получить азы образования приходилось пешком проходить несколько сотен верст к пунктам ликвидации безграмотности².

Сложности оставались с организацией образовательного процесса в школах Бурятии. При поступлении в школы дети чаще всего знали 20–30 слов на русском языке. Бурятский и русский языки преподавались параллельно, и их доли в образовательном процессе были различны в отдельных школах. Уровень обученности языкам был крайне низким: дети плохо владели бурятским и практически не знали русского языка. Для бурятских школ отсутствовали методические пособия. Зачастую сами педагоги не владели своим предметом. В частности, данное замечание имеет отношение и к преподаванию национального языка в школе³.

В Бурятии огромное влияние на жизненный уклад оказывал конфессиональный фактор. В 1930-е гг. советская власть вела активную борьбу с буддийскими дацанами, служители которых не поддерживали советскую политику. В религиозные учреждения перестали пускать те семьи, в которых были коммунисты. В результате органы власти отреагировали жестко: 1701 священнослу-

---

¹ ГАРБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 276. Л. 23–25.

² ГАРБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 272. Л. 9.

³ ГАРБ. Ф. р-60. Оп. 3. Д. 36. Л. 42–44.

житель подвергся репрессиям, большинство дацанов было закрыто. Произошел определенный надлом в ценностно-религиозных представлениях бурятского населения¹. Насаждение коммунистических идеалов в процессе воспитания подрастающего поколения требовало новых культурных практик и методов их реализации для воспитания молодежи в рамках коммунистического идеала.

Стоит отметить еще одну актуальную проблему Байкальского региона, подчеркивающую его специфику. Советская власть активно решала задачи по включению в общественные отношения представителей народов Севера. В Иркутской области к данной категории населения относятся тофалары и эвенки. Уже в 1930 г. был образован туземный совет на территории проживания тофов. Были построены поселения, в которых коренные народы составляли далеко не самый большой процент – 8–10% от общей численности проживающих в населенном пункте. Изменились семейные отношения тофов: родители больше не подбирали детям пару для брака, постепенно отменялся калым. Большинство новых семей были межэтническими, что с одной стороны позволило тофаларам сохранить принцип экзогамии, но при этом привело к ассимиляции этнических особенностей народа. Браки заключались по советскому законодательству с разрешения туземного совета, а чуть позднее – сельского совета. Изменилось и отношение к детям-сиротам: если ранее о них заботилась тофаларская община, то с 1930-х гг. оставшиеся без родителей дети отправлялись в советские детские дома. Продвигался процесс ликвидации безграмотности народов Севера. Уже к концу 1930-х гг. практически все население Тофаларии говорило на русском языке.

Подобные процессы наблюдались и в отношении эвенков, проживающих на территории Мамско-Бодайбинского района. Управление территорией расселения также управлялось туземным советом. На прииски в данный район постоянно прибывало русское население, что ускорило процесс ассимиляции. Организовывались колхозы, например, в п. Конкудера. К середине 1930-х гг.

---

¹ Соболева, А. Н. Особенности молодежной политики в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е гг. / А. Н. Соболева // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 7. С. 159.

насчитывалось девять колхозных хозяйств, при которых действовали промхозы, созданные для контроля за охотугодьями и выполнением плана по сбору пушнины. Семейные отношения эвенков практически разрушались. Традиции бракосочетания были заменены советской регистрацией брака. Обучение детей проходило в рамках интернатной системы. Гонения на шаманство привели к сокращению процедур врачевания и необходимости использования учреждений здравоохранения района. Но отдаленность территории, отсутствие путей сообщения с отдельными поселениями делали практически невозможным оказание своевременной медицинской помощи населению. В 1930-е гг. для мотивации к увеличению сборов пушнины местными органами власти была разрешена продажа алкогольной продукции на территории расселения эвенков, что еще больше усугубило ситуацию и привело к резкому сокращению этноса.

В результате для коренных народов были созданы условия, угрожавшие сохранению их национальной идентичности. Подрастающее поколение все больше ассимилировалось с пришлым русским населением. Остро стоял вопрос обеспечения народов Севера услугами здравоохранения, образования, создания необходимых для проживания санитарно-гигиенических условий. Произошло разрушение традиционного семейного уклада.

Таким образом, оценивая проблемные вопросы социальной сферы к середине 1930-х гг., следует отметить, что перед государством стояла непростая задача по реформированию практически всех ее аспектов. Огромное количество проблем в отношении института семьи и детства являлись нерешенными: отсутствовали социальные гарантии для родивших женщин, а также отдельные меры поддержки матерей-одиночек, многодетных семей. Высокой оставалась потребность в женских консультациях, родильных домах, детских медицинских учреждениях и кадровом потенциале для них. Множество нерешенных проблем накопилось в сфере борьбы с безнадзорностью и беспризорностью, финансирование детских учреждений не соответствовало потребностям, связанным с необходимостью улучшения их материальной базы. Требовалось разработать систему мер по надзору за обращением с детьми, находящихся под патронажем.

Сохранение культуры этносов требовало отдельной проработки всех воспитательных и образовательных аспектов при реализации образовательных программ на территории регионов.

Указанные проблемы были типичными для многих районов страны, поэтому социальная политика в области материнства и детства СССР должна была стать важным элементом общеполитического курса. Принятые ранее меры не давали весомых результатов. Улучшение отдельных показателей качества жизни в Иркутской области и Бурятии присутствовало, но доля улучшений была незначительна. Все это по совокупности диктовало выработку новых мер и приоритетов в области социальной политики.

1.2. Направления социальной поддержки материнства и детства

Проведение социальной политики включало в себя реализацию комплекса мероприятий, направленных на поддержку и защиту населения страны. Поскольку женщины и дети являются одной из наиболее уязвимых категорий, необходимо было разработать систему государственных мер, в том числе различных пособий, наград, способов поддержки многодетных и одиноких матерей.

Толчком к развитию социальной сферы СССР стало принятие Конституции 1936 г.¹. Именно этот документ впервые провозгласил необходимость государственной охраны материнства и детства. В ст. 122 Конституции была провозглашена приоритетность государственной помощи матери и ребенку, впервые вводилась мера по предоставлению женщинам отпуска по беременности с сохранением выплат, необходимых для обеспечения минимального уровня благосостояния. Государством признавалась необходимость строительства новых родильных домов, возведение и расширение сети яслей и садов. Конституция СССР 1936 г. дала начало широкому процессу социального строительства, раз-

---

¹ Конституция СССР: утв. чрезвычайным VIII Съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г. // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937): сборник документов / под ред. А. Я. Вышинского. М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. 298 с.

работке нового законодательства, ставшего базой для социальной политики в отношении материнства и детства.

Одним из первых шагов, направленных на улучшение демографической ситуации и защиту материнства и детства, стало Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»¹. Согласно постановлению, были запрещены аборты, кроме тех случаев, когда возникает угроза жизни и здоровью женщины. Запрет не распространялся на беременности, при которых выявлялись отклонения, либо подтверждалась передача наследственных заболеваний. Нарушение данного запрета врачом влекло за собой уголовное преследование и возможность получения наказания в виде двух лет тюремного заключения. В случае, если у врача, делавшего незаконный аборт, отсутствовало медицинское образование, срок увеличивался до трех лет. Легальные аборты делались исключительно в медицинских организациях. Для женщин, впервые сделавших нелегальный аборт, наказания не следовало, однако предполагалось общественное порицание, а при повторном деянии – штраф в размере до 300 р.

В соответствии с данным постановлением, с 32 до 45 руб. была увеличена материальная помощь роженицам; также с 5 до 10 руб. увеличена сумма на кормление ребенка. Пособия выдавались всем застрахованным лицам, а для лиц, не имеющих страховки, выплачивались из касс взаимопомощи. Были также установлены единовременные выплаты и ежегодные пособия для многодетных семей: 2 тыс. ежегодно в течение 5 лет для всех многодетных семей и еди-

---

¹ Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. 500 с.

новременно 5 тыс. руб. для матерей, имеющих 10 детей. Также для последней категории семей были установлены ежегодные выплаты от двух до пяти лет в размере 3 тыс. рублей.

Матери, работающие в сельскохозяйственных артелях, могли получить алименты в трудоднях. Мера распространялась на бывших супругов, работающих в одном колхозе. Трудодни отца вычитались в счет алиментов, сокращая необходимость отработки матерей. Вводились меры для отцов-должников: за неуплату алиментов им грозило до двух лет тюремного срока, а также возникала необходимость оплаты государственных расходов на розыск родителя, скрывавшегося от своих прямых обязанностей.

Одновременно определялись основные меры социальной защиты несовершеннолетних. Судебно-исправительные меры больше не применялись к несовершеннолетним. В отношении них стали применяться меры медико-педагогического характера. Таким меры действовали для детей до 14 лет. В отношении подростков 14–16 лет судебно-исправительные меры могли применяться, но в том случае, если комиссией по делам несовершеннолетних признавалась обоснованность таких мер. К основным мерам медико-педагогического характера были отнесены попечение со стороны родителей или ближайших родственников, у которых есть возможность оказывать воспитательное воздействие на ребенка. В случае отсутствия таковых или возникновения обстоятельств, при которых родители или опекуны не справляются с несовершеннолетним, предполагалось помещение в специальное лечебно-воспитательное заведение, где были созданы все условия для перевоспитания и помощи трудному подростку.

В Байкальском регионе выплаты пособий в рамках данного Постановления организовали еще до конца 1936 г. Уже в декабре 1936 г. пять многодетных матерей Баргузинского аймисполкома стали первыми получателями помощи. Четверым было выплачено 2 тыс. руб., еще одной – 4 тыс. рублей¹. Госбанк

---

¹ Восточно-Сибирская правда. 1936. № 285. С. 3.

Куйтунского района осуществил выплаты 10 женщинам. Повсеместными стали обращения матерей к И. В. Сталину через средства массовой информации со словами благодарности за введенные меры поддержки материнства и детства. В Иркутском районе за 1940 г. финансирование пособий многодетным матерям превысило 750 тыс. руб. С 1936 по 1940 гг. в среднем местными органами власти были выделены по 12–18 тыс. многодетным семьям. В Иркутском районе таких семей было 360¹.

Актуализация проблемы поддержки семьи и детства имела идеологическое и пропагандистское сопровождение. В региональных средствах массовой информации регулярно подчеркивалось, что забота о женщинах и детях, а также воспитание подрастающего поколения первостепенная и ответственная задача, почетная миссия государства и семьи. Местные газеты также печатали и нормативно-правовые документы центральных органов власти по этим вопросам.

Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 также отменило ограничение по длительности отпуска, приравняв женщин-служащих к женщинам-работницам. За ними сохранялось право на отпуск по родам продолжительностью 112 дней. Уголовная ответственность устанавливалась для работодателей, которые отказывали в приеме на работу беременной женщине или же снижали ей зарплату при переводе на легкий труд. В Постановлении также провозглашалась необходимость расширить сеть родильных домов, яслей и детских садов.

Принимаемые меры были действительно необходимы стране. Если в первое послереволюционное десятилетие политика СССР в основном сосредотачивалась на проблемах сохранения и укрепления власти, а также установления дипломатических контактов, то во втором десятилетии речь шла уже о частных проблемах, углубленном социально-политическом курсе, в рамках которого началась активная пропаганда культа материнства и детства. Институт семьи,

---

¹ Праздник трудящихся женщин // Сталинский путь. 8 марта 1941 г. № 21 (497). С. 1.

материнства и детства стал основным элементом, в рамках которого воспитывалось новое советское поколение, составляющее основу будущего общества. Активно поощрялась многодетность, в том числе посредством материального стимулирования, что действительно позволяло повысить уровень рождаемости, особенно на национальных окраинах.

Социальная политика требовала повышенного внимания, а также достойного уровня финансирования со стороны власти. Государственный бюджет СССР в 1930-е гг. предполагал выделение на социально-культурную сферу финансовых средств, сравнимых с расходами на развитие промышленности, и даже в больших суммах, чем на развитие сельского хозяйства и военной отрасли. В 1936–1937 гг. проекты бюджетов еще не содержали отдельных статей на социальные нужды и помощь институту семьи, но были обозначены в рамках общих социально-культурных мероприятий, которые требовали расходов. За 1937 г. на развитие образования и здравоохранения было выделено 17 725,6 млн руб.¹. Приоритетность развития социальной сферы подтверждается самой запланированной суммой расходов, а также соотношением ее с другими сферами.

Проект государственного бюджета СССР за 1937 г. также разграничивал долю финансирования социальной политики за счет местных бюджетов. Из них выделялось 12 196 млн руб. для решения социальных проблем на местах, что превышало планируемые расходы по отдельным статьям на 25–35 % по сравнению с предыдущим годом. Средства в объеме 838 млн руб. предназначались на развитие сети детских садов и развитие имеющихся в стране учреждений (+64 % от предыдущего года), 826 млн руб. на нужды детских домов (+33 % от предыдущего года) и 5860 млн на строительство и оборудование школ (+27,1 %)².

Объем финансирования социальной политики увеличивался и к 1939 г. достиг сумм в размерах 8428 млн руб. на развитие просвещения, 2307 млн на

---

¹ Государственный бюджет СССР на 1937 г. М.: Типография Госфиниздата СССР, 1937. С. 5.

² Там же.

здравоохранение. В отдельные статьи расходов были вынесены пособия многодетным матерям (1 млрд руб.), социальное страхование (5 млрд руб.), социальное обеспечение (около 2 млрд руб.)¹.

Выделение средств из бюджета на поддержку материнства и детства было лишь частью решения финансовой проблемы социальной политики второй половины 1930-х гг. Анализ реализации мер на практике показывает, что не всегда выделенные средства расходовались рационально. Только на примере Иркутской области и Бурятии можно увидеть массу проблем в реализации курса социальной политики в отношении семей с детьми, которые коснулись выплат пособий, поддержки детских домов и патронирующих семей.

Рассматривая курс социальной политики в отношении материнства и детства в довоенный период, следует отметить, что меры по решению жилищного вопроса не соответствовали потребностям региона. Удовлетворение потребности в жилищном фонде в Восточной Сибири оставалось на уровне 3,5 млн, но в среднем на человека обеспеченность жильем оставляла 3–4 кв. м.

В Иркутской области продолжали работу строительные кооперативы, действующие еще с 1924 г. В масштабах страны через кооперацию было в советских городах введено в эксплуатацию более 7270 тыс. кв. м жилых помещений, что обеспечило потребность более 1 млн граждан. К осени 1937 г. ситуация изменилась. Вступил в силу запрет на выдачу государственных ссуд жилищно-строительным кооперативам. Были ликвидированы все принадлежавшие кооперативам предприятия стройматериалов, что привело к сокращению численности организаций по стране². Темпы жилищного строительства снизились, а население Сибири активно росло. К 1939 г. общая численность населения в

---

¹ Государственный бюджет СССР на 1939 г. Л.: Типография Госфиниздата СССР им. Котлякова, 1939. С. 4.

² Букин С. С. Социальный перелом: жилищное строительство в городах Сибири на рубеже 1950–60-х гг. / С. С. Букин // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв.: Сборник научных трудов / Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт истории. Новосибирск: Издательство Параллель, 2008. С. 117.

регионе составляла 14 112 тыс. чел., 31,3 % из которых проживало в городах. К 1940 г. доля городского населения уже достигала 33,1 %¹.

При этом следует отметить, что в вопросах обеспечения жильем действовала практика, при которой отдельные категории населения снабжались жильем в первую очередь. Первоочередность получения жилья предоставлялась высшим слоям городской интеллигенции. Часть рабочих-ударников, стахановцев также обеспечивалась квартирами в новостройках. В городах практически полностью обеспечены жильем были представители партийно-государственной номенклатуры. В г. Иркутске «номенклатурные» дома возводились на ул. Украинской, Марата, Сибирских партизан.

Для всех остальных граждан, в том числе для семей с детьми, проблема обеспечения жильем оставалась более чем актуальной. Еще к 1936 г. в Верхнеудинске/Улан-Удэ возводились соцгородки паровозоремонтного завода, стекольного завода и мясокомбината. Они представляли собой целые жилые кварталы, имеющие собственную инфраструктуру. Соцгородок стал новым прообразом советского города-коммуны, нового жилищного пространства страны. Но застройка была в основном одноэтажной без оснащения водопроводом и канализацией. К 1940 г. только 16 % жилья в Улан-Удэ было обеспечено водопроводом, канализация присутствовала только в 12 % застройки². Отсутствие благоустроенного жилья в городе создавало проблемы, связанные с ухудшением санитарно-эпидемиологической ситуации в регионе.

В 1936 г. в Бурятии приняты планы, направленные на улучшение санитарной обстановки во всех аймаках. Планировалось ввести должности санитарных инспекторов, увеличить объемы строительства бань, а на предприятиях установить дезинфицирующие камеры и пропускники. Одновременно, как отмечают В. В. Номогоева и А. М. Плеханова, началась борьба за формирование

---

¹ Социокультурная адаптация населения Сибири в условиях урбанизации (1930–1980-е гг.) / С. С. Букин, А. А. Долголюк, В. И. Исаев, А. И. Тимошенко // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. : Сборник научных трудов / Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт истории. Новосибирск : Издательство Параллель, 2008. С. 170.

² ГАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 4203. Л. 94.

санитарной культуры населения¹. К участию в просветительских мероприятиях широко привлекалась местная общественность. В республике устраивались культпоходы, частью которых стали месячники санитарии. В рамках повышения заботы о здоровье детей велось строительство спортивных сооружений, площадок, в аймаках закладывались сады, шел процесс озеленения территорий. В тех аймаках, где условия проживания были наиболее запущенными, строились бани, туалеты, продвигались средства гигиены. Со стороны местных органов Наркомздрава организовывались регулярные выездные проверки по селам, станам, фермам и даже по домам колхозных семей с целью выявления очагов антисанитарии.

Женщины, имеющие детей, в первую очередь учились правилам личной гигиены и навыкам домашней санитарии. Активную санитарно-просветительскую работу вели пионеры и комсомольцы, а также санитарные уполномоченные при колхозах. В средствах массовой информации регулярно поднимались вопросы о проблемах в области здравоохранения, в том числе о высоком уровне отдельных заболеваний, о нехватке врачей в больницах, о новых формах санитарно-просветительской работы в населенных пунктах².

В Иркутской области работа по санитарному просвещению велась в основном в районах, которые находились ближе к областному центру. Чтобы активизировать данную работу в отдаленных от Иркутска территориях, в 1939 г. был создан Театр санитарной культуры. Артисты-профессионалы через театральные постановки доносили для взрослых и детей нормы санитарии. Театр гастролировал по отдаленным районам региона и помимо труппы артистов включал еще и коллектив врачей, которые перед каждым выступлением читали лекции о гигиене, помогали распространять памятки и листовки³. Подобная

---

¹ Номогоева В. В. Санитарное просвещение и борьба за «Новый быт» в Бурятии в 1920–30-е годы / В. В. Номогоева, А. М. Плеханова // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. 2009. № 2 (66). С. 164.

² Бурят-Монгольская правда. 1937. № 23. С.3.

³ Агафонова В. В. Санитарное просвещение в Иркутской области / В. В. Агафонова // К истории развития здравоохранения Иркутской области: Научные труды Иркутского государственного медицинского ин-та. Иркутск: ИГМИ, 1968. Вып. 93. Ч. 1. С. 72.

практика сглаживала санитарно-гигиенические различия городской среды и сельской местности.

Схожих мероприятий не было на территории Бурятии, поэтому различия между санпросветом города и села здесь были более ярко выраженными. В основном практики санитарного просвещения возлагались на участковых врачей и средний медицинский персонал. В школах Бурятии и Иркутской области читались лекции для детей и персонала, осуществлялся просмотр познавательных фильмов о гигиене и способах распространения болезней. В местных клубах открывались вечера вопросов и ответов по данной тематике.

Помимо санитарно-просветительской работы в области здравоохранения проводились мероприятия, направленные на оздоровление подрастающего поколения, повышение уровня рождаемости, борьбу с высокой младенческой смертностью.

Демографическую проблему пытались решить запретом на аборты. По мнению Е. Н. Афанасовой, до 1936 г. одним из лидеров среди сибирских регионов по числу совершенных аборт была Иркутская область. В Бурятии подобные врачебные манипуляции не были распространенной мерой, поскольку для этой территории характерны были традиционные патриархальные устои. В 1936 г. в Бурятии было проведено 822 операции по прерыванию беременности, в то время как в Иркутской области 4650. После принятия постановления о запрете абортов численность подобных операций резко снизилась до 77 и 233 соответственно,¹ поэтому в предвоенные годы наблюдаются более высокие темпы роста населения. Численность населения Бурятии в 1936 г. составляла 471,1 тыс. человек, а в 1941 г. выросла до 575,4 тыс. Сокращение показателя произошло лишь в военное время – к 1945 г. там проживало 516,5 тыс. граждан. Подробные данные о соотношении показателей численности абортов в РСФСР и в Восточной Сибири представлены в Приложении 3. Из них видно, что количе-

---

¹ Афанасова Е. Н. Реализация постановления ЦИК И СНК СССР «о запрещении абортов... № на территории Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2012. С. 323.

ство аборт к 1937 г. по РСФСР сократилось в четыре раза после принятия нового запрета. Также необходимо отметить, что Иркутская область была безоговорочным лидером по количеству аборт в исследуемом регионе: в 1936 г. подобных операций в области было проведено на 3828 больше, чем в Бурятии. С одной стороны, данный факт может быть связан с традиционным укладом жителей Бурятии: большие семьи, где члены семьи обладают наибольшей сплоченностью, свободно принимают в свои семьи детей, оставшихся без родителей, 7–8 детей было распространенным явлением для семьи. С другой стороны, уровень медицины в бурятских аймаках был крайне низким. Не исключено, что какая-то доля женщин просто не обращалась к врачам с целью совершения аборта, а решала проблему у местных «знахарок» на дому или самостоятельно при помощи народных средств.

С одной стороны, запрет на проведение аборт стимулировал рост населения, с другой стороны, росло количество нелегальных прерываний беременности, которые чаще всего проходили не в медицинских условиях, а порой и неквалифицированными специалистами. За 1939 г. из 100 аборт в среднем по Байкальскому региону 90 были проведены не в медицинских организациях. Зарождение теневого рынка услуг в этой области не позволяет однозначно положительно оценить данные меры власти.

В рамках реализации социальной политики в области материнства и детства активно росла сеть консультативных и родовспомогательных учреждений. Стоит отметить, что в общественном сознании сохранялось некое опасение среди женщин относительно родов в медицинских учреждениях, что существенно влияло на эффективность мер социальной поддержки в отношении матерей. В целях борьбы с предрассудками и суевериями среди женщин относительно родоразрешения в больницах было принято решение о введении мер поощрения для беременных женщин, приходящих к моменту родов в учреждения

здравоохранения¹. Одновременно во всех местах массово открывались отделения для женщин, которые осуществляли информационную работу с населением. Основной целью этой работы являлась популяризация концепции защиты материнства и всесторонней заботы о нем, что привело к привлечению значительного числа женщин к консультативным услугам для беременных к концу 1930-х гг. В Иркутской области к 1938 г. уже функционировало 15 женских консультаций, а в Бурят-Монгольской АССР их было всего 3².

Сфера здравоохранения в конце 1930-х гг. в Байкальском регионе развивалась весьма быстрыми темпами. В Бурятии к 1939 г. было построено 21 учреждение общей вместимостью 567 коек, вместо запланированных 26. Особенно сдерживал развитие сети здравоохранения дефицит медицинских кадров. Особенно это было характерно для сельской местности. В среднем по медицинским пунктам нехватка среди медицинского персонала составляла 12 человек.

Вместе со строительством больниц в сельской местности открывались детские и женские консультации. В регионе появилось шесть таких учреждений, в которых работало два врача, два врача-совместителя и два человека из среднего медицинского персонала³. Общие сведения о количестве и динамике медицинских учреждений Бурятии представлены в Приложении 4. Они свидетельствуют о значительном росте медицинских организаций в 1930-е гг. Подобный рост был характерен для многих регионов СССР. В два раза увеличилось количество больниц, расширилась сеть родильных домов, более чем в два раза возросло количество поликлиник, развивались родовспомогательные учреждения, резко увеличилось количество акушерских пунктов. Функционировали первые в регионе молочные кухни.

---

¹ Афанасова Е. Н. Организация медицинской помощи детям в Восточной Сибири в 1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-2 (30). С. 24.

² ГАИО. Ф. Р-2677. Оп. 4. Д. 44. Л. 190.

³ Цыретарова Б. Б. Борьба с социальными болезнями в Бурятии (1920–1940-е гг.) / Б. Б. Цыретарова // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. № 1. С. 32.

В 1936 г. в Бурятии имелась одна городская детская консультация и шесть смешанных консультаций в сельской местности¹. К 1940 г. их количество увеличилось до четырех самостоятельных консультаций и семи смешанных. Только за один год педиатров в детских консультациях посетили 37 253 ребенка. Одновременно расширялась практика посещения детей на дому². Всего в детских консультациях работали восемь педиатров и семь медицинских сестер. Уровень детской смертности в Бурятии был крайне высоким, но по отношению к 1920-м гг. он снижался. К 1940 г. на 1 тыс. родившихся умерло 87 младенцев в возрасте до 1 года.

Актуальной проблемой для семей с детьми было снабжение лекарственными препаратами. В этой связи требовалось расширять еще одну структуру учреждений здравоохранения – аптеки. Аптечная сеть в Байкальском регионе не была развита. Собственного транспорта аптеки чаще всего не имели, что приводило к перебоям в поставках, зачастую медикаменты транспортировались на попутках. В Бурятии даже в административном центре от центрального склада до аптек медикаменты доставляли на лошадях. Нередко прилавки аптек пустовали, в то время как на складе имелись товарные запасы. По этой причине лекарства часто доходили до аптек с окончившимся сроком годности. Только в 1937 г. в Улан-Удэ были выделены два грузовика, использование которых должно было решить логистические задачи аптечных пунктов. К 1939 г. в рамках аптечной сети работало уже четыре грузовика ГАЗ АА. На смену прежней проблеме пришла новая: почти 10 месяцев грузовики не использовались, поскольку отсутствовало топливо для заправки. В среднем расстояние от главного склада до аптечных пунктов республики составляло 200–400 км. Это значит, что требовалось 150–200 л бензина, чтобы доехать только в одну сторону. Были и более дальние расстояния, например, до Нижнеангарска расстояние составляло около 700 км. Чтобы хоть как-то решить данную проблему, руководство Бурят-Монгольского аптечного управления настаивало на выделении для аптеч-

---

¹ ГАРБ. Ф. Р-665. Оп. 1. Д. 527. Л. 10.

² Там же. Л. 14.

ной сети автомобиля ЗИС, который работал на дровах¹. Однако это ходатайство так и не было удовлетворено.

К 1937 г. была проведена телефонная линия, которая связала аптеки и склад, а также аптечное управление г. Улан-Удэ, что позволило более оперативно и своевременно снабжать аптеки необходимыми медицинскими препаратами. Положительным моментом стало создание для аптек ассортимента обязательных товаров, который включал в себя 91 позицию медикаментов. Однако проведенная проверка в 1937 г. показала, что в среднем от 6,6 до 29,7 % обязательного ассортимента отсутствовало в аптечной сети Бурятии. Наиболее дефицитными товарами являлись горчичники. Большой спрос был на нашатырный спирт, который часто использовался местными жителями для травли клопов в жилых помещениях, однако в аптеках его можно было найти с трудом.

Негативно на развитии сети аптек сказывалось «затоваривание», т. е. закупка гражданами излишнего количества препаратов. Общая сумма затоваривания за 1937 г. составила 1573 тыс. руб.². Такое поведение потребителей в большей степени объяснялось не слабой рекламой аптечных препаратов, а регулярно возникающим дефицитом тех или иных необходимых лекарств, что стимулировало население закупать избыточное количество медицинских средств.

Социальная политика СССР в сфере материнства и детства имела цель улучшить демографическую ситуацию и уровень жизни населения страны. Она базировалась на организации системы социальной защиты и поддержки граждан, а также обеспечении доступа к образованию и здравоохранению. Важной частью этой политики была расширение сети дошкольных учреждений, которые были крайне необходимы в период индустриализации, коллективизации и военных действий.

С начала 1930-х гг. женщины стали активно вовлекаться в народное хозяйство региона. Данная тенденция стимулировала быстрейшее развитие сети

---

¹ ГАРБ. Ф. р-840. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

² Там же. Д. 5. Л. 9.

прежде всего детских дошкольных учреждений. В городах эта проблема возникла раньше. Еще в 1920-е гг. на промышленных предприятиях активно начали открываться дошкольные учреждения. На заводе «Стеклодуй» в Верхнеудинске успешно функционировал детский сад. Такие дошкольные учреждения открывались и при многих других крупных предприятиях Бурятии. В этих детских садах создавались специальные группы и площадки для оздоровления детей.

Основной проблемой в этих условиях был недостаток подходящих помещений для дошкольных учреждений. Большинство детских садов находились в старых зданиях, которые не отвечали минимальным требованиям для содержания детей. Местные власти часто вынуждены были предлагать использование освобождающихся жилых помещений для размещения детских садов, но на это требовалось выделение значительных средств из бюджета. Финансирование детских садов регулировалось Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г.¹.

Для решения этой проблемы в сельской местности была издана инструкция Народного Комиссариата здравоохранения СССР «Об организации передвижных полевых яслей» от 28 апреля 1936 г.². Эта инструкция имела отношение прежде всего к матерям-колхозницам, которые выполняли свои трудовые функции при наличии грудных детей. В конце 1930-х гг. в регионе существовали три вида дошкольных учреждений. Это были ясли, детские сады и детские площадки. При этом темпы открытия новых дошкольных организаций значительно отставали от европейской части страны, значительно ниже в них было

---

¹ Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 87.

² Инструкция Народного Комиссариата здравоохранения СССР «Об организации передвижных полевых яслей» от 28 апреля 1936 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1936 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 17.

материально-техническое обеспечение, а также более остро стояла проблема наличия специализированных кадров, как руководящих, так и педагогических¹.

В подтверждение данной точки зрения можно отметить, что, например, в Иркутске при наличии 45 детских садов, всего в 30 % из них заведующими были специалисты, соответствующие данным должностям и способные грамотно выполнять свои функции. В районах, как правило, детские дошкольные учреждения возглавлялись кадрами, имеющими лишь начальное образование².

Процесс организации яслей и детских садов в регионе сопровождался немалыми проблемами. Иногда инициатива открытия детских учреждений исходила снизу. В Киренске женщины сами стали инициаторами открытия яслей и упорно требовали организацию детских садов. Однако не все председатели колхозов поддерживали эту идею. Проблема была в материальных возможностях колхозов. Некоторые из детских яслей закрывались уже после нескольких дней работы из-за отсутствия необходимого материально-технического обеспечения. К этой работе в районе активно подключались не только родители, но и комсомольцы, пионеры, которые помогали с ремонтом помещения, обеспечением их инвентарем, игрушками³.

С принятием новой Конституции и активизацией работы в области социальной защиты материнства и детства большее внимание на местах стали уделять вопросам борьбы с малолетними преступниками. Профилактика правонарушений и борьба с преступностью в среде несовершеннолетних регламентировалась Постановлением ЦИК СССР № 3, СНК СССР № 5 от 07.04.1935 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»⁴. В документе определялись основы уголовной ответственности за деяния, совершенные малолетними. К таковым детям относились лица, достигшие 12 лет. К деяниям, за

---

¹ Афанасова Е. Н. Формирование кадрового состава дошкольных учреждений Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. // Вестник ТГУ. 2016. № 413. С. 64.

² Афанасова Е. Н. Развитие сети дошкольных учреждений на территории Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг. // Вестник ИрГТУ. 2012. № 6 (65). С. 222.

³ Ленская правда. 11 июня 1942 г. № 43 (2167). С. 4.

⁴ Постановление ЦИК СССР № 3, СНК СССР № 598 от 07.04.1935 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 176.

которые ответственность наступала для них, относились кражи, причинение насилия, а также нанесение телесных повреждений или увечий. Помимо этого, уголовно наказуемо было уличение в убийстве или в попытках к убийству. Для лиц, которые склоняли несовершеннолетних к преступлениям, также вводилось наказание.

Некоторые особенности правовой ответственности несовершеннолетних определялись нормами Уголовного Кодекса РСФСР. Ст. 50 было определено уменьшение срока лишения свободы или принудительных работ для несовершеннолетних в зависимости от возраста преступника: вдвое сокращался срок, если несовершеннолетнему было от 14 до 16 лет, от 16 лет – на одну треть¹.

Для несовершеннолетних существовали специализированные трудовые дома, в которых они должны были пребывать до исправления. Однако после достижения ими 18-летнего возраста нахождение в таких учреждениях становилось невозможным, поэтому фактически применялось преждевременное освобождение или перевод в колонию.

Как отмечает Д. А. Краснов, в 1940 г. из общей численности судимых несовершеннолетних 77 % было осуждено именно за кражи, только 4 % за хулиганство, а общая численность совершенных ими тяжких насильственных преступлений была незначительна².

Мероприятия по развитию социальной сферы в предвоенный период сопровождались и решением многих организационных вопросов в регионе. В 1937 г. создается Иркутская областная комиссия по улучшению жизни детей. Комиссия была наделена очень широкими полномочиями. Все принимаемые комиссией решения относились к обязательным к исполнению и могли быть отменены только президиумом исполкома. При районных исполнительных комитетах назначались уполномоченные. В функции данного лица входило реше-

---

¹ УК РСФСР 1926 г. // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937): сборник документов / под ред. А. Я. Вышинского. М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. 298 с.

² Краснов Д. А. Основные этапы борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР в 1917–1960 гг.: историко-правовой аспект / Д. А. Краснов // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2013. № 1 (28). С. 95.

ние вопросов беспризорности и безнадзорности, контроль за исполнением местных распоряжений, в том числе в области реализации лотерейных билетов, марок, посещения детьми вечеров, кинотеатров, организации детского досуга в целом. Уполномоченный также ведал всеми сведениями о пожертвованиях в адрес детских домов и иных детских учреждений. Должность районного уполномоченного утверждалась Райисполкомом, который осуществлял контроль над его работой. Райисполком также предоставлял все возможные ресурсы для организации работы с детьми. В задачи уполномоченного также входило привлечение общественности к работе с детьми¹.

Продолжали работу комиссии по делам несовершеннолетних. В Иркутске они начали работу еще в 1921 г. Позднее были образованы комиссии в Черемхово, Зиме, Балаганске, Нижнеилимске и Нижнеудинске. Постепенно количество комиссий увеличивалось. В 1936 г. подобные комиссии были почти в каждом районном центре. В них входили лица, имеющие прямое отношение к работе с детьми и сфере социальной защиты населения – учителя, врачи, судьи и т. д.².

Активно велась работа по предупреждению пребывания детей на улицах в ночное время. При этом ответственность за это возлагалась на руководителей районных отделов милиции. Например, в 1939 г. на т. Назарова, занимающего должность начальника милиции г. Черемхово, городским комитетом ВКП(б) возлагались обязанности по контролю за пребыванием детей в магазинах, клубах, кинотеатрах после девяти часов вечера³.

Борьба с беспризорностью не была исключительной прерогативой милиции. К ней подключались и другие государственные структуры. В первую очередь, можно отметить работу городского комитета ВЛКСМ, который выделял до 40 человек для активного участия в выявлении беспризорных на улицах Иркутска. Санитарно-гигиеническая обстановка помещений для пребывания детей

---

¹ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 5. Л. 41.

² ГАИО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 72. Л. 226.

³ ЦДНИ ГАИО. Ф. 263. Оп. 2. Д. 153. Л. 3.

находилась в ведении городского отдела здравоохранения. Больницы регулярно принимали беспризорников для обследования и лечения. Городской отдел народного образования также предоставлял работников для участия в борьбе с беспризорностью¹.

Важной задачей социальной политики в предвоенный период стало улучшение материального положения детских домов. Детские дома в 1930-е гг. представляли собой учреждения, в которые направлялись дети в возрасте от 3 до 15 лет. Чаще всего это были дети-сироты. Дети до семи лет помещались в детские дома дошкольного типа, а 8–15 лет – в учреждения школьного типа. Дети до трех лет воспитывались в домах младенца, которые были подведомственны отделам здравоохранения. Учреждения дошкольного типа (трехкомплектные) вмещали 75 детей. Группы в них формировались по возрастному признаку: 3–4 года – младшая группа, 4–5 лет – средняя и 5–6 лет – старшая. В детских домах смешанного типа проживали дети различных возрастов. Главным преимуществом такого пребывания была возможность совместного воспитания детей из одной семьи. Учреждениям разрешалось вводить до 10 % мест, финансирование которых исходило от родителей или родственников пребывающих в них детей².

В случае передачи ребенка в детский дом организовывался обязательный медицинский осмотр, в рамках которого определялся точный возраст ребенка, особенности его физического развития и здоровья. Дети зачислялись в детские дома из приемников-распределителей на основании акта медосмотра и других документов, передаваемых заведующему. Из органов ЗАГС представлялись справки о наличии или отсутствии актовых записей на каждого воспитанника³.

В 1937 г. Народным комиссариатом просвещения был поднят вопрос об ошибках в комплектовании детского контингента учреждений. Еще 4 июля 1936 г. ЦК ВКП(б) выпустил постановление «О педологических извращениях в

---

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 159. Оп. 1. Д. 3. Л. 158.

² ГАИО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

³ Лебедева Е. Н. Социализация беспризорных подростков в Иркутской области и Красноярском крае в 1930-х гг. / Е. Н. Лебедева // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. № 1-2 (29). С. 236.

системе наркомпроса»¹, в котором раскритиковал деятельность Наркомпроса, указав на то, что вместе с детьми, имеющими дефекты в умственном и физическом развитии, в детские дома особого типа попадают абсолютно здоровые дети. В марте 1937 г. Наркомпрос утвердил инструкцию «О порядке комплектования детьми школ и детских домов с особым режимом»². Основные положения инструкции сводились к тому, что в учреждения специализированного типа должны были размещаться дети в возрасте от 9 до 14 лет, которые нарушают правопорядок, а также установленный режим и дисциплину в детских домах, бродяжничают или имеют связь с преступностью, оскорбляют работников детских учреждений. К проблемным также относились дети, которые прогуливали школу, имели конфликты с воспитателями, совершали побеги из детских домов обычного типа. Было запрещено направлять в данные учреждения детей, имеющих диагнозы из области психиатрии, а также детей, нуждающихся в особом медицинском обслуживании³.

Для функционирования детских домов предоставлялись старые, а зачастую непригодные для проживания здания. Строительство новых корпусов практически не велось. В Верхоленске детский дом разместился в здании старой деревянной церкви, а в п. Тельма Усольского района в 1938 г. для детского дома было предоставлено помещение бывшей суконной фабрики⁴. В г. Черемхово к 1939 г. помещение детского дома вовсе стало непригодным для пребывания детей. Лишь в 1939 г. Иркутский обком ВКП(б) признал необходимость строительства новых помещений. Было принято решение о строительстве нового здания Верхоленского детского дома, которое могло вместить 300 детей⁵. Капитальный ремонт планировалось провести в Иркутском детском доме № 3. Также еще в 1937 г. поступило предложение перенести Заларинский детский

---

¹ Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов». 4 июля 1936 г. // КПСС в резолюциях... Т. 6. 1933–1937 гг. М., 1985. С. 364–367.

² Инструкция Наркомпроса «О порядке комплектования детьми школ и детских домов с особым режимом» 1937 г. // КПСС в резолюциях... Т. 6. 1933–1937 гг. М., 1985. С. 368.

³ ГАИО. Ф. 1928. Оп. 1. Д. 38. Л. 44.

⁴ ЦДНИ ГАИО. Ф. 263. Оп. 2. Д. 152. Л. 127.

⁵ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 172. Л. 586.

дом, который до этого располагался на болотистой почве. Однако решение данного вопроса откладывалось вплоть до 1939 г.¹

Недофинансирование учреждений во второй половине 1930-х гг. во многом было связано с фактами растраты поступивших денежных средств. В 1936 г. начата реализация положений постановления СНК и ВЦИК «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 г.². В рамках реализации положений прокуратура усилила работу по выявлению фактов мошеннических схем с финансами детских учреждений. Органы управления народным образованием обязали отчитываться о финансировании учреждений.

В этом же году было принято постановление СНК РСФСР «О порядке финансирования детских домов»³. Финансирование детских домов и иных учреждений для детей было возложено на местное управление. Средства должны были поступать из бюджетов краев и областей. Положение «О школьном детдоме нормального типа» дополнило картину, разрешив привлекать дополнительные источники финансирования: средства профсоюзов, комсомола, родителей и иные добровольные пожертвования. Все отчисления могли быть перечислены только с разрешения комиссариата просвещения⁴. Отделы образования полностью контролировали расходование средств учреждений в соответствии с заранее предложенными планами, что исключало свободное использование средств детскими домами.

На пленумах детской комиссии при ВЦИК постоянно освещалась задача по курированию детских домов. При этом шефские организации стали не просто помощниками учреждений, они были наделены контролирующими функциями. В них входил как контроль над финансированием учреждения, так и снабжением каждого ребенка всем необходимым для жизни. Шефство брали на

---

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 39. Л. 254.

² Постановления СНК и ВЦИК «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 г. // Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / сост. С. С. Виленский и др. М.: МФД, 2002. С. 183–187.

³ Постановление СНК РСФСР «О порядке финансирования детских домов» от 14 июня 1935 г. // Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / сост. С. С. Виленский и др. М.: МФД, 2002. С. 202.

⁴ Положение «О школьном детдоме нормального типа» от 16 июня 1935 г. // Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / сост. С. С. Виленский и др. М.: МФД, 2002. С. 301.

себя органы ОГПУ. Предполагалось, что именно сотрудники данных органов могут показать пример строгой дисциплинированности, а также слаженной работы с детьми, что привлекло бы к шефству и сотрудников других предприятий и организаций. Шефствующие предприятия практически не помогали детским домам финансами, а редко оказываемая материальная помощь была незначительной. Собственное подсобное хозяйство детских домов приносило больше помощи, чем организации и предприятия, осуществляющие шефство. В Иркутской области наиболее крупное подсобное хозяйство было в Заларинском детском доме, который практически самостоятельно покрывал все расходы на питание¹.

Нормы расходов на питание в детских домах постепенно повышались, однако они явно не соответствовали ценам на продукты. В 1935 г. в месяц на питание воспитанника выделялось 10 руб., при этом средняя цена на говядину составляла 17 руб. 60 коп., десяток яиц стоил 8 руб. 40 коп., сибирские цены на молоко составляли 2 руб. 30 коп. за литр. В связи с этим рацион питания воспитанников детских домов в основном состоял из картофеля, круп и хлеба².

Еще в начале 1930-х гг. были даны методические рекомендации по организации воспитательной работы с детьми, оставшимися без попечения родителей. В них четко определялись особенности санитарно-технических условий пребывания детей в детдомах. Так, минимальная температура в помещении должна была составлять 15 градусов; дважды в месяц должно было меняться постельное белье; минимум четыре раза должны были присутствовать банные процедуры, а нижнее белье подлежало замене не менее чем четыре раза за тот же период. Отдельным пунктом санитарных норм были обозначены своевременные прививки и борьба с инфекционными заболеваниями, своевременная изоляция заболевших, регулярные медицинские осмотры, дезинфекция помещений. Со второй половины 1930-х гг. санитарные нормы ужесточаются, следует их детализация. Государством провозглашается курс на сохранение жизни

---

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 39. Л. 287.

² ГАИО. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 25. Л. 70.

детей, в связи с чем разрабатываются инструкции по борьбе с отдельными болезнями, конкретизируются требования к помещениям детских домов.

С 1937 г. в регионе создаются специальные комиссии по проверке педагогического и руководящего состава детских домов. Целью комиссий становится решение кадровой проблемы в учреждениях для детей-сирот. По результатам проведенной проверки были сделаны соответствующие выводы. Для пополнения штата были направлены 120 человек, имеющих педагогическое образование. Одновременно были организованы курсы повышения квалификации для воспитателей и инструкторов труда¹.

Работа детских учреждений во многом зависела от руководства. Заведующие детскими домами несли всю полноту ответственности за положение учреждения. Они могли созывать педагогические советы по вопросам текущего состояния работы детдома, повышения квалификации кадров, распределения обязанностей. Поэтому к кандидатам на должность заведующего предъявлялись требования по стажу (педагогический стаж не менее трех лет) и уровню образования (минимальный уровень образования – среднее специальное). Назначение заведующего и педагогов входило в полномочия отдела народного образования, как и увольнение работников. Технический и административно-хозяйственный персонал учреждения нанимался заведующим самостоятельно².

Репрессии второй половины 1930-х гг. имели свои последствия и для кадрового потенциала детских домов. Прошли чистки кадрового состава, направленные на выявление «непроверенных и неблагонадежных элементов»³. Например, в Иркутском дошкольном детском доме № 1 в 1938 г. были выявлены факты, противоречащие советской политике: воспитатель Кудрявая позволила детям разорвать портреты И. В. Сталина и В. Я. Ворошилова, а воспитатель Алтунина провинилась тем, что не могла наладить дисциплину в группе.

---

¹ ГАИО. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.

² Смирнова Т. М. Детские дома и трудколонии: жизнь «государственных детей» в советской России в 1920–1930-е гг. / Т. М. Смирнова // Вестник РУДН. История России. 2012. № 3. С. 201.

³ Карасева А. А. Финансирование и материальное снабжение детских домов РСФСР в 1930-е гг. / А. А. Карасева // Наука и школа. 2012. № 3. С. 88.

Кроме того, у последней был арестован муж, что также автоматически ставило под сомнение ее благонадежность. Подобная ситуация в этом же детском доме коснулась воспитателя Хайнович, у которой были арестованы два брата. Всем работникам, у которых в семьях были репрессированные, давались отзывы о плохой работе с детьми¹. Отделами народного образования не поощрялась семейственность при формировании кадров в детских домах. В 1937 г. в Иркутском детдоме № 3 была уволена заведующая Зубарева, которую обвинили в кумовстве из-за того, что ее муж был трудоустроен старшим воспитателем, а еще двое из педагогов были мужем и женой².

Наравне с устройством детей в детские дома в регионе получила развитие такая форма, как патронирование. Данная форма стимулировалась еще и тем, что детские дома были переполнены. Поэтому изыскивались любые возможности определения ребенка в семью с условием контроля со стороны органов власти. Патронат давал ребенку вероятность полноценного развития и социализации в семье, в отличие от пребывания детей в системе учреждений интернатного типа.

Важно отметить, что патронат был как индивидуальным, так и коллективным. В случае первого дети передавались в семью, а при коллективном патронате воспитательные функции осуществлял колхоз. Процесс передачи на патронирование в сельской местности осуществлялся председателями сельсоветов. В городах и крупных поселениях дети до четырех лет устраивались в семьи органами здравоохранения, а дети от 5 до 14 лет – органами народного образования.

В 1930-х гг. патронирование приобретает массовый характер. Особенно активно данная форма устройства детей использовалась в Бурятии, поскольку именно в аймаках республики встречалось большее количество многодетных семей, в которых принятие еще одного ребенка не являлось проблемой. В Ир-

---

¹ ГАИО. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 57. Л. 17.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8. Л. 188.

кутском округе за 1935 г. на патронирование семьям было передано 345 несовершеннолетних¹, а уже в 1937 г. в семьи было устроено 1200 детей-сирот².

В рамках патроната с опекуном заключался договор, на основании которого он обязывался предоставлять несовершеннолетнему все необходимое для жизни – питание, одежду и обувь, условия для проживания и обучения. Органы власти при передаче ребенка в семью предоставляли ему комплект одежды, белья, обуви, постельных принадлежностей.

Применялись и материальные стимулы для привлечения семей к патронату. В сельской местности приемные семьи получали земельные участки, которые не облагались сельскохозяйственным налогом, а также единовременную помощь в размере 50 руб. С таких семей не взималась оплата за обучение, а также бесплатно предоставлялись все учебные пособия, необходимые ребенку для получения образования. Патронирующим семьям оказывалась поддержка и от касс общественной взаимопомощи: приобретался скот, выдавались ссуды на льготных условиях, предоставлялась помощь в ремонте или постройке жилья. При этом ни на какое имущество семьи ребенок не претендовал. По достижении 15 лет ребенок выходил из патроната и не имел права получить в свое личное пользование землю – она оставалась у семьи опекунов. С одной стороны, это привлекало колхозников к участию в системе патронирования, но с другой, ущемляло имущественные интересы сирот³.

Внимание уделялось и коллективному патронированию. Президиум Восточно-Сибирского краевого исполнительного комитета еще в 1933 г. запретил направлять детей-сирот из сельской местности в городскую, требуя освоения выделенных бюджетных средств на патронат. Всего на данные цели в регионе было выделено 40 тыс. руб.⁴ В 1936 г. была выпущена специальная инструкция «О порядке передачи воспитанников детдомов в колхозы на воспитание». В ней указывалось, что в колхозы на патронат могли отправляться только дети, име-

---

¹ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 63. Л. 6.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп.1. Д. 39. Л. 288.

³ ГАИО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 22. Л. 303.

⁴ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

ющие полноценное здоровье и высокий уровень физического развития. Запрещалось направлять в колхозы детей, имеющих глухоту, проблемы со зрением, проблемы с дисциплиной, умственную отсталость¹.

Условия проживания для детей в колхозах также оговаривались инструкцией. Помещения для проживания должны были вмещать не более 10 человек. Для защиты интересов детей из колхозного правления избирался один представитель. Допускалось размещение детей в домах колхозников. Колхозные кассы взаимопомощи обеспечивали детей продуктами питания. Ежемесячно на данные нужды выделялось по 6 руб. на каждого несовершеннолетнего, проживающего в колхозной квартире, а также по 15 руб. на ребенка, проживающего в колхозной семье. Дети в колхозах должны были работать без отрыва от получения образования. Учебно-воспитательная работа велась в рамках обучения в школе, относящейся к колхозу. Патронат заканчивался с наступлением совершеннолетия, либо по иным причинам по решению органов райотдела народного образования.

Изменения в курсе социальной политики сопровождались предъявлением строгих требований к воспитанию подрастающего поколения. Преобразования коснулись образования и воспитания детей и подростков. Именно во второй половине 1930-х гг. значительно расширяется сеть учреждений народного образования. Политика всеобща и провозглашение обязательного семилетнего образования заложили основу для охвата обучением всех детей школьного возраста. Конец 1930-х гг. стал временем поиска новых форм и методов организации обучения, активно шла адаптация новых программ.

В Бурятии данный процесс имел свои особенности, связанные с этническим составом населения. В регионе были введены новые национальные образовательные программы, учебники, открывались школы-интернаты для детей кочевников. Большая работа велась по подготовке кадров для национальных

---

¹ Инструкция «О порядке передачи воспитанников детдомов в колхозы на воспитание» // Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг.: Сборник документов и материалов. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН; Изд-во АМБ, 2009. С. 210.

школ в аймаках. Специалисты из педагогических вузов направлялись для работы в деревни, вводились краткосрочные педагогические курсы для желающих преподавать в школе. Нередкими были командировки учителей в соседние регионы для обмена опытом. Принятые меры позволили снизить остроту кадровой проблемы в национальных школах республики.¹

В 1936 г. М. П. Ербанов, возглавивший делегацию трудящихся Бурятии, в Кремле сообщил И. В. Сталину, что 70,2 % жителей республики являются грамотными, а среди мужчин этот показатель составляет 85 %².

Во второй половине 1930-х гг. в образовательном школьном процессе особое место отводилось такому предмету, как история. В школы региона поступил новый учебник М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», в котором прошлое страны излагалось в соответствии с основными положениями марксистско-ленинской идеологии. Изучение истории становится обязательным, многие события курса представляются с новой точки зрения: пересматриваются позиции о курсах политики правителей России, но при этом подчеркивается ценность героических подвигов в войнах³. Среди учителей Бурятии, внесших вклад в обучение подрастающего поколения и развитие просветительской работы, можно выделить А. Е. Каландаришвили, А. В. Гергенову, Н. Н. Амагаеву, Ц. Н. Номтоева⁴.

Полуоседлый образ жизни значительной части населения Бурятии привел к тому, что не все дети имели возможность посещать школу. Функционировали интернаты, в которых дети коренного населения размещались для проживания с целью обучиться грамоте. Местные власти обеспечивали школы-интернаты всем необходимым для жизни и учебы: мебелью, оборудованием, продуктами, посудой. Бурятские семьи предпочитали отдавать на обучение мальчиков, что и создавало значительный перевес в грамотности мужского

---

¹ ГАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 83. Л. 60–64.

² Статья республикой сплошной грамотности // Бурят-Монгольская правда. Верхнеудинск, 1936. 4 марта (№ 52). С. 1.

³ Шойдонова А. М. Опыт реализации патриотического воспитания в 1920–1930-е гг.: на материалах Бурят-Монгольской АССР / А. М. Шойдонова, С. Д. Цыренов // Власть. 2022. Т. 30, № 2. С. 211–217.

⁴ ГАРБ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 132. Л. 8.

населения региона. Если в начале 1930-х гг. всего 38 % детей Бурятии проходило обучение в школах, то планы 1940 г. предусматривали распространение образования на все подрастающее поколение республики.

Продолжали действовать передвижные юрты («красные юрты»), работники которых занимались просвещением среди кочевой части населения. Женщины-бурятки в «красных юртах» посещали кружки домоводства, учились пользоваться банями, осваивали выпечку хлеба, учились рукоделию, стирке белья. Юрты оснащались библиотеками и медикаментами. Работники «красных юрт» отмечали, что в Бурятии население имело высокую мотивацию к учебе, многие ежедневно приходили на занятия за 5–10 км. Всего во второй половине 30-х гг. XX в. в Бурятии было 10 таких юрт. Они действовали в Агинском, Селенгинском, Верхнеудинском, Хоринском районах¹.

В Иркутской области вовлечение детей в образовательный процесс также имело свою специфику. Для Иркутской области 1937 г. стал определенным рубежом в проведении нового курса в области воспитания подрастающего поколения. Задача состояла в том, чтобы в рамках всеобуча охватить 100 % детей уровнем начального образования. К 1938 г. в регионе действовало 1427 школ, в которых проходило обучение 27,2 тыс. человек². Общие сведения о динамике учебных заведений для детей и численности мест в них представлены в Приложении 5. С 1936 по 1939 г. в регионе было построено 106 школ, что позволило увеличить количество мест для обучающихся до 53 520. Общее количество школ увеличилось на 53 %. Данные показатели свидетельствуют о значительных достижениях в области укрепления материальной базы сферы образования. Только в 1936 г. в Иркутске были построены здания школ № 8, 26, 80, 43. Школы были в основном двухэтажными. Например, школа № 80 была рассчитана на 425 мест, но в здании отсутствовали столовая, актовый зал и спортзал. Отопле-

---

¹ ГАРБ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 132. Л. 8.

² Делегеоз Е. Г. Основные тенденции развития системы народного образования Иркутской области в 1937–1953 гг. / Е. Г. Делегеоз // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 5. С. 110.

ние было печным, что нередко создавало немалые трудности. Печи часто дымили, здание наполнялось дымом, из-за чего было невозможно вести уроки.

В 1937 г. свои двери распахнули школы № 3, 7, 9, 23, 37, 42. В 1938 г. была построена школа № 34, которая стала самой современной на тот момент школой Ленинского района города. Руководителем школы была назначена историк М. К. Барсук. Школа сразу же оказалась перегруженной и работала в три смены. Уроки шли настолько плотно, что помещение не успевало проветриваться. Проблемы в обучении здесь были связаны с электрическим освещением, свет в помещении был тусклым, что это быстро утомляло обучающихся. Учителя, работающие в таких условиях, даже спустя много лет удивлялись своей выносливостью. Посильную помощь школе оказывал авиационный завод¹.

В 1940 г. сеть учреждений дополнила школа № 17. Упор в работе школ делался на активности педагогического коллектива. Применялось социалистическое соревнование: классы соревновались между собой в успеваемости и участии в различных делах школы, района, города. Учителя ходили в соседние школы для обмена опытом. Дисциплина в школах была строго регламентирована: соблюдалось ношение формы, формировалось бережное отношение к труду, школьному имуществу, учебникам. Обязательным было вежливое отношение к учителям, прививались хорошие манеры. Применялась практика ведения досок почета, на которых размещались фотографии лучших классов и учеников. Ученики занимались выпуском стенгазет, принимали участие в демонстрациях, осуществляли шефство над младшими классами и неуспевающими одноклассниками. К 1940 г. большинству школ города удалось достичь 100 % успеваемости.

В целом деятельность в сфере обучения и воспитания подрастающего поколения являлась важной составляющей политики по развитию института семьи и детства в Байкальском регионе.

---

¹ Ленинский: вчера, сегодня, завтра / авторы-составители: Г. И. Хвощевский, В. В. Гасельник, Г. В. Майорова, Е. Е. Смагло. Иркутск: Оттиск, 2020. С. 402.

Одной из острейших проблем являлось обеспечение семей с детьми жильем. По всей Восточной Сибири жилой фонд увеличился до 3,5 млн единиц жилья, но на одного человека приходилось всего 3-4 кв. м площади жилого помещения. Подавляющая часть семей проживала в частном секторе¹. При этом удельный вес горожан быстро рос. Строительные организации испытывали немалые трудности, обусловленные дефицитом стройматериалов и недостатком рабочей силы. На предприятиях, руководство которых было обязано обеспечить работников жильем, в лучшем случае предоставлялась временная жилая площадь. Обеспеченность семей рабочих квартирами и домами была крайне низкой. Во второй половине 30-х гг. XX в. 90 % шахтерских семей г. Черемхово имели для проживания либо одну комнату, либо дощатые и бревенчатые жилища, не выдерживающие морозов². Согласно распоряжению № 8 от 16 апреля 1940 г. Исполкома Черемховского городского Совета депутатов, была проведена проверка жилищного фонда горняков. Как следует из служебной записки, 80 % обследованного жилья являлось непригодным для проживания и было опасным для жизни и здоровья рабочих и их семей. В документе отмечалось, что состояние здоровья проживающих в этих помещениях женщин и детей становилось все хуже³.

В целом инициатива сохранения жилищного фонда в руках государства и борьба с частным строительством, отказ от политики кредитования строительных кооперативов привели только к ухудшению состояния жилищного сектора. Баланс между частной инициативой и регулированием жилищной сферы со стороны государства так и не был достигнут.

Помимо проблемы обеспечения семей жильем остро стоял вопрос снабжения населения продовольствием. Для семей с детьми немаловажным являлось наличие в магазинах товаров первой необходимости, лекарственных препаратов. В Бурятии с 27 марта 1936 г. был легализован ряд услуг (пошив одеж-

---

¹ ГАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 4203. Л. 94.

² МКУ «Архив города Черемхово». Ф. Л-41. Оп. 1-Л. Д. 55. Л. 317.

³ Там же. Л. 152.

ды, ремонт обуви, стирка, парикмахерские услуги и т. д.). Спрос на данные услуги рос, но предложение данных услуг оставалось крайне низким. В г. Улан-Удэ на 120 тыс. человек населения было всего 107 магазинов¹. Наркомат снабжения Бурятии не имел четких планов снабжения, что приводило к задержке поставки товаров, а также их срыву. При этом приоритетным было снабжение индустриальных центров, в то время как в деревне мог находиться один магазин, в котором были пустые прилавки.

В городах региона имелись «барахолки», на которых были представлены различные группы товаров. На «барахолки» люди несли ненужные вещи, а вырученные от их продажи деньги или обмененные вещи шли на нужды семьи и обеспечение детей. Именно «барахолки» помогали людям выжить в трудное время. С. В. Буртонова вспоминает, что о «барахолке» знала почти с младенчества. В семье было четверо детей и трое взрослых. Доход был только у отца и у бабушки-пенсионерки, но этого было недостаточно для удовлетворения потребностей семьи. Мать уносила на рынок что-то ненужное из дома, меняла одежду, которая стала мала, на большие размеры. Многие жители города поступали точно так же².

Большинство проблем были обусловлены неразвитостью социальной сферы. В населенных пунктах отсутствовала планировка улиц и водоснабжение. Население брало воду из рек и озер, в которые нередко сваливался весь сельский мусор. Употребление такой воды приводило к росту инфекционных заболеваний. В 1937 г. на 10 тыс. сельских жителей было зарегистрировано 3,5 случая заболевания тифом³;

Учреждения здравоохранения базировались в основном в городской местности. Например, к 1939 г. в г. Улан-Удэ действовали четыре детские поликлиники и две республиканские больницы. В городе также открывались специализированные учреждения – зубные кабинеты, пункты приема больных ту-

---

¹ ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 656. Л. 73.

² Из интервью с С. В. Буртоновой (1938 г. р.) 2022 г. // Личный архив Д. А. Бурдиной.

³ ГАИО. Ф. р-1893. Оп. 2. Д. 27. Л. 10, 153–154.

беркулезом, рентгенотделения¹. В то же время в сельской местности порой не было даже фельдшерских пунктов, в которые бы могли обратиться местные жители, детям которых требовалась срочная медицинская помощь.

Несмотря на планы, к масштабному строительству бань в регионе так и не приступили. Согласно отчету о состоянии противоэпидемической работы в Иркутской области за 1938 г. банные установки отсутствовали во многих районах. Население продолжало топить сельские бани, оборудованные по-черному. В Усть-Ордынском округе население посещало бани один-два раза в год, что было самым низким показателем по всему Байкальскому региону². Идея создания колхозных бань не увенчалась успехом, поскольку так и не были представлены конкретные инструкции по реализации проекта и не осуществлялся контроль над строительством³.

От санитарных условий проживания в регионе зависела жизнь подрастающего поколения, состояние будущего генофонда страны. Санитарное просвещение населения, особенно коренных народов, невозможно было провести быстро. К необходимому результату могла привести только продуманная деятельность работников сельских советов и санитарных комиссий. Хаотичная и несистематическая работа по санпросвету позволила лишь в незначительной степени ознакомить население с причинами возникновения социальных болезней, способах их передачи, что позволяло контролировать вспышки заболеваемости, но не приводило к полному исчезновению социальных недугов.

К концу 1930-х гг. практически прекратились профилактические мероприятия по ликвидации беспризорничества. Основные усилия свелись к изъятию детей с улиц и размещению их в детские дома и на патронаж. Финансирование патронирующих семей осуществлялось нерегулярно, что также создавало немалые трудности. Особенно это было характерно для сельской местности⁴. В

---

¹ ГАРБ. Ф. Р-665. Д. 535. Л. 71, 74.

² ГАИО. Ф. р-1893. Оп. 2. Д. 27. Л. 11.

³ Шаламов В. А. Санитарное просвещение Сибири в 1920–1930-е годы / В. А. Шаламов // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). 2013. Т. 117, № 2. С. 122.

⁴ ГАИО. Ф. 331. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

1937 г. в Иркутской области патронирующие семьи добивались получения ежегодных пособий в размере 25 руб. только при неоднократном обращении в отдел народного образования. Телеграммы с требованиями выплат приходили регулярно. Некоторым семьям приходилось напоминать о себе по 3–4 раза, прежде чем средства на содержания детей доходили до адресата. Выплаты в населенных пунктах осуществлялись лишь в одном случае – при приезде самих патронатных родителей за деньгами. Возможность приезжать за деньгами была далеко не у всех, но из местных работников сельсоветов никто не беспокоился о выплатах, даже если семьи не получали их по полгода. Райсоветы не требовали отчетов о выплатах, поэтому халатность присутствовала повсеместно¹. В течение года по области из семей-патронатов было изъято 10 детей, которые, по мнению Комиссии отдела школ, нуждались в социальной защите. Изъятые несовершеннолетние помещались в детские дома².

По причине невыплат положенных пособий семьи нередко отказывались от патроната. Например, семья Хвощинских отказалась от воспитания ребенка по причине того, что председатель Больше-Жилкинского сельсовета Усольского района т. Моисеев не передал полученные для семьи 25 руб., решив покрыть ими прошлогодние расходы³. Были и иные ситуации, которые приводили к тяжелому положению детей в патронирующих семьях. Например, в д. Большая Елань того района сельсовет выдал С. Куркутову 10 метров ткани и 40 руб. на содержание девочки-сироты. Глава семьи пропил часть этих средств, на оставшиеся деньги купил сапоги своей жене. Ткань пошла на пошив фартука и блузки супруге⁴. Патронированный ребенок не всегда находился в семье, с которой был заключен договор. Так, Амалия Тихомирова проживала в семье Анпаловых, по документам сельсовета числилась у Куркутовых, которые получали за нее материальную помощь, а договор на патронат был заключен с Самойловы-

---

¹ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 39. Л. 288.

³ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 100. Л. 61.

⁴ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 100. Л. 61.

ми¹. Только в одном селе насчитывалось пять таких детей. Причиной такой путаницы было принуждение семей к патронату над детьми. Самойловой был передан ребенок без ее согласия, в результате чего воспитание и присмотр осуществляли соседи, у которых несовершеннолетний пребывал фактически. Подобные случаи были в селе Михайловка Черемховского района.

Естественно, что архивные документы фиксируют прежде всего случаи безответственного отношения к принимаемым в семьи детям. Однако анализ подобных случаев свидетельствует об их типичности и достаточно широком распространении. В селе Большое Жилкино С. Бутылин вместе с супругой уехали в районный центр и не вернулись, бросив двух детей. Младший пятилетний ребенок по требованию соседей был быстро отправлен в детский дом. Старший, пытаясь избежать помещения в интернат, стал беспризорником и скитался на протяжении двух месяцев, совершая мелкие кражи². В Тулунском районе в совхозе «Сибиряк» отличилось сразу пять семей, в которых патронированные дети не ходили в школу, скитались безнадзорно, проживали в грязном бараке и не имели даже нижнего белья³. Часто родные дети выгоняли младших приемных детей на улицу, отбирали еду, одежду, не позволяли пользоваться вещами семьи.

Огромный пласт проблем складывался вокруг детских домов. Укомплектование учреждений не всегда соответствовало рекомендациям органов власти. В Иркутской области не были редкостью случаи помещения детей в детские дома без распоряжения Иркутского окружного отдела народного образования. Присутствовали проблемы с правильной наполняемостью учреждений. Только к концу 30-х гг. XX в. завершился процесс разделения детских домов по типам. Типизация в основном отражалась лишь на бумаге и в названии учреждения. На деле распределение детей в соответствии с типом учреждения не всегда соблюдалось. Например, в дошкольных детских домах встречались дети школьного

---

¹ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 100. Л. 64.

² Там же. Л. 63.

³ Там же. Д. 81. Л. 21.

возраста. В Черемховском и Тулунском детских домах такие дети составляли до 50 %. Причиной являлась переполненность учреждений школьного типа. Приходилось распределять детей в те детские дома, в которых были хоть какие-то места¹.

Только в конце 1930-х гг. положение детских домов стало значительно стабильнее. Проблемы с питанием сохранялись в основном в отдаленных районах. Множество проблем сохранялось в материально-техническом оснащении детских домов. В отделы народного образования регулярно поступали письма от заведующих, которые предпринимали непосильные попытки улучшить положение учреждений. Заведующая Иркутским детским домом № 3 Яковлева в своем письме указывала, что отделом народного образования в 1937 г. было выделено 5200 р. на улучшение оснащения детского дома. Однако этих средств было недостаточно для покрытия расходов. В учреждении было сломано 70 % кроватей, не хватало матрасов. Только на стулья требовалось 1020 р., покупка кроватей обошлась заведению в 4900 р. Нужны были одеяла и новые матрасы. Самое скромное меню обходилось приюту в 4 руб. 24 коп., в то время как на питание органами власти выделялось 3 руб. 15 коп.². После увеличения количества детей до 200 человек детскому дому ежемесячно выделялось 26 тыс. руб., которые еле покрывали расходы на питание и заработную плату сотрудников³.

Актуальной была проблема качества питания воспитанников. О разнообразии в рационе даже не было речи. Например, в Заларинском детском доме дети питались кашей на воде и лапшой, в то время как бюджет учреждения был профицитным. Экономия в 1937 г. составляла 56 тыс. руб. В Иркутском детдоме № 3 также сэкономили 22 тыс. руб. Такая экономия достигалась именно за счет сокращения рациона питания, который характеризовался однообразием и самыми дешевыми продуктами⁴.

---

¹ ГАИО. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 34. Л. 15.

² Там же. Д. 25. Л. 70.

³ Там же. Д. 55. Л. 4.

⁴ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 39. Л. 285.

В архивных документах отмечаются и иные нарушения: выдавали одежду не по размеру, из-за нехватки посуды заваривали чай в кастрюлях из-под супа и т. д.¹. Зачастую воспитанники учреждений относились небрежно к собственным вещам и имуществу детского дома. Например, в Бирюсинском детском доме в 1937 г. воспитанники могли спокойно бросить пальто на пол и пройтись по нему в обуви. Из-за отсутствия отметок на вещах дети путали их, из-за чего нередко происходили драки и порча имущества. Никто из воспитателей не реагировал на такие выходки².

Сохранялась проблема снабжения детских домов топливом. В 1937 г. в детском доме пос. Залари запас топлива был лишь на день вперед³, а в Иркутском детдоме № 1 температура в помещении доходила до четырех градусов⁴. В 1938 г. в Иркутске у детского дома № 1 иссяк запас угля и дров, а поставка топлива задерживалась⁵. Имелись и случаи хищений и расходов со стороны должностных лиц. Например, в 1939 г. в Иркутском детдоме № 3 растраты администрации составили 64 тыс. руб.⁶

Много недостатков имелось и в организации работы самих детских домов. Встречались случаи пренебрежения администрации детских домов подсобными хозяйствами. В Иркутском детдоме № 3 в 1939 г. собранные овощи хранились ненадлежащим образом, в результате чего треть урожая была испорчена: сгнили картофель, помидоры, морковь, овес был испорчен мышами⁷. Такая картина присутствовала во многих учреждениях региона, поскольку работники детских домов не обладали необходимыми знаниями из сельскохозяйственной сферы, были выходцами из городской среды, не имели представления об условиях хранения продуктов.

---

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 39. Л. 284.

² ГАИО. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 57. Л. 9.

³ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 39. Л. 286.

⁴ Там же. Д. 31. Л. 13.

⁵ ГАИО. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 57. Л. 17.

⁶ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 172. Л. 585.

⁷ ЦДНИ ГАИО. Ф. 1914. Оп. 1. Д. 18. Л. 45.

Помимо материально-технического оснащения и финансирования детских учреждений, актуальной проблемой оставалось санитарное состояние детдомов. Ответственность за соблюдение санитарных норм возлагалась на весь коллектив. Педагоги и администрация учреждения должны были следить за состоянием здоровья детей, их внешним видом, качеством питания. Регулярные занятия гимнастикой и медико-профилактические беседы должны были способствовать формированию правильного отношения воспитанников к личной гигиене. Случаи нарушения санитарных норм сводились как к халатному отношению со стороны детей и педагогов, так и возникали по причине отсутствия стандартного набора гигиенических средств – зубного порошка, мыла.

Неукомплектованность детдомов педагогическими кадрами наблюдалась повсеместно. Например, в Иркутском дошкольном детдоме педагоги работали в две смены, поскольку воспитателей не хватало. Такая ситуация неизбежно порождала случаи нарушения трудовой дисциплины: уход с рабочего места, прогулы, неожиданные отгулы персонала¹.

Кадровый вопрос был актуален и для школ. В регионе, как и по стране в целом, он осложнялся тем, что репрессии в конце 1930-х гг. коснулись как учителей, так и родителей школьников. Например, первый директор школы № 26 был арестован по ст. 58-10, -11 УК РСФСР в 1938 г. Репрессии в отношении родителей обучающихся значительно осложняли дальнейшую социализацию школьников, их вступление в пионеры и комсомольцы. Например, в Половинской средней школе ученик 7 «А» класса Петр Душутин не был принят в ВЛКСМ по причине того, что отец мальчика был арестован в 1938 г. Данная ситуация интересна тем, что после отказа Душутин обратился к военному прокурору, прокурору Восточно-Сибирской железной дороги с просьбой разъяснить ситуацию. В ответе говорилось, что поскольку отец арестован не как «враг народа», данное обстоятельство не может быть препятствием для вступления в комсомол. Однако даже после разъяснения прокуратуры семиклассник получил

---

¹ ГАИО. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 57. Л. 9.

отказ от комсомольской организации. На просьбу Душутина дать справку из прокуратуры для ВЛКСМ, в которой бы содержалась информация об отсутствии запрета на вступление в молодежную организацию, был получен отказ¹. Подобное равнодушие надзорных органов и местных властей было не единственным случаем. Воспитание в условиях идеологии создавало у ребенка образ идеального будущего через участие в пионерской организации, в работе ВЛКСМ, отказ в принятии в которые рушил представления о дальнейшей жизни в Советском государстве и порождал сомнения в правильности коммунистического строя.

Отношение к семьям репрессированных также было неоднозначным. Например, семья арестованного по делу о «шпионско-диверсионной деятельности» в 1937 г. Петра Лазовского постоянно испытывала негативное внимание со стороны соседей, рабочего коллектива, школы. Сын арестованного – Павел – вспоминает, что хотел участвовать в выборах старосты в январе 1941 г., но классный руководитель Н. А. Затеева отговаривала всех ребят от выдвижения его кандидатуры. Часто в свой адрес мальчик слышал оскорбления. Комсорг Л. Гольцман отказала Лазовскому в приеме в ВЛКСМ, а мандатная комиссия по приему в офицерское училище забраковала кандидатуру юноши для поступления, и все это по причине того, что отец сидел в тюрьме по политической статье².

Приведенный пример не позволяет перейти на обобщение, поскольку в воспоминаниях отражается и иное отношение к детям и семьям репрессированных. А. Ф. Глушаченко вспоминает, что после ареста отца как «врага народа» семья не сталкивалась с подобным давлением. Они проживали в с. Тыреть, Заларинского района. В первые недели после ареста практически все соседи предлагали свою помощь: кто-то привозил матери воду и дрова, кто-то помогал присматривать за детьми, пока мать занималась домашними делами, оказывали

---

¹ МКУ «Архив города Черемхово». Ф. Л-62. Оп. 1-Л. Д. 34. Л. 12.

² Интервью с П. П. Лазовским // Личный архив Д. А. Бурдиной.

и моральную поддержку. В деревне было и другие семьи репрессированных, в связи с чем присутствовало относительное взаимопонимание¹.

На обеспечение потребительского спроса населения в регионе значительно влияние оказал и предвоенный кризис снабжения. С 1 декабря 1939 г. был введен запрет на продажу муки и хлеба на селе, урезаны нормы продовольствия. Обороты торговли снизились, шел процесс извлечения сельских накопленных посредством увеличения налогов. С лета 1939 г. в СССР активно развивается закрытая торговля. На заводах, перерабатывающих стратегическое сырье, при шахтах открываются магазины, доступные лишь семьям работников данных предприятий, а также работникам учреждений при них – школ, детских садов, больниц и т. д. Главным недостатком такого метода снабжения населения являлась бесконтрольность, возможность скупки большого ассортимента товаров. Несмотря на ограничение отпуска определенного количества товаров в одни руки, покупатели могли приходить за товарами неограниченное количество раз и приобрести тем самым нужное количество продуктов. Нередко встречались спекуляции и перепродажа товаров с точек закрытой торговли.

Население, оказавшееся за пределами закрытой торговли, в том числе и семьи с детьми, проживающие в городах, испытывали трудности в приобретении необходимых товаров. Также 1939–1940 гг. стали периодом роста цен на многие продукты: ткани, посуду, одежду, обувь, сахар. В 1,5–2 раза увеличились цены на молочные продукты, мясо и рыбу, а ведь именно эти товары были крайне необходимы семьям для поддержки здорового питания.

Таким образом, меры, предпринимаемые в курсе социальной политики в области материнства и детства в регионе, были весьма разнообразны, что подчеркивает осознание органами власти значения семьи и подрастающего поколения для дальнейшего развития страны. Культ материнства и забота о детях стали основой мероприятий, проводимых в области здравоохранения, образования, социального обеспечения. После принятия новой Конституции оформля-

---

¹ Интервью с А. Ф. Глушаченко // Личный архив Д. А. Бурдиной.

ется комплексный подход в области социальной политики. Реализация мер социальной политики подкреплялась финансовыми, правовыми и административными ресурсами. Однако их конкретное воплощение сталкивалось со многими проблемами, в которых далеко не последнюю роль играл человеческий фактор. Многие направления этой работы не получили широкого развития и не подкреплялись материально-финансовыми мерами. В реальной работе местные органы власти по-прежнему предпочтение отдавали выполнению первостепенных хозяйственных планов, выполнение которых строго контролировалось вышестоящими инстанциями.

Попытка реализации комплексного подхода к социальной политике, включая охрану материнства и детства в Байкальском регионе, выявила множество проблем, требующих кропотливой и внимательной работы. Поддержка материнства и детства, создание условий для воспитания подрастающего поколения, защита детей, оставшихся без попечения родителей, несомненно, были актуализированы задачами внутривластного курса после принятия новой Конституции. Можно утверждать, что до начала войны шел процесс выстраивания комплекса мер, которые в перспективе могли бы привести к серьезному развитию отдельных социальных институтов, включая материнство и детство, а также укрепить материальную основу социальной политики. Подготовка к войне, а также характер мобилизационных мер, осуществляемых в данный период, серьезно отразились на планах в области развития социальной сферы. Тем не менее можно отчетливо видеть активизацию внимания со стороны центральных органов власти к вопросам социальной политики в предвоенный период, что нашло свое отражение и в Байкальском регионе. Апробация многих мер, несмотря на все недостатки, помогла более осознанно и эффективно решать вопросы защиты материнства и детства в годы войны.

ГЛАВА 2. ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В РЕГИОНЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

2.1. Государственная поддержка семей военнослужащих

Социальная политика государства в отношении материнства и детства в период Великой Отечественной войны приобрела особое значение. В условиях военного времени произошли существенные изменения в социальном законодательстве. Они касались не только регулирования трудовых ресурсов, рабочего времени, но и имели отношение непосредственно к институту материнства и детства. Для военного времени было важно создать такие условия для семей фронтовиков, при наличии которых солдаты были бы уверены, что пока они сражаются за Родину, их семьи находятся в безопасности и государство о них заботится.

В первую очередь изменения коснулись организации труда. Большую часть работоспособного населения в стране составили женщины. К труду привлекались все, кто мог оказать посильную помощь фронту. Это имело прямое отношение к женщинам и детям. Государство в этом направлении решало две взаимосвязанные задачи. Требовалось восполнить трудовые ресурсы за счет привлечения на производство женщин, но для этого требовалось значительно расширить сеть дошкольных учреждений. Второй, не менее важной, задачей являлось обеспечение законного использования труда несовершеннолетних, которое бы не наносило вред здоровью подрастающего поколения и не нарушало общие требования к образовательно-воспитательным функциям семьи.

Согласно ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», лица моложе 16 лет к сверхурочной работе могли быть привлечены только в том случае, если она не превышала двух часов день. В Указе также был введен запрет на принуждение к обязательным работам беременных женщин после полугода беременности. Кормящие матери также не привлекались к работе пер-

вые полгода после родов. Сверхурочные часы для таких категорий женщин должны были быть оплачены в полуторном размере¹.

Позднее были введены процедурные изменения в регулирование семейно-брачных отношений. Согласно Указу Президиума ВС СССР от 10 апреля 1942 г., вводились пошлины за регистрацию браков, разводов, изменение имени и фамилии, а также за восстановление и изменение записей актов гражданского состояния. Выдача свидетельств о рождении и смерти, а также усыновлении были исключены из этого списка².

Особое место в социальной политике занимал Указ от 8 сентября 1943 г. «Об усыновлении»³. В Указе были определены положения, в соответствии с которыми усыновитель мог просить о присвоении себе фамилии и отчества, а также быть записанным как родитель. Однако дети, достигшие десяти лет, могли получить фамилию и отчество по имени усыновителя только после их согласия, и без согласия усыновляемых усыновители не могли быть записаны как родители. Данный Указ был направлен на расширение прав детей, оставшихся в годы войны без родителей.

Местные органы власти, с одной стороны, пролонгировали решения, принимаемые центральной властью, одновременно в регионе принимались нормативные акты, направленные на поддержку и защиту материнства и детей. Например, Иркутский областной совет депутатов трудящихся принял решения № 175 от 4 февраля 1942 г. и № 212 от 11 февраля 1942 г., предусматривающие ежегодное пособие в размере 2000 рублей для многодетных матерей до достижения их детьми пяти лет⁴.

---

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 76.

² Указ Президиума ВС СССР от 10.04.1942 о местных налогах и сборах // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 49.

³ Указ Президиума ВС СССР от 08.09.1943 «Об усыновлении» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 101.

⁴ Пособие по многодетности // Ленская правда. 15 марта 1942 г. № 19 (2143). С. 4.

Местным органам управления было поручено облегчить бытовые проблемы работающих женщин-матерей. В Иркутской области и Бурятии женщины регулярно получали пособия, могли посещать общественные места питания, имели продовольственные карточки и получали гарантии устройства детей в ясли и детские сады, если они были доступны. В 1943 г. Совнарком Бурятии выделил средства на создание шести дополнительных детских столовых в городах Улан-Удэ, Нижнеангарске, Кяхте и Усть-Баргузине, чтобы улучшить питание нуждающихся детей. Для истощенных и больных детей выдавался дополнительный паек. На детей, проживающих в сельской местности, эти нормы не распространялись. В своих воспоминаниях А. Н. Соболева отмечает, что в деревнях и селах ситуация была гораздо хуже, и даже при наличии собственных огородов люди не могли прокормить своих детей¹. В воспоминаниях М. Федоровой отмечается, что во время вечеринок гости веселились, пели и обсуждали войну, иногда даже плакали, но сами дети ждали только того момента, когда гости уйдут, чтобы иметь возможность поесть оставшуюся еду².

Очередным шагом в правовом регулировании института материнства и детства стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия...»³. В соответствии с Указом, многодетным матерям (которые имеют мужа или являются вдовами) выплачивалось государственное пособие при рождении третьего и каждого следующего ребенка, начиная с двоих детей. Таким образом, новый порядок выдачи пособия заменял старый, по которому государственное пособие получали многодетные матери, имеющие шестерых

---

¹ Соболева А. Н. Женская и детская повседневность в Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны / А. Н. Соболева // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 11. С. 64.

² Воспоминания М. Федоровой // Детство, опаленное войной: сб. воспоминаний детей войны / сост. В. З. Соркин. Вологда: ФЕСТ, 2011. С. 51.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 79.

детей и более, при рождении седьмого и каждого последующего ребенка. Многодетным матерям выплачивалось ежемесячное пособие, начиная со второго года жизни ребенка до того момента, когда ребенок достигнет возраста пяти лет. Одиноким матерям выплачивалось государственное пособие до тех пор, пока их дети не достигнут возраста шестнадцати лет (если они являются студентами, не получающими стипендию, – до восемнадцати лет).

Указом были установлены дополнительные права для беременных и кормящих матерей: отпуск увеличился с 63 до 77 дней, нормы трудового пайка были увеличены, а система льгот для оплаты детских садов была расширена. Также Указом вводились новые меры поощрения, награды для матерей: медаль «Медаль материнства» I и II степени, орден «Материнская слава» и звание «Мать-героиня».

Однако вручение наград в Байкальском регионе задержалось. В частности, к ноябрю 1944 г. в Бурятии не было представлено никаких документов на награждение матерей. В то же время только в столице республики на начало 1944 г. было 178 матерей, имеющих от 7 до 9 детей старше пяти лет. Горком ВКП(б) Улан-Удэ расценил такое положение как «недостаток внимания к многодетным женщинам»¹. После выхода Указа местные органы власти в регионе усилили внимание к вопросам защиты материнства и детства. Улан-Удэнский горком провел проверку условий работы беременных и кормящих женщин. В результате проверки паровозо-вагонного завода, стеклозавода и мясокомбината было выявлено, что ограничения для данных категорий работников соблюдаются, но отдельный учет таких работников не ведется. Многие мероприятия носили формальный характер. На предприятиях для женщин были организованы комнаты гигиены, однако помощь заболевшим не оказывалась, не велся учет многодетных и одиноких матерей, а также семей, нуждающихся в помощи.

---

¹ ГАРБ. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 1113. Л. 62.

В отчете отмечается, что материальная и продовольственная помощь не оказывается в полном объеме¹.

Особое внимание в годы войны уделялось поддержке семей военнослужащих. В соответствии с действующими нормативными документами, ответственными за своевременную передачу информации в райсобес о назначении пособий для женщин и детей из семей бойцов-красноармейцев являлись первичные парторганизации и исполкомы сельских советов². Постановлением бюро Иркутского обкома ВЛКСМ «О работе комсомольских организаций по оказанию помощи детям фронтовиков» от 24 августа 1942 г. создавались специальные бригады, которые должны были обеспечить проверку правильности выплат пособий семьям военнослужащих, оценить уровень жизни семей и выявить проблемные стороны их обеспечения³.

Принимаемые меры помогали поддерживать минимальный уровень жизни населения. Женщины и дети относились к тем группам населения, которые больше других нуждались в поддержке государства. Согласно отчету Иркутской областной комсомольской организации, за период войны в Иркутской области было выделено 900 тыс. руб. на выплату пособий для школьников⁴. По отдельным районам принимались дополнительные меры поддержки, направленные в основном в адрес семей погибших фронтовиков, а также детей-сирот. В Усольском районе была предоставлена помощь женщинам и детям в виде материальной поддержки общей суммой на 471 тыс. руб., а также 1300 кг муки, 85 литров молока, 7 кг масла, 11 центнеров картофеля⁵.

Одной из важнейших форм государственной поддержки таких групп граждан является предоставление социальных выплат и льгот, компенсаций, пособий. В годы Великой Отечественной войны государство принимало нормативно-правовые документы, которые регулировали отношения между семьями

---

¹ ГАРБ. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 1113. Л. 58.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 243. Оп. 3. Ед. хр. 269. Л. 39.

³ ЦДНИ ГАИО. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 51.

⁴ Там же. Ед. хр. 369. Л. 43.

⁵ Там же. Оп. 5. Ед. хр. 93. Л. 55.

военнослужащих и государством. Эти документы служили основой для политики, которая осуществлялась органами, ответственными за ее выполнение. Законодательство было дополнено с учетом специфики военных лет. Военное время представляло собой сложные испытания не только для самих фронтовых солдат, но и для их семей.

Система государственной поддержки отдельных категорий граждан формировалась на основе законодательных актов, регламентирующих порядок и условия предоставления социальных выплат и льгот. Однако на практике возникали ситуации, когда граждане не могли получить необходимую помощь или информацию о порядке ее предоставления. Байкальский регион в этом плане не был исключением, и проблемы адресной помощи сохранялись на протяжении всего военного времени.

С самого начала Великой Отечественной войны потребовалось принимать комплекс мер по финансовому обеспечению семей военнослужащих. Указ Президиума ВС СССР, который регулировал порядок выплаты пособий семьям низшего начальствующего состава военнослужащих во время войны, был выпущен уже 26 июня 1941 года. Информация, содержащаяся в Указе, дублировалась в постановлении СНК СССР от 16 июля 1940 г. «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава и их семьям». Использование уже проработанных статей законов позволяло быстро принимать решения, издавая документы в кратчайшие сроки¹.

Анализируя нормативно-правовые источники в сфере регулирования социальной поддержки и защиты семей военнослужащих СССР, можно отметить следующие направления законотворчества:

- правовые акты, регулирующие основания и процедуру выплаты пособий для семей фронтовиков (размеры помощи, ее виды, адресность, круг возмож-

---

¹ Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» // Сборник указов Президиума Верховного совета СССР, изданных в связи с войной против немецкого фашизма. [Б. м.], 1941. С. 56.

ных получателей финансовой поддержки, степень определения нуждаемости семьи);

- нормативно-правовые акты, в том числе указы и постановления, обеспечивающие регламентацию пенсионных выплат военнослужащим: условия назначения, процедуру выплат пенсионных отчислений при уходе со службы;

- акты, регулирующие льготы, их назначение и круг получателей, документальное сопровождение¹.

26 июня 1941 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, который полностью определил адресную помощь семьям военнослужащих в форме пособий, принцип назначения которых зависел от численности в семье иждивенцев и нетрудоспособных членов. Законодательно давалось определение иждивенцев, к которым относились лица, чья жизнь полностью зависела от помощи военнослужащего. Сумма пособий рассчитывалась в соотношении с численностью таких членов семьи. Для начислений не учитывались трудоспособные граждане. Женщины также считались трудоспособными, однако не учитывался тот факт, что у многих из них было несколько детей. Даже многодетность не освобождала от участия в трудовой деятельности.

Были установлены следующие категории нетрудоспособного населения:

- дети в возрасте до 16 лет, а также до 18 лет, если они находятся на обучении;

- наличие в семье отца в возрасте старше 60 лет и матери старше 55 лет;

- братья и сестры в возрасте до 16 лет (или до 18 лет в случае учебы), если у них нет трудоспособных родителей;

- наличие супруга или родителей с инвалидностью I и II группы².

Право на получение пособия семьям военнослужащих было предоставлено детям, братьям, сестрам и супругам военнослужащих. С 1943 г. дедушки и

---

¹ Хабльева Л. Ч. Материально-бытовая помощь семьям военнослужащих в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2017. № 8. С. 214.

² Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» // Сборник указов Президиума Верховного совета СССР, изданных в связи с войной против немецкого фашизма. [Б. м.], 1941. С. 56.

бабушки военнослужащего также получили возможность получать это пособие. Таким образом, только близкие родственники военнослужащего имели право на этот вид помощи. Привилегии для родственников супруги не предоставлялись. Если у мобилизованного военнослужащего было много родственников, имеющих право на пособия, денежная сумма делилась пропорционально между нуждающимися. Согласно действующему законодательству, дети военнослужащих, которые получали алименты от них, считались иждивенцами и, таким образом, имели право на получение пособия в рамках общей суммы, предоставляемой семьям военнослужащих. Доля пособия для этих детей определялась пропорционально их доле в семье.

В письме от 20 июля 1942 г. № 1-134-с Наркомат социального обеспечения РСФСР предупредил о возникновении сложностей при определении точной даты рождения члена семьи военнослужащего, что могло привести к ошибкам в выплате пособий. Чтобы решить эту проблему, было решено установить неофициальную дату рождения – 1 июля, только с указанием года рождения, для всех членов семьи, которые указываются в документах для назначения пенсии или пособия. При составлении документа учитывался комплексный подход: обращалось внимание на возраст, состояние здоровья, количество обучающихся членов семьи¹. Подобный подход позволил не только решить проблему исключения ошибок в назначении пособий, но и расширить круг получателей социальной меры.

Дифференциация пособий происходила в зависимости от количества трудоспособных и нетрудоспособных членов семьи. Пособие в размере 100 рублей с 1941 г. назначалось семьям, в которых из числа близких родственников один являлся нетрудоспособным. В случае двух – пособие составляло 150 рублей, а при трех и более – 200 рублей. Также к принципам дифференциации относилась территория проживания. Различия в суммах пособий были для сельского и

---

¹ Циткилов П. Я. Положение семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. № 1. С. 172.

городского населения. Семьи, проживавшие в городе, получали полный размер пособия, а семьи, проживавшие в селе, получали половину от этих сумм¹.

Помощь многодетным семьям в годы Великой Отечественной войны имела первостепенное значение. Эти меры помогли сохранить семьи, обеспечить детей всем необходимым и создать условия для их будущего развития. Они были примером солидарности и заботы государства и общества о своих гражданах. Чтобы помочь многодетным семьям в трудной финансовой ситуации, была введена дополнительная категория получателей пособий. Семьям, состоящим из пяти и более нетрудоспособных членов, было предоставлено пособие в размере 250 руб. в городе и 50 % от этой суммы в сельской местности. Размер этого пособия оставался неизменным в последующие годы².

Государство увеличило финансовую поддержку многодетных семей в связи с их затруднительным материальным положением. Средства на выплаты пособий, а также на их доставку через почту (включая оплату бланков переводов), выделялись из государственного бюджета. Все это свидетельствует о внимании государства к наиболее уязвимой группе населения.

Для получения пособия в городе необходимо было предоставить следующие документы:

- заявление от семьи военнослужащего;
- справку от домоуправления, где указан состав семьи мобилизованного, включая фамилии, имена, отчества, год и месяц рождения, родственные отношения каждого члена семьи с мобилизованным, а также информацию о тех, кто находится на иждивении мобилизованного;
- справку о мобилизации военнослужащего от районного (городского) военного комиссариата, содержащую информацию о воинском звании и дате призыва, или справку из воинской части с указанием воинского звания;

---

¹ Липатов А. В. Государственная и общественная поддержка семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны // Известия ВГПУ. 2017. № 2 (115). С. 192.

² Любецкий А. Е. Всестороннее обеспечение семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (по материалам обращений граждан) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. № 2. С. 200.

- справку от врача-эксперта, указывающую на группу инвалидности нетрудоспособных членов семьи¹.

В районах сельской местности сохранялись условия, которые требовали особых мер для решения вопросов по семейному обеспечению. Для этого были созданы списки, которые составлялись по фамилиям в местном сельсовете и подписывались председателем и секретарем сельсовета. Возникла необходимость в таком решении, поскольку семьи, проживающие в сельских районах, не всегда могли лично обратиться в социальные учреждения в городах из-за большого расстояния. Эти списки содержали информацию о фамилии, имени, отчестве и воинском звании мобилизованного человека, а также о фамилии, имени, отчестве и годе рождения членов его семьи и их родственных связях с мобилизованным. Также в списке указывались те, кто находился на его иждивении.

Из-за частых перемещений семей, в том числе и из села в город, был упрощен факт установления причастности семей к мобилизации. Письмом НКССО РСФСР от 16 октября 1941 г. № 41 «Об установлении по свидетельским показаниям факта призыва в Красную армию» было определено, что если семья военнослужащего не может предоставить справку о его мобилизации или призыве, комиссия по назначению пособий имеет право использовать данные других документов, включая свидетельские показания граждан, чтобы определить основания для предоставления пособия. В таких случаях граждане обязаны были оформить соответствующие документы в течение трех месяцев, чтобы продолжить получение пособий². Таким образом, государство стремилось обеспечить быструю и эффективную помощь гражданам, находившимся в трудных ситуациях, и уменьшить формальные препятствия для получения пособий.

На местах органы власти создавали дополнительные механизмы влияния, чтобы семьи военнослужащих получали помощь в должном размере и своевре-

---

¹ Вычеров Д. А. Жалобы военнослужащих и их семей как отражение социальной политики советской власти в годы Великой Отечественной войны (на материалах Тюменской области) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3 (19). С. 47.

² Письмо НКССО РСФСР от 16 октября 1941 г. № 41 «Об установлении по свидетельским показаниям факта призыва в Красную армию» // Великая Отечественная война. 1941–1945: Док. и материалы. Великая битва Великой войны / М-во обороны РФ; Под общ. ред. С. К. Шойгу. М.: Военная книга, 2016. С. 276.

менно. Типичным в годы войны являлось принятие сельскими районными комитетами ВКП(б) решений, в соответствии с которыми первичные партийные организации и исполнительные комитеты сельских советов обязывались вести строгий контроль за оказанием помощи семьям красноармейцев и эвакуированному населению. Вводилось в практику рассмотрение докладов руководителей предприятий, учреждений и колхозов на партсобраниях и заседаниях исполнительных комитетов по этой проблеме. Кроме этого, председатели сельских советов должны были организовать работу по созданию колхозных касс взаимопомощи, направленную на оказание помощи нуждающимся семьям красноармейцев. Председатели колхозов обязывались внимательно относиться к нуждам и запросам семей красноармейцев, обеспечивать транспортировку в больницы, подвозку топлива и кормов и т. д. Особое внимание уделялось устройству членов семей красноармейцев и эвакуированного населения на учебу¹.

В годы войны для семей военнослужащих в городах создавались специальные столовые с возможностью отпуска обедов на дом. С 1 июня 1943 г. решением бюро Иркутского обкома ВКП(б) в Иркутске были открыты шесть таких столовых, в том числе в предместьях Марата, Свердлово, центральной и нагорной частях города, а также чайная на колхозном рынке с этой целью была переоборудована в полноценный пищеблок. Пропускная способность таких столовых составила до 2000 человек². Кроме того, все остальные имеющиеся столовые планировалось максимально уплотнить для увеличения нагрузки, с целью охватить питанием как можно больше нуждающихся.

Женщины, по каким-либо причинам не устроенные на работу на промышленные предприятия, работающие на нужды фронта, в основном трудоустроивались в легкой и пищевой промышленности. В Иркутске на швейной и пимокатной фабрике работали преимущественно женщины. Те, кто не имел соответствующих трудовых навыков, распределялись в колхозы. Только в первом

---

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 243. Оп. 3. Ед. хр. 269. Л. 39.

² ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 795. Л. 20.

квартале 1943 г. на постоянное место жительства в колхозы было направлено 157 семей из Сталинского района.

Особой заботой стремились окружить детей фронтовиков. По г. Иркутску в середине войны для таких детей функционировали площадки при детских садах и школах с трехразовым питанием на 200 мест и с одноразовым питанием на 600 мест. Дети, оставшиеся без присмотра родителей, оформлялись на патронат на предприятия: 178 детей были устроены на завод им. Куйбышева, 30 человек – на слюдяную фабрику. По справкам из медицинских организаций выдавались сухие пайки для детей фронтовиков с ослабленным здоровьем или истощением. На предприятиях и в организациях действовали подсобные хозяйства, которые обеспечивали столовые и нуждающихся работников, а также передавали часть средств фронту.

К июню 1943 г. 1975 детей военнослужащих были зачислены в сады и 1032 в ясли. Был открыт также специализированный сад для детей, болеющих туберкулезом, на 60 человек¹.

Индивидуальные огороды в городе также в первую очередь предоставлялись семьям военнослужащих. Только в Иркутске для 600 семей было выделено 23 га земли. Райсоветы также выдавали картофель крайне нуждающимся семьям. Для поддержки семей военнослужащих к концу 1943 г. в райсоветах были созданы фонды помощи, содержащие одежду: детскую обувь, женские босоножки, рейтузы, валенки, трикотажные юбки.

Подобные мероприятия проводились и в Бурятии. С начала войны, с целью улучшения материального положения семей военнослужащих, женщин-матерей старались трудоустроить, причем оказывалась серьезная помощь как в подборе профессии, так и в обучении. Жены фронтовиков освоили профессии крановщиков, шоферов, станочниц и даже электросварщиц. Из привлеченных 312 женщин самостоятельно освоились в профессии 125².

---

¹ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 8. Ед. хр. 11. Л. 93.

² ГАРБ. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 3596. Л. 215.

На предприятиях были организованы кружки для женщин, на которых они занимались изучением технических знаний для поступления на работу в мелькомбинат, на мебельную фабрику, лесозавод и сплавную контору. Однако эти школы не проработали долго. В связи с большим количеством рабочих, которые отправились в армию, руководители предприятий прекратили техническую учебу и переключились на практический опыт обучения прямо на рабочих местах. С помощью партийной организации и дирекции лесозавода организовывалось техническое обучение домашних хозяек, которые теперь работали на лесопилке, мясоконсервном комбинате и в механическом цехе. Женщины осваивали профессии рамщика, мастера по выгрузке и подаче сырья, слесаря, пилостава, тележника, сортировщика, машиниста и токаря. На мясоконсервном комбинате среди 742 женщин многие работали на ведущих профессиях, превышая нормы выполняемой работы. Например, закатчица Антонова перевыполнила нормы на 238 %, а Хороших – на 152 %. Заработок женщин доходил до 850 руб., а перевыполнение плана превышало порой 250 % от нормы¹.

Государственная поддержка была не единственной помощью для семей с детьми в годы Великой Отечественной войны. В оказании помощи нуждающимся семьям и детям-сиротам в этот период широкое участие принимали граждане, а также организации и предприятия.

Данная помощь являлась достаточно разнообразной и осуществлялась по ряду направлений. В рамках реализации различных мер регулярно проводились декадники помощи семьям военнослужащих. По результатам проведенного мероприятия уточнялось количество семей, получающих пособия, виды помощи и пр. В феврале 1943 г. в Сталинском районе г. Иркутска по итогам декадника было установлено: по району 4162 семей мобилизованных получают пособия. Семьям также оказаны разнообразные виды помощи: 2170 семей получили ордера на одежду или вещи, 497 семей – уголь, реализовано 835 кубометров дров,

---

¹ ГАРБ. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 82. Л. 72.

оказана материальная помощь на 15 400 руб., 56 семей получили новое жилье, 200 детей было направлено в сады и ясли¹.

Одновременно на предприятиях Иркутска организовывались комиссии, оказывающие помощь семьям мобилизованных граждан. По состоянию на февраль 1943 г. действовало 98 таких комиссий. Они создавали денежные фонды, из которых выделялись средства на содержание остро нуждающихся работников. Комиссии были созданы на заводе имени Куйбышева, слюдяной фабрике, Ирпромторге. Анализ документов свидетельствует, что в ряде случаев помощь со стороны комиссий являлась весьма существенной. Например, женам фронтовиков, работающим в артели «Ирметаллист», к празднованию 1 мая 1943 г. были выданы юбки и иные элементы одежды².

Объем помощи в 1942–1943 гг. в г. Улан-Удэ представлен в Приложении 6. Всего помощь получили 2331 из 21 327 имеющихся семей фронтовиков. Общая сумма помощи составила 557 932 руб., большая часть из которых ушла на продукты питания, одежду и обувь. Конечно же, охват помощью 11 % семей – показатель незначительный, но это были те семьи, которые особо нуждались в помощи и не могли самостоятельно организовать свой быт, необходимый для выживания. Из данных таблицы также видно, что помощь оказывалась во всех округах города и составляла набор самого необходимого: топливо, одежда и обувь, белье, а также помощь в трудоустройстве и пристраивании детей в сады и ясли. В августе и сентябре 1943 г. горком ВЛКСМ организовал три коллективных мероприятия, в рамках которых комсомольцы и молодежь города вышли заготавливать дрова для семей военнослужащих и школ. В общей сложности было заготовлено более 1700 кубометров, которые были развезены по нуждающимся семьям³.

К январю 1944 г. предприятия, учреждения и колхозы сформировали значительные продовольственные и денежные фонды, через которые была оказана

---

¹ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 8. Ед. хр. 11. Л. 93.

² Там же.

³ ГАРБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 1825. Л. 87.

материально-бытовая помощь более чем 36 тыс. семей. Среди выданных ресурсов более 7 тыс. центнеров составляло продовольствие, кроме того, им было выдано более 18 тыс. единиц одежды, 16 тыс. пар обуви и денежные пособия на общую сумму 885 тыс. рублей¹.

В целом оказываемая помощь для семей военнослужащих была крайне необходима. Снабжение одеждой, предоставление бесплатного питания, помощь в устройстве детей в ясли и детские сады, назначение пособий и льгот – далеко не все меры, которые предпринимались советской властью для поддержки семей фронтовиков.

Колхозы региона оказывали поддержку семьям военнослужащих, которые проживали преимущественно в сельской местности. Основная помощь заключалась в предоставлении муки и картофеля, распределении одной коровы на две-три семьи, а также содействии в транспортировке дров и сена². В осуществление данной помощи широко были вовлечены школьники. В Бурятии широкое распространение получило движение «тимуровцев». Участники этого движения занимались присмотром за детьми и выполняли различные обязанности в подсобных хозяйствах нуждающихся. Одновременно эта помощь преследовала цель обеспечить женщинам возможность участвовать в производственных делах. В рамках движения также происходило расширение осуществления внешкольных мероприятий комсомольских и пионерских организаций с общественно-полезной направленностью. Формирование «тимуровских» команд происходило практически во всех школах Бурятии, в основном среди пионеров и учеников 4–6 классов, и каждый год их число увеличивалось³. Например, количество пионеров и школьников в командах «тимуровцев» в 1941 г. составляло 9 тысяч, но к концу войны их численность увеличилась до 25 тысяч. В течение войны было создано 2152 команды «тимуровцев», в которых участвовало 34 282 пионера и школьника. Во время войны «тимуровцы» выполняли различ-

---

¹ ГАРБ. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 4114. Л. 49.

² ГАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 4116. Л. 50.

³ ГАРБ. Ф. 36-П. Оп. 1. Д. 1967а. Л. 23.

ные задачи, помогая семьям красноармейцев, такие как колка дров, ношение воды, уборка квартир, уход за маленькими детьми, чтение газет и написание писем¹.

Местные колхозы и общественные организации в Иркутской области активно помогали детям из многодетных семей, эвакуированных и фронтовиков, оказавшихся в трудной ситуации. Судя по архивным документам, как правило, принималось решение об отчислении двух-трех трудодней в фонд, который оказывал помощь детям. Кроме того, в области был создан Специальный фонд помощи, из которого за 1942–1943 гг. было выплачено, соответственно, 2500 и 3000 стипендий нуждающимся².

Колхозы оказывали основную помощь и в предоставлении продуктов питания для сезонных детских садов и детских площадок во время полевых работ. Однако финансово-хозяйственное положение колхозов являлось в годы войны таким, что многие из них не имели возможности содержать детские сады и площадки. По этой причине во время проведения посевной кампании 1943 г. в Бурятии, из 490 запланированных к открытию площадок, работали только 153³.

Значительная помощь институту семьи и детства оказывалась по линии комсомольских организаций. С 15 ноября по 13 декабря 1943 г. в Бурятии проводился месячник по оказанию помощи семьям военнослужащих, который был организован по решению обкома ВКП(б) и СНК. За этот период областная комсомольская организация оказала помощь 3769 семьям. Для этого комсомольцы и молодежь собрали более 305 тыс. руб., заготовили и доставили дров в объеме 10 646 кубометров, привезли кормов для скота на 8732 центнера, а также отремонтировали жилье у 552 семей⁴.

В проведении воскресников отличалась Кяхтинская аймачная комсомольская организация, которая охватила большее количество семей фронтовиков – 1300. Всего собрали 21 509 руб., а также раздали 1380 кубометров дров, почти

---

¹ ГАРБ. Ф. 36-П. Оп. 1. Д. 1967а. Л. 23.

² ЦДНИ ГАИО. Ф.127. Оп. 1. Д. 636. Л. 43.

³ ГАРБ. Ф. 2-П. Оп. 1. Д. 1997. Л. 181.

⁴ ГАРБ. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 2055. Л. 8.

тонну кормов для животных, выполнили ремонт 13 квартир. В школе № 1 города Улан-Удэ активные тимуровцы проводили значимую и пользующуюся спросом работу. В организации состояло 195 человек, которые заботились о 72 семьях фронтовиков, детском саде № 7 и организовывали концерты для жителей города¹.

О различных формах помощи свидетельствуют отчеты комитетов комсомола. Например, в 1944 г. по линии окружного комитета комсомола были собраны различные продукты, включая мясо, зерно, молоко, шерсть и овчину, а также было произведено и отремонтировано множество пар обуви. Семьям было передано 83 дойных козы, а детям вручено более 4000 продовольственных подарков. Под свое непосредственное покровительство комитет комсомола взял 268 семей. Прорабатывалось решение по выпуску специальной одежды и обуви для детей семей военнослужащих².

Одной из практик по линии комсомольских организаций было шефство над детскими учреждениями. В рамках этой помощи молодые люди выполняли разнообразные работы, включая рубку дров, перестановку мебели, постройку детских горок, организацию прогулок на улице, изготовление игрушек и других предметов для детей. В соответствии с этой программой также проводились концерты, ремонтировались помещения и посещались детские интернаты.

Студенты медицинского института, девушки-активистки Красного Креста проводили мероприятия по санитарной профилактике на вокзалах, с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний. Одновременно они оборудовали комнаты для матерей и детей на вокзалах, изготавливали игрушки и организовывали концерты³.

В течение всей войны комсомольцы Байкальского региона активно оказывали помощь инвалидам, детям и семьям фронтовиков. Они принимали на себя шефство, учредили денежные фонды и собирали средства на воскресниках

---

¹ ГАРБ. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 163. Л. 5.

² ГАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 1997. Лл. 160–161.

³ Гончаров Г. А. Социальная политика в 1941–1945 гг. и участие в ней молодежи // Вестник ВятГУ. 2017. № 11. С. 143.

и платных концертах. Кроме того, они самостоятельно создавали индивидуальные подарки, игрушки и обувь, а также широко были вовлечены в ремонт помещений, в которых проживали семьи военнослужащих. Школьники и студенты также участвовали в летний сезон в заготовках ягод, грибов для жителей региона¹. Помощь оказывали даже юные охотники, в руки которых перешел промысел после ухода отцов на фронт. Например, в 1942 г. ученики Кутуликской школы Филиппов и Соболев, которым только исполнилось 14 и 10 лет соответственно, в колхозе «Красный октябрь» были известны тем, что регулярно приносили добытую пушнину, средства от сдачи которой шли на помощь семьям военнослужащих².

Систематически в годы войны проводились субботники, средства от которых шли на поддержание наиболее нуждающихся. Нередко они проводились после проверок, по результатам которых принимались соответствующие решения о проведении субботников. Например, перед наступлением зимы 1944 г. было проведено исследование семей военнослужащих в городе Улан-Удэ. Результаты показали, что более 500 детей фронтовиков не могут посещать школу из-за отсутствия обуви, а более 1000 детей не могут ходить в детские сады и ясли. Уже 17 декабря 1944 г. был организован субботник на предприятиях местной промышленности и промкооперации, чтобы изготовить и отремонтировать зимнюю обувь для этих детей. Были созданы фонды, которые помогали семьям военнослужащих. Эти фонды включали в себя добровольные пожертвования работников, взносы отдельных предприятий и профсоюзов, а также натуральные ресурсы³.

Регулярно проводились акции помощи нуждающимся семьям, которые сводились к сбору продуктов, одежды и др. В начале 1943 г. только в Бурятии были собраны значительные объемы продуктов, одежды, обуви и денег. Сбор проводился в десяти сельских и трех городских районах республики с целью

---

¹ ГАРБ. Ф. 36-П. Оп. 1. Д. 1967. Л. 56.

² Восточно-Сибирская правда. 1942. № 6. С. 2.

³ ГАРБ. Ф. 2-П. Оп. 2. Д. 1104. Л. 103.

помочь 16 тысячам семей. Каждый год также выдавались 1670 стипендий детям военнослужащих, которые учились в школах. Финансовые средства передавались и в колхозные кассы в сельских районах¹.

В том же году в Тулунском районе действовали комиссии по сбору одежды и обуви. Люди приносили в помощь эвакуированным детям валенки, платья, шапки, пальто и многие другие вещи. 559 вещей поступило от учебных заведений: Шерагульской школы, начальных школ и даже от детского дома «Свежие всходы»².

В городе Иркутске была создана комиссия при Сталинском райсовете, которая занималась оказанием помощи детям красноармейцев и эвакуированным семьям на протяжении всей войны. Председателем комиссии была назначена заместитель председателя райсовета Калининская. Более 530 эвакуированных детей из Сталинского района были устроены в школы, а 167 из них были размещены в детсадах и получили необходимую помощь. Кроме этого, 71 ребенок был помещен в детские ясли, а 362 подростка были устроены на работу или отправлены на учебу в ФЗО и ремесленные училища. Некоторые женщины взяли на воспитание детей, оставшихся без родителей.

В 1943–1944 гг., в Бурятии, предприятия и учреждения отчисляли часть произведенной продукции школам. Было передано значительное количество обуви и одежды для учеников. Одновременно с этим в республике была организована «Неделя помощи школе и учителю» на всей территории республики. В течение этого времени была предоставлена помощь, включая ремонт школ, доставку и заготовку дров, а также создание фонда всеобуча. Только за 1943 г. колхозниками было сдано в фонд всеобуча большое количество продуктов, включая хлеб, картофель, молоко, масло и мясо. Было также выдано около 10 тыс. пар обуви и множество другой одежды для детей фронтовиков. В целом в фонд всеобуча было собрано 213 тыс. рублей³.

---

¹ ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 6. Д. 390. Л. 49.

² Восточно-Сибирская правда. 1942. № 5. С. 2.

³ ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4438. Л. 76.

Благодаря упорному труду учителей, постоянной поддержке партийных и советских организаций, а также заботе всех жителей республики, в годы войны были успешно реализованы основные меры по обучению всех детей и подростков.

Отделы государственного обеспечения формировали свои товарные фонды за счет поставок от городских торговых отделов, ОРСов и местных предприятий промышленности. Однако торговые отделы и ОРСы не всегда получали товары по выделенным фондам, поэтому проблему пытались решать за счет установления более высоких планов по производству товаров повседневного спроса предприятиями местной промышленности. Отчасти это имело значение, но в основном для обеспечения семей военнослужащих в городах, однако в сельской местности широкого распространения это не получило из-за ограниченных возможностей районных промкомбинатов. О трудностях и проблемах в области оказания помощи нуждающимся семьям военнослужащих свидетельствуют жалобы, поступающие в отдел государственного обеспечения. Только с 15 по 22 июля 1942 г. в Железнодорожный райсобес г. Улан-Удэ поступило 327 заявлений от семей военнослужащих. Из них 219 были удовлетворены, 9 – отклонены, а 99 не получили проверки или рассмотрения, что составляет 30,3 %. Основная часть просьб заявителей касалась выделения материальной помощи, пособий, пенсий, а также просьбы оказать содействие в решении жилищной проблемы, а также трудоустройстве¹. В Бодайбинском районе Иркутской области аналогичные жалобы и заявления в основном касались просьб о помощи в трудоустройстве, доставке дров и обеспечении жильем. Просьбы по оказанию материальной поддержки были редки.

В сельских районах помощь семьям красноармейцев и колхозников в продовольствии предоставлялась частично за счет отчислений 10 % зерна, передаваемого государству. Только в мае 1942 г. было выделено 100 тонн муки нуждающимся семьям красноармейцев и эвакуированным благодаря этой про-

---

¹ ГАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 1997. Лл. 160–161.

грамме. Кроме того, продукты для нуждающихся семей военнослужащих также закупались у колхозников. Например, осенью 1942 г. в Байкальском регионе было собрано 500 тонн картофеля для семей фронтовиков и инвалидов. Взамен за это колхозники получили соль, керосин, спички и мыло на сумму 91,8 тыс. рублей¹. Дома культуры и избы-читальни создавали консультационно-справочные столы для помощи семьям военнослужащих в вопросах налогообложения.

О масштабах оказанной помощи регулярно сообщалось в газетах. Например, «Восточно-Сибирская правда» в номере за 2 июня 1942 г. сообщала, что трудящиеся Качугского района собрали для эвакуированных жителей 1750 возов дров и 22 воза сена, а также финансовую помощь более 20 тыс. руб. Колхоз им. Красной Армии Тулунского района отправил в адрес нуждающихся семей 27 центнеров мяса, 14 тыс. литров молока, а колхоз «Красная нива» этого же района – 2 тыс. штук яиц².

Одной из форм помощи в Иркутской области являлась отправка на период весны и лета семей военнослужащих, инвалидов войны и эвакуированных в сельскую местность. Местные органы власти были обязаны найти жилье для них на летний период, им выделялся небольшой участок земли и 50 кг картофеля для выращивания. Кроме того, им продолжали продавать хлеб по городским нормам через сельские магазины.

Важная роль в организации помощи семьям военнослужащих, эвакуированным, защите детей принадлежала профсоюзным организациям. Профсоюзы также были ответственны за заботу о женщинах и детях во время войны. Они помогали эвакуированным работникам с поиском жилья и следили за его состоянием, контролировали работу столовых. По линии профсоюзов предоставлялась материальная помощь и осуществлялся контроль за использованием денег на строительство и ремонт жилых помещений для эвакуированных граждан.

---

¹ Цыретарова Б. Б. Социальная политика в Бурятии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2010. С. 45.

² Восточно-Сибирская правда. 1942. 2 июня . С. 2.

Профсоюзы также осуществляли контроль за условиями труда и вводили запрет на работу подростков по ночам и сверхурочно, предоставляя им отпуск и выходные дни. Во время войны объемы финансирования охраны труда и техники безопасности значительно увеличились.

Важную роль играла также моральная поддержка семей военнослужащих и эвакуированных. Например, для эвакуированных, проживающих в Сталинском районе Иркутска, был организован концерт, который прошел в Доме Красной Армии. Кроме концерта присутствующим была прочитана лекция о событиях на фронтах Великой Отечественной войны. Выступали и сами эвакуированные, которые убежденно говорили о том, что во время войны народ еще более объединился в одну братскую семью¹.

Особое значение в данном процессе имела советская идеология, которая выступала основой организации военно-патриотического воспитания детей. Это было важным аспектом в военные годы, когда дети росли в условиях стресса и лишений. Воспитание было направлено на формирование патриотического отношения к стране, силы характера, ответственности и преданности Родине. Роль идеологии в организации помощи семьям с детьми в годы Великой Отечественной войны была фундаментальной. Она создала основу для объединения государства и общества в оказании помощи и поддержке, а также способствовала воспитанию патриотического наследия в будущих поколениях.

Таким образом, начало войны стало для СССР поводом начать активный курс социальных преобразований в сфере материнства и детства. Именно семьи с детьми, в том числе и те, в которых отцы и мужья ушли на фронт, стали наиболее уязвимой категорией населения. Вовлечение женщин в производство и сельское хозяйство, необходимость замены мужского труда женскими руками поставили задачи по высвобождению матерей от воспитательных функций и ухода за малолетними детьми. Появились новые меры поддержки от государства, а также распространились различные формы помощи со стороны населе-

---

¹ Восточно-Сибирская правда. 1942. № 30. С. 2.

ния и общественных организаций, а также предприятий и колхозов нуждающимся семьям эвакуированных и военнослужащих. Активно велась пропаганда с призывами поддерживать женщин и детей, публиковались сведения о мерах поддержки, объемах помощи. Одной из самых важных форм помощи была сборка различных вещей, продовольствия и денег, которые направлялись нуждающимся семьям.

Большое значение имела организация дополнительного питания для детей, в том числе и для детей из многодетных семей и для детей эвакуированных граждан. В годы войны были созданы новые и вовлечены имеющиеся различные общественные организации, которые занимались этой работой: общество Красного Креста, благотворительные фонды, комитеты материнства и детства. Также население помогало нуждающимся, принимая на временное проживание детей-сирот, эвакуированных граждан и беженцев. К основным формам помощи в регионе относились сборы вещей и продуктов питания, чтобы помочь семьям, чьи дети остались без родителей или без кормильца, организация временного пребывания или приютов при предприятиях и колхозах для детей, потерявших связь с родителями или оставшихся без попечения взрослых, оказание материальной и психологической помощи женщинам и детям, потерявшим близких родственников, помощь в организации детских лагерей, где дети могли проживать в безопасности и проходить оздоровительные программы. Большую роль в сохранении подрастающего поколения сыграли опека и патронат над детьми-сиротами, сбор подарков в виде одежды, обуви, книг, игрушек. Проводились благотворительные мероприятия с целью заготовки дров, сбора лекарственных растений, осуществления присмотра за детьми работающих матерей и многое другое.

Организация и привлечение населения к этой работе являлись неотъемлемой частью социальной политики государства в годы Великой Отечественной войны.

2.2. Решение проблемы безнадзорности и беспризорности детей

Социальная политика государства в годы войны во многом имела адресный характер. Получила развитие система мер, направленная на обеспечение социальной защиты и улучшение материального положения детей. Среди категорий граждан, которые нуждались в государственной поддержке, особое место занимали многодетные семьи и дети-сироты.

В период Великой Отечественной войны огромное количество детей лишились родителей и отправлялись на попечение в детские дома и приемные семьи. Одновременно с этим привлечение женщин в народное хозяйство резко ослабило в семьях присмотр за детьми. В силу этих причин одним из направлений социальной политики в области института материнства и детства являлось обустройство оставшихся без родителей детей, организация досуга детей с целью ликвидации безнадзорности, следствием которой стал рост детской преступности и правонарушений.

Под беспризорностью принято понимать состояние несовершеннолетнего лица, характеризующееся отсутствием попечения со стороны родителей или государства. Безнадзорность же представляет собой явление, при котором по каким-либо причинам семья не осуществляет в полной мере свои обязанности по присмотру и воспитанию ребенка, в связи с чем он может оказаться в трудной ситуации, стать участником правонарушения или подвергнуться негативному влиянию, что создаст угрозу жизни и здоровью несовершеннолетнего.

Рассматривая основные источники возникновения безнадзорности и беспризорности, можно отметить следующее. Доля женщин в участии в народном хозяйстве СССР увеличилась на 20 % с 1940 по 1942 г. В Сибири и на Дальнем Востоке этот показатель был еще выше: удельный вес женщин в народном хозяйстве увеличился с 28 % до 56 % в указанные годы. Отдельные предприятия по стране имели в своем кадровом составе до 70 % работающих женщин. В результате этого многие дети были предоставлены сами себе, играли без присмотра на улице, иногда совершали противоправные деяния.

В результате массовой эвакуации населения с прифронтовых территорий, к январю 1943 г. в Иркутскую область прибыло 26 тыс. человек, а в Бурятию – 7 тыс. человек эвакуированных. В основном это были женщины и дети. Зачастую дети эвакуировались без родителей, поскольку те погибли в результате военных действий. Это требовало их скорейшего устройства в детские дома либо приемные семьи. Нередко дети, определенные в детские учреждения, сбегали из них, скитались по улицам и передвигались по железной дороге.

Одновременно с этим уровень благосостояния и благополучия семей значительно снизился и параллельно с этим понизился кадровый потенциал органов воспитания и надзора за детьми. В совокупности все эти причины стимулировали детскую безнадзорность и беспризорность в регионе.

В немалой степени рост детской преступности, безнадзорности был обусловлен и рядом законодательных актов, принятых в предвоенный период, а также в годы войны. Следует отметить Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время»¹, а также Указ от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»². Именно эти документы ввели в СССР обязательные сверхурочные работы, а также отменили все виды отпусков. Все трудоспособное население было задействовано в промышленном производстве и в строительстве. Все это привело к понижению уровня родительского надзора за детьми.

Опыт работы в этой области у органов власти имелся еще с периода Гражданской войны. Активная борьба с безнадзорностью и беспризорностью велась и в 1920-е гг. В 1935 г. вышло постановление «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»³, в котором в СССР объявлялась полная победа над данными негативными социальными явлениями. Война внесла новые

---

¹ Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // СПС КонсультантПлюс.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве // СПС КонсультантПлюс.

³ Цыретарова Б. Б. Проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Бурятии в 1920-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2022. № 1. С. 53.

корректировки в этот процесс, обнажив «побежденную» проблему и выдвинув ее на одно из лидирующих мест в курсе социальной политики государства.

С января 1942 г. в СССР действовало постановление Совнаркома СССР № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». В нем задача по борьбе с безнадзорностью определялась как важнейшее государственное дело¹. Уже с конца января повсеместно начали формироваться комиссии по устройству детей, оставшихся без попечения родителей.

Можно выделить три основных направления в рамках борьбы с беспризорностью, которые стали основой для деятельности местных органов власти:

- организация работы региональных комиссий по устройству детей;
- особый контроль над семьями, воспитывающими приемных детей, а также имеющими детей под опекой или на попечении;
- выявление беспризорных детей, а также распределение их по детским домам или предприятиям для трудоустройства.

В июне 1943 г. были приняты постановления Совнаркома СССР «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью и хулиганством»² и «О трудовом устройстве подростков старше 14 лет – воспитанников детских домов, трудовых колоний НКВД и детей, оставшихся без родителей»³. В соответствии с постановлениями в стране были созданы колонии для несовершеннолетних, которые располагались по всей стране. Более 30 тыс. подростков были отправлены в данные учреждения за совершение преступлений с целью перевоспитания.

В регионе были созданы отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, которые стали координировать данную работу. На них возлагались организационные, производственные и учебно-воспитательные функ-

---

¹ Постановление Совнаркома СССР № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. 22 марта 1942 г. – 1 мая 1943 г. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943.

² Постановление Совнаркома СССР «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью и хулиганством» // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. 22 марта 1942 г. – 1 мая 1943 г. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943.

³ Постановление Совнаркома СССР «О трудовом устройстве подростков старше 14 лет – воспитанников детских домов, трудовых колоний НКВД и детей, оставшихся без родителей» // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. 22 марта 1942 г. – 1 мая 1943 г. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943.

ции. Организационная функция заключалась в регулировании всех вопросов, касающихся разработки системы управления работой детских приемников-распределителей, а также распоряжений по дальнейшему определению детей в семьи, детские дома, на предприятия и т. д. Отделы должны были вести учет по пребывающим в них несовершеннолетним лицам. Стоит отметить, что с учетом беспризорников и безнадзорных было много проблем, поэтому о движении контингента можно судить только на уровне тенденций. Это в полной мере относится и к Байкальскому региону.

Производственная функция была тесно связана с трудовыми колониями, в которые определялась часть беспризорников. На отделы возлагались задачи по формированию трудовых навыков у подопечных колоний, а также по надзору за выполнением планов в период военизации производства. Отделы вели учет всех процессов хозяйственно-производственной деятельности, должны были следить за обеспечением колоний и приемников-распределителей всеми видами снабжения. К учебно-воспитательной задаче относился контроль над дисциплиной и поддержание режима, которые рассматривались в качестве основы воспитательной работы.

Перечисленные выше функции составляли основу деятельности отдела по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью. Однако можно выделить еще ряд направлений, которые были не менее важны для эффективной работы. Это санитарная функция: медицинская помощь в колониях и приемниках также организовывалась за счет работы отделов. Большинству поступающих в приемники детей требовалось регулярное наблюдение за состоянием здоровья, а также первая медицинская помощь – побои, ушибы, обморожения постоянно сопровождали подростков-беспризорников.

Как отмечает С. П. Шатилов, все многообразие подобных задач не давало отделам полноценной свободы деятельности в решении проблемы беспризор-

ности¹. С этим нельзя не согласиться, поскольку ни участковые, ни постовые милиционеры, ни комнаты милиции не были подчинены отделам по борьбе с беспризорностью. Эти органы не соприкасались в своей отчетности и зачастую с трудом взаимодействовали между собой. У отделов не было никаких ресурсов для задержания беспризорников, что усложняло работу и влияло на ее результативность.

В 1941 г. была выпущена инструкция «О работе детских комнат милиции»², которая определила замену существовавших ранее комнат привода для несовершеннолетних на детские комнаты милиции. Данные учреждения стали работать при районных, городских и линейных отделах милиции. В комнаты помещались дети, задержанные на улицах и подпадающие под признаки беспризорности.

Сроки пребывания в комнате милиции определялись временем, необходимым для уточнения причин беспризорности. При наличии родителей или опекунов ребенок передавался им, в противном случае – отправлялся в специальное учреждение для несовершеннолетних. Штатная численность сотрудников комнат милиции составляла всего две единицы – инспектор и его помощник. С учетом того, что все мужчины были на фронте, данные должности занимали женщины.

В Бурятии проблема беспризорности имела особые черты. В многопоколенных бурятских и старообрядческих семьях, в которых проживало множество родственников, практически никогда не оставляли без попечения детей, потерявших родителей. Близкие или дальние родственники заботились о таких детях, создавая оптимальные условия для проживания и воспитания³. Однако для республики в целом проблема беспризорности была актуальной. Численность беспризорных в Бурятии велась лишь частично, поэтому точные данные о ко-

---

¹ Шатилов С. П. Организационно-правовые основы деятельности правоохранительных органов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны // Право и политика. 2017. № 7. С. 75.

² Инструкция «О работе детских комнат милиции» // СПС Консультант Плюс.

³ Цыретарова Б. Б. Проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Бурятии в 1920-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2022. № 1. С. 53.

личестве детей-беспризорников в военные годы установить не представляется возможным.

5 марта 1942 г. Совнаркомом Б-МАССР было издано постановление № 118 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». Создавалась специальная республиканская комиссия, главной задачей которой стал учет и устройство детей, находящихся в тяжелой жизненной ситуации из-за утраты родителей¹.

Продолжали действовать приемники-распределители. На них возлагалась задача по учету беспризорных детей. Подростки направлялись на промышленные предприятия для трудоустройства, а также обеспечивались жильем. На Наркомпрос возлагалась задача по оперативному распределению детей в детские дома. Незамедлительно предоставлялись места детям-сиротам в детских домах республики. Вся имеющаяся информация направлялась в справочные столы, через которые родственники могли найти друг друга.

В связи с резким ростом беспризорников и безнадзорных и недостаточным количеством кадров, работающих в этих учреждениях, трудностей в решении данной проблемы было достаточно много. Критика работы комиссии по устройству детей-сирот встречается не только на местах, но и на уровне Наркомпроса РСФСР. Так, начальник управления детскими домами Наркомпроса В. П. Наумов не раз заявлял, что органы социального обеспечения СССР работают крайне некомпетентно и предпочитают уклониться от проблемы, а не решать ее системно. Данная позиция органов власти подтверждается в протоколах заседаний бюро Бурят-Монгольского областного комитета ВКП(б)²: за 1942 г. в БМАССР было задержано 282 беспризорных и 1189 безнадзорных детей, что является достаточно высокими показателями в сравнении с другими регионами. Большое количество неустроенных беспризорников и высокий уровень безнадзорности влекли за собой рост детской преступности. Только за

---

¹ ГАРБ. Ф. р-60. Оп. 3. Д. 244. Л. 26.

² ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4208. Л. 11.

июль – сентябрь 1942 г. 129 несовершеннолетних были осуждены за различные виды правонарушений. К декабрю эта цифра возросла на 258 человек¹.

СНК Б-МАССР 18 мая 1943 г. своим постановлением утвердил список мероприятий, направленных на борьбу с безнадзорностью и беспризорностью в детско-подростковой среде. В первую очередь, предполагалось ускорить работу комиссий по устройству детей, оставшихся без родителей, а на сельсоветы была возложена работа по выявлению и задержанию безнадзорных детей. Из среды учительства выбирались наиболее достойные кандидаты, которые проводили разъяснительную работу с родителями с целью профилактики безнадзорности в республике. Кроме того, учителям предполагалось усилить внутришкольную работу по данному направлению.

Одной из мер, направленных на сдерживание беспризорности, было введение комендантского часа в городах. В Улан-Удэ подобная мера была введена горсоветом в 1943 г. для детей до 14 лет: после 21:00 пребывание в общественных местах без сопровождения взрослых было запрещено. Запрет распространялся и на продажу детям алкогольной и табачной продукции. Лица, продавшие запрещенные товары лицам моложе 16 лет, подвергались административной ответственности с назначением штрафа до 100 руб., либо исправительных работ в течение 30 дней². Контроль в общественных местах осуществлялся посредством организации дежурств учителей и членов родительских комитетов.

В Бурятии, в соответствии с постановлением № 420 от 27 августа 1943 г. «О создании трудовой воспитательной детской колонии», на базе Тимлюйской школы ФЗО № 5 была создана воспитательная колония для несовершеннолетних. При этом школа ФЗО сохранила педагогический состав, а также материально-техническую базу, лишь формально превратившись в заведение нового типа.

В колонию направлялись дети в возрасте от 11 до 16 лет. Большинство из них задерживали за кражи, хулиганство и иные мелкие правонарушения. Общая

---

¹ ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4208. Л. 11.

² ГАРБ. Ф. р-535. Оп. 16. Д. 7. Л. 6.

вместимость колонии составляла 350 человек. Контингент колонии составляли беспризорники, а также дети, которые сбегали из детских домов, подростки, которые не поддавались воспитательному воздействию в семье, малолетние преступники и правонарушители.

Борьба с беспризорностью предполагала необходимость строгого учета всех поступающих в приемники-распределители детей. При этом важной задачей являлось установление родителей ребенка. Родственники потерявшихся детей получали помощь в их поиске. С этой целью было принято решение о создании с 1942 г. справочно-адресных детских столов. В управлении милиции НКВД создавались картотеки с учетными карточками на каждого ребенка. В этих карточках содержалась основная информация о несовершеннолетнем: фамилия и имя, место рождения, обстоятельства поступления в учреждение, особые приметы ребенка, которые помогали найти детей младшего возраста, не имеющих представлений о своем месте жительства. Обязательно указывалось место задержания и время. Были случаи, когда ребенок не мог назвать свою фамилию. Найти его помогали указанные в карточке антропологические данные – цвет глаз, волос, рост и т. д.

Однако уже в ходе первых проверок ведения картотек выявились крупные недочеты. Например, в Иркутской области в 1942 г. так и не начали вести подобный учет.

Еще одной проблемой в борьбе с беспризорностью было отсутствие точной системы распределения по детским учреждениям. В Иркутской области нередко в детские дома вместе с детьми школьного возраста попадали дошкольники, а также не было систематизации учета детей по состоянию здоровья. Зачастую из-за переполненности детских учреждений детей размещали по принципу наличия места независимо от возрастной категории или категории здоровья.

Решение проблемы безнадзорности и беспризорности возлагалось и на органы прокуратуры. Так, прокурор Иркутской области Н. Н. Хламов в сентябре 1943 г. в своем отчете указывал, что данная проблема касается напрямую

данного учреждения. Он привел в пример несколько ситуаций, которые описывали случаи, когда родители не исполняли свои обязанности должным образом. Так, например, Юра П., будучи единственным сыном у матери, ходил постоянно грязный и оборванный, скитался по рынкам и станциям, нередко нарушал правопорядок. Сама мать работала на трикотажной фабрике, но не могла уследить за сыном и гарантировать ему условия для нормального воспитания и содержания¹. Также были отмечены случаи, когда сами родители являлись для детей плохим примером, а иногда и вовлекали детей в преступную деятельность. Так, сорокалетняя безработная О. Чижикова, имеющая девятилетнюю дочь, организовывала в Иркутске мелкие группировки из подростков 10–13 лет, заставляя их совершать кражи. Позиция прокурора сводилась к необходимости изоляции трудных подростков в трудовых воспитательных колониях².

В Иркутской области беспризорность принимала угрожающие размеры. Поэтому стояла четкая задача в самые краткие сроки изъять с улиц детей и создать им благоприятные условия для пребывания. В июне 1943 г. была издана инструкция Наркомата внутренних дел СССР, Наркомата юстиции СССР и Прокуратуры, в которой устанавливались сроки содержания детей в колониях³. На прокуратуру возлагалась задача следить за тем, как происходил процесс размещения детей, оставшихся без попечения родителей, начиная от пребывания в приемнике-распределителе и заканчивая размещением в семью или детский дом, в колонию или на предприятие.

В регионе также был провозглашен курс на усиление профилактики детских правонарушений. Прокурор Н. Н. Хламов отмечал, что в школах на учителей и директоров должны быть возложены обязанности по организации досуга детей. Для детских комиссий при райсоветах вводилась задача по организации помощи семьям фронтовиков. В эту же систему профилактики был включен

---

¹ ГАИО. Ф. Р-2793. Оп. 1. Д. 39. Л. 25.

² Там же.

³ Ляскина Н. В. Государственная политика СССР в области предупреждения беспризорности и преступности несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Н. В. Ляскина // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Том Часть 2. Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 152.

комсомол. Однако на практике вся система нередко давала сбой: например, в районный совет Сталинского района г. Иркутска поступила жалоба от Шламовского, отец которого находился на фронте. Он указал, что директор ремесленного училища № 1 на просьбу предоставить несовершеннолетнему общежитие ответил отказом, обосновав его фразой «Где живешь, там и живи»¹.

О проблемах в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью регулярно писали в местной прессе. Уже в конце войны в статье А. Сергеева, опубликованной в «Восточно-Сибирской правде», указывалось на то, что на улицах Иркутска очень часто можно встретить подростков 10–15 лет, раскуривающих табак, ведущих незаконную торговлю билетами у кинотеатров или корзинками орехов, ягод, грибов на углах улиц поселений. При этом нередко такие дети исправно посещали школы, имели родителей, но надзор за ними со стороны семьи был минимальным².

Актуальной также в черте города оставалась проблема пренебрежения детьми правилами безопасной эксплуатации транспорта: подростки прицеплялись к грузовым машинам проволочными крючками и катались на дальние расстояния. Подобные шалости нередко приводили к трагедиям, опасным ранениям и травмам. А. Сергеев, как представитель общественности, указывает, что проблема безнадзорности не воспринимается всерьез населением, а также совсем не волнует молодежные общественные организации. Решение проблемы автор видел в активизации работы комсомола с привлечением большинства родителей, пионеров и работников школ к решению задачи по популяризации чтения среди детей и вовлечению их в систему образования.

Поднимая вопрос об основных мерах по профилактике безнадзорности и беспризорности, можно отметить следующее. Профилактика проводилась посредством проведения бесед, лекций, а также организации школьных каникул. В период незанятости школьников в процессе обучения устраивались представ-

---

¹ ГАИО. Ф. Р-2793. Оп. 1. Д. 52. Л. 1; Деревскова В. М. Основные направления деятельности территориальной прокуратуры в условиях тыла в годы Великой Отечественной войны (на примере Прокуратуры Иркутской области) // Сибирский юридический вестник. 2020. № 3 (90). С. 10.

² Сергеев А. Борьба с безнадзорностью // Восточно-Сибирская правда. 1945. № 238. С. 3.

ления и спектакли, выступления выездных концертных бригад от сельских районов. Регулярно проводились соревнования и спортивные мероприятия для привлечения подростков к работе внешкольных учреждений. Однако такая картина была характерна в основном для областных центров. В сельской местности детские учреждения начали свою активную работу лишь к концу войны.

Анализ архивных материалов позволяет утверждать, что активно и последовательно работа с беспризорностью велась в годы войны только в отдельных городах и районах региона. В большинстве же мест она велась эпизодически и сводилась к отдельным кампаниям. Заведующая районо Бодайбинского района З. Макарова отмечала, что многие начинания в данной сфере сразу же сворачивались. В качестве примера она привела родительский лекторий в средней школе № 2 г. Бодайбо. Начинание родители не поддержали, после чего школа была вынуждена отказаться от подобной формы работы¹. Безразличие родителей нередко становилось причиной семейных трагедий. Например, занятые на Ленских приисках родители семьи Ставицких не осуществляли надзор над поведением ребенка, в результате чего пятиклассник был исключен из школы за систематическое нарушение дисциплины и грубое отношение к учителям. Вторым ребенком в семье, обучающийся в четвертом классе, по тем же причинам находился на грани исключения. В 5 «Д» классе этой же школы обучался несовершеннолетний Авдалов, который во время урока никогда не имел при себе учебника, а выданный учителем экземпляр книги рвал прямо на глазах у всего класса. Вызванный в школу отец лишь уточнил у директора, о каком сыне идет речь, поскольку детей в семье было много. При этом родитель даже не знал, где именно какой из его детей обучается. Были и более страшные последствия безнадзорности: в 1941 г. в поселке Мама школьниками был убит одноклассник Якушев².

Подобных ситуаций было немало и в областных центрах. В Иркутске органами внутренних дел не раз критиковалась работа организаций и предприя-

---

¹ Ленский шахтер. 1941. № 98 (5049). С. 3.

² Там же.

тий по борьбе с беспризорностью. Капитан милиции В. Тетюнник в одном из своих отчетов отметил, что неохотно данной работой занимаются профсоюзные организации. Например, на завод № 125 имени Сталина (современный Иркутский авиационный завод) было направлено из приемников-распределителей 20 подростков-беспризорников. Из них 11 человек сбежали в первые же дни пребывания на заводе, поскольку ни администрация предприятия, ни профсоюз не проявили внимания к организации труда трудных детей, предоставив им для проживания холодные и грязные комнаты, в которых невозможно было находиться. Воспитание и жизнь подростков и вовсе не интересовали должностных лиц¹.

На основе расследования и обобщения прокурорской практики по поводу побегов несовершеннолетних беспризорников и дезертирств с предприятий, связанных с военной промышленностью², можно сформулировать основные причины совершения подобных деяний. К ним относятся:

- отсутствие на предприятиях жилищно-бытовых условий, пригодных для проживания работников, в том числе и несовершеннолетних;
- предъявление со стороны администрации жестких требований по исполнению рабочих обязанностей. С учетом возраста работников такое давление было недопустимым и приводило к потере мотивации к труду и появлению желания совершить побег;
- недостаточная воспитательная работа на предприятиях.

Таким образом, большинство проблем были обусловлены тем, что у администраций заводов не было ни времени, ни желания выстроить целенаправленную работу в данном направлении.

Беспризорность порождалась чаще ситуацией в неблагополучных семьях. Нередкими были случаи, когда родители устраивали «вечеринки», выгоняя детей на улицы. Так, гражданка Лишенкова регулярно привлекалась милицией за

---

¹ Восточно-Сибирская правда. 1946. № 146. С. 3.

² Деревскова В. М. Общественная деятельность территориальной прокуратуры в условиях тыла в годы Великой Отечественной войны (на примере прокуратуры Иркутской области) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2 (76). С. 103.

случаи бродяжничества сына Альберта, который был вынужден ночевать на вокзале в то время, когда его мать приглашала в дом знакомых и злоупотребляла алкоголем. Некто Герасимова, работающая на колесном заводе, выгнала двенадцатилетнего сына из дома, что также привело к бродяжничеству подростка¹. Однако причиной беспризорничества являлись не только трудные семьи. Нередко среди подростков-бродяг в Иркутске встречались дети из приличных советских семей: дети врачей, работников заводов и даже партийных деятелей. Родители в этих семьях были чрезвычайно заняты и редко находили время для контроля над своими детьми.

Сложно судить о проблеме беспризорности в сельской местности, поскольку здесь дети традиционно обладали большей свободой в перемещении, но при этом находились под негласным контролем всего деревенского сообщества, поскольку практически все семьи были знакомы. Вот как находит отражение данная проблема в воспоминаниях Нины Федоровны Безносовой: «С семи лет помогали матери выполнять все домашние дела. Помимо этого, успевали доить коров в колхозе «Свобода», помогали разносить почту, а также присматривали за соседскими детьми. Летом все были заняты на сенокосах. ...Никаких яслей и детских садов в деревне не было. Прямо на поле расстилали одеяло и усаживали детей. Пока взрослые косили траву, старшие дети приглядывали за младшими. Часто, пока родители работали, дети бегали по деревне без присмотра взрослых большими компаниями, но при этом какие-либо нарушения в деревне случались крайне редко: разбитые окна, сломанные заборы, драки без значительного вреда здоровью – все происшествия, которые происходили в деревне в моменты, когда взрослые не присматривали за детьми»².

Расходы на борьбу с беспризорностью в регионе в период военных лет росли. В 1945 г. в Иркутской области на содержание детских домов и борьбу с

---

¹ Восточно-Сибирская правда. 1946. № 146. С. 3.

² Интервью с Н. Ф. Безносовой // Личный архив Д. А. Бурдиной.

беспризорностью было выделено 18,2 млн руб., что превышало бюджет 1944 г. на 3,8 млн¹.

Стоит также отметить, что в годы войны создавались специальные группы по борьбе с детской преступностью и хулиганством. На такие группы возлагались специальные задачи по профилактике преступности среди несовершеннолетних с целью предотвращения новых преступлений. Они должны были не допускать создание преступных группировок из подростков, а также вести учет преступности в детско-подростковой среде, анализируя причины и последствия совершаемых деяний.

Работа данных групп также осложнялась необходимостью взаимодействия с другими учреждениями, что еще раз подтверждает гипотезу о том, что по-настоящему слаженной системы органов по борьбе с беспризорностью в СССР в годы войны создано так и не было.

Конечно же, в борьбе с беспризорностью были и свои герои. В Иркутской области в структуре МВД до сих пор помнят о Марии Константиновне Кулаковой, которая возглавляла приемник-распределитель с 1944 г. Активную работу с подростками вела Анна Минеевна Манн – инспектор комнаты привода. В 1943 г. на службу в детскую комнату милиции поступила Анна Мееровна Токарева. Все они вели активную работу с детьми, предоставив многим из них шанс на выбор правильного жизненного пути, без бродяжничества и преступлений.

Статистика детской беспризорности и безнадзорности в годы войны свидетельствует о трудном положении, в котором оказывались дети. Однако, несмотря на все трудности и лишения, многие из этих детей выжили и смогли построить свою жизнь после войны. Их история – это история выживания и силы духа в трудные времена.

Подводя итог, отметим, что статистика показателей беспризорности и безнадзорности разнится. Реальный подсчет практически невозможен, поскольку в ряде регионов существовали перебои с учетом детей, поступающих в ком-

---

¹ Восточно-Сибирская правда. 1945. № 119. С. 2.

наты милиции и приемники-распределители, а также изымаемых отделом по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью. Об общих тенденциях по стране можно судить по данным, представленным в таблице 1.

Таблица 1

**Детская беспризорность и безнадзорность в СССР
в 1942–1945 гг.***

Год	Количество детей, изъятых с улиц				Всего
	Безнадзорных	%	Беспризорных	%	
1942	252 856	67	124 367	33	377 223
1943	524 497	65,3	277 948	34,7	802 445
1944	740 770	63,1	432 898	36,9	1 173 668
1945	638 208	77,5	185 543	22,5	823 751

* Составлено по: Маркдорф Н. М. Дети войны. Проблема детской беспризорности и безнадзорности в тыловых районах СССР // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. 2020. № 4. С. 133.

Как видно из таблицы, количество беспризорных и безнадзорных детей стабильно росло с 1942 по 1944 г. Снижения удалось добиться лишь в 1945 г. Только к концу войны появились положительные тенденции в области снижения контингента «социального сиротства».

Одной из мер, направленных на решение проблем с беспризорностью детей, стала практика принятия в семьи детей, потерявших связь с родителями. Еще в январе 1942 г. Совнаркомом СССР было издано постановление № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей»¹. В частности, в Киренске, Тулуне, Черемхово и многих других районных центрах семьи обращались к председателям органов местного управления с просьбой направить к ним на воспитание детей, нуждающихся в присмотре и опеке. Люди готовы были принять сразу нескольких детей, обеспечив им должный уход. За дни войны только из Иркутского Дома матери и ребенка и Детского дома № 4 были взяты на усы-

¹ Постановление СНК СССР от 23.01.1942 № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» // СПС Консультант Плюс.

новление более ста детей¹. В Бурятии такого широкого распространения приемных семей не было.

В целях предотвращения беспризорности детей в Иркутской области и Бурятии создавались республиканские и областные комиссии по работе с детьми, которые занимались организацией устройства этих детей и контролировали их жизнь в рамках усыновления или беспризорности. Эти органы также оказывали помощь НКВД в выявлении и учете беспризорных детей. Кроме того, в Иркутске и Улан-Удэ была создана справочно-адресная служба детских столов.

Таким образом, в 1941–1945 гг. одним из важнейших направлений социальной работы в области института семьи стала борьба с безнадзорностью и беспризорностью. В целом региональная политика в этой области выстраивалась в соответствии с нормативными актами, издаваемыми центральными органами власти. Основной контингент беспризорных, появившийся в годы войны, расселялся по имеющимся детским домам, что привело к их быстрому переполнению. К решению проблем безнадзорности и беспризорности были привлечены органы внутренних дел, прокуратура, комсомол, профсоюзы, предприятия, школы и иные организации. Несмотря на все усилия, проблема сохранялась на протяжении всего военного времени. Ее решение было затруднено низким уровнем участия общественности в решении данной проблемы, а также недостатком кадров в органах внутренних дел, которые непосредственно занимались этой проблемой, боролись с правонарушениями среди подростков. Наладить вполне удовлетворительное функционирование детских учреждений удалось лишь к концу войны. Принятые меры в этой области позволили не только сохранить детей, оставшихся в годы войны без родителей, но и нейтрализовать возможный рецидив детской преступности, обусловленный высоким уровнем беспризорности и безнадзорности. Сохранение подрастающего поколения было одним из приоритетных направлений в области реализации социальных мер в годы войны.

---

¹ Восточно-Сибирская правда. 22 июня 1942. № 147. С. 4.

2.3 Основные меры материальной поддержки детей

Структурные изменения в трудовых ресурсах региона, связанные с массовым привлечением женщин в народное хозяйство, обусловили высокую потребность в детских дошкольных учреждениях. Расширение сети детских учреждений было также связано с эвакуацией детей в регион из прифронтовой зоны.

Сеть детских садов значительно расширилась еще в предвоенный период. В Бурят-Монгольской ССРСР в 1941 г. действовало 63 дошкольных учреждения, 22 из которых были основаны на государственном финансировании. Общее количество детей в дошкольных учреждениях республики составляло 2792. С началом войны в силу выше обозначенных причин потребность в детских учреждениях резко выросла, а необходимых материальных ресурсов для решения этой проблемы на местах не имелось. В архивных документах находят отражение многочисленные случаи, когда многие из открывшихся яслей закрывались из-за отсутствия необходимого инвентаря, включая кровати. Особенно подобная ситуация была характерна для начала войны. Для увеличения количества сети детских учреждений требовалось изыскать значительные материальные ресурсы. Однако во втором полугодии 1941 г. на расширение сезонных яслей в колхозах и развертывание стационарных колхозных яслей в Бурятии было выделено всего 335 тыс. руб.¹. Поэтому большинство запланированных сезонных оздоровительных мероприятий не было реализовано. У колхозов на это просто не имелось необходимых средств. Как правило, летние площадки для детей в сельской местности открывались в период посевной или уборочной кампании, при этом реальные цифры были значительно меньше запланированных. В Бурятии в 1943 г. было открыто менее трети запланированных площадок в период посевной кампании. Питание детей обеспечивалось за счет двухпро-

---

¹ ГАРБ. Ф. 1-п, Оп. 1, Д. 3549. Лл. 107–110.

центного отчисления колхозной продукции, а одежда, посуда и необходимая утварь приносились матерями детей¹.

В Иркутске в 1943 г. в детские сады было определено 1975 детей, а в ясли – 1032 ребенка. В связи с ухудшением эпидемиологической обстановки был открыт туберкулезный детский сад на 60 мест. На летний период открывались 15 детских площадок, которые могли вместить до 200 до 600 детей².

В сельской местности примеров успешного функционирования детских учреждений на постоянной основе на протяжении войны было немного. Кроме того, отследить их историю в эти годы не представляется возможным. Архивные данные содержат лишь эпизодические сведения о таких образцовых для военного времени детских учреждениях в сельской местности. Например, в 1942 г. в колхозе «Красный земледелец» Киренского района Иркутской области были созданы детские ясли на 30 детей. Все дети в яслях были обеспечены персоналом, спальными принадлежностями и спальными местами, посудой. Организация детского учреждения в колхозе позволила высвободить для участия в колхозных работах 15 женщин³.

В целом за годы войны сеть детских садов значительно расширилась. К 1945 г. в Бурят-Монгольской АССР было 107 садов, в которых воспитывались 7586 детей, что более чем в два раза превышало предвоенный уровень⁴. В Иркутской области к началу 1944 г. количество детских садов превысило довоенный уровень в 3,2 раза⁵. При этом следует отметить, что вновь открытые детские сады не соответствовали требуемым стандартам. В Иркутске только четыре детских учреждения ясельного типа из 35 имеющихся соответствовали стандартам помещений. Часто детям приходилось спать вдвоем на одной кровати, так как было недостаточно мебели⁶.

---

¹ ГАРБ. Ф. 2-п. Оп. 1. Д. 1997. Л. 181. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3948. Л. 66.

² Там же. Ед. хр. 795. Л. 28.

³ Ленская правда. 5 апреля 1942 г. № 25 (2149). С. 3.

⁴ Там же. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 247. Л. 81.

⁵ ЦДНИ ГАИО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 53. Л. 77.

⁶ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 8. Ед. хр. 11. Л. 93.

В годы Великой Отечественной войны детские сады играли важную роль в жизни эвакуированных семей. Для многих детей они стали единственным местом, где они могли получить образование и заботу. Изначально детские сады устраивались в школах, пионерлагерях, домах культуры и просто в квартирах обычных жителей. Тем не менее, педагоги и воспитатели делали все возможное, чтобы создать в них атмосферу безопасности и радости. В них проводились занятия по гимнастике, труду, музыке и рисованию. Дети учились считать и читать, знакомились со многими историческими событиями. В детских садах в годы войны работали не только педагоги, но также и зачастую представители военного комиссариата, которые занимались патриотическим воспитанием детей.

Стоит также отметить, что в сфере дошкольного образования большее количество детей принимала внебюджетная сеть детских учреждений, таких как детские сады и ясли ведомственных учреждений, колхозов и совхозов, финансируемых этими организациями¹.

В период военных действий основная проблема заключалась в поиске источников питания для детских дошкольных учреждений, особенно для тех, которые не находились на бюджетном обеспечении. Колхозные детские сады и площадки существовали за счет двухпроцентного отчисления артельной продукции. Семьи приносили постельные принадлежности. Тем не менее, в силу материальных трудностей колхозов, во многих населенных пунктах не имелось возможности открыть детские площадки. Например, в 1943 г. в Бурятии работало всего 153 площадки вместо запланированных 490².

Ответственность за организацию детских учреждений возлагалась на местные власти. Они же несли ответственность за обеспечение дошкольных учреждений продуктами и топливом. Районные комитеты партии контролировали наличие необходимых ресурсов в детских садах, распределение детей из

---

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 67. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 80–81.

² ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 247. Л. 81.

эвакуированных семей в ясли и детские сады и пр.¹. Непосредственно организацией этой работы занимались районные отделы здравоохранения и отделы образования².

Активно поддерживали детские сады команды тимуровцев. Помощь с их стороны являлась типичной для всех районов: школьники часто водили малышей в сады и ясли, проводили время с детьми, которые не могли посещать сады по состоянию здоровья³.

В летний период с целью поддержки физиологического состояния детей, а также организации их отдыха создавались пионерские лагеря и детские оздоровительные площадки. В основном эта мера имела отношение к детям, проживающим в городах Байкальского региона. Решения о проведении летних оздоровительных мероприятий принимались местными органами власти в середине апреля. Пионерские лагеря и детские площадки начинали работать в конце июня и закрывались в середине августа. В среднем, в одном районе через такие формы организации проходили до 750 человек⁴. В летний период 1943 г. только в Иркутской области через подобную форму восстановления здоровья прошло 37 000 детей, из которых 2800 дошкольного возраста. Финансирование осуществлялось за счет средств профсоюзов, колхозов и родителей, а отбором детей занималась специальная комиссия. Детям со слабым здоровьем предоставлялись дополнительные порции питания. На 1943 г. в области насчитывалось более 450 таких детей⁵.

В летний период, кроме обычных детских площадок, открывались и площадки для отдыха детей с ослабленным здоровьем. Для детей с ослабленным здоровьем из семей фронтовиков и эвакуированных предусматривалось трехразовое питание, на которое выделялись дополнительные средства⁶. Юннатские станции, которые регулярно открывались для детских экскурсий, также имели

---

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 533. Л. 16.

² Там же. Оп. 8. Ед. хр. 11. Л. 93.

³ Ленская правда. 11 июня 1942 г. № 43 (2167). С. 3.

⁴ Ленская правда. 1942. № 46. С. 3.

⁵ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 795. Л. 26.

⁶ Там же. Л. 28.

столовые и детские кухни. Эти учреждения работали с 25 мая по 1 октября и могли ежедневно принимать до 100 человек.

Развитие сети детских домов стало неизбежным последствием тяжелой войны и гибели родителей. К окончанию войны их количество в стране выросло на 25 % и достигло шести тысяч, в сравнении с довоенным периодом. В Иркутской области по итогам 1943 г. в детских домах находилось 3900 детей, еще 610 было усыновлено, и более 2000 детей находилось под патронажем¹. В то же время в Бурятии из 670 сирот только 35 было усыновлено, а 470 находились в семьях под патронажем. Таким образом, только каждый четвертый ребенок, оставшийся без родителей, попадал в детский дом².

Огромную роль в сохранении подрастающего поколения имела мобилизация имеющихся ресурсов на поддержку физиологического состояния детей. Этой работе на протяжении всей войны органы власти уделяли огромное внимание. Для детей сирот и потерявших связь с родителями было организовано бесплатное питание в молочных кухнях и столовых. Начиная с 1943 г., детские дома и школы обязательно должны были иметь свои подсобные хозяйства. В годы войны в основном успешно развивались подсобные хозяйства тех детских домов, которые начали их развивать еще в предвоенный период. Например, в Иркутске площадь посевов по четырем детским домам в 1940 г. составила 18 гектаров. За три года войны посевные площади этих хозяйств выросли почти в 3,5 раза, а поголовье скота – более чем в 2,5 раза, до 148 голов. При этом количество детей в них практически осталось на довоенном уровне³.

В годы войны были установлены стандарты питания на одного ребенка, включающие в себя такие необходимые продукты, как хлеб, мука, макаронные изделия, крупы, картофель, овощи, фрукты и ягоды. Во многих школах Приангарья дети имели горячие завтраки, в который входили чай, булочка и каша.

---

¹ Банзаракцаева Е. В. К вопросу охраны материнства и детства в Бурят-Монгольской АССР в 1941–1945 гг. // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2018. № 3 (7). С. 63.

² ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 247. Л. 74.

³ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 803. Л. 14.

Стоимость такого завтрака составляла 60–70 копеек¹. Детям до трех лет выдавали белый хлеб, по специальным карточкам. Мобилизационная система власти в этом направлении действовала вполне успешно. Например, в г. Иркутске разнообразными формами дополнительного питания было охвачено 60 тыс. детей из 75 тыс., или 80 % детского населения².

Серьезное влияние на состояние здоровья подрастающего оказал голод. Вспышки эпидемических заболеваний на территории региона были связаны, в том числе, с употреблением в пищу несъедобных продуктов. Высокий уровень инфекционных заболеваний также был обусловлен высокой мобильностью населения для своего времени, связанной с прибытием эвакуированных, мобилизацией трудовых ресурсов на различные работы, демобилизацией из армии. К примеру, в Иркутской области в 1944 г. работало около 3 тыс. приезжих узбеков, казахов и таджиков. Они не имели природной адаптации к суровым условиям проживания в регионе, и из-за этого страдали от многих инфекционных заболеваний, которые, в свою очередь, быстро распространялись среди местного населения³.

Актуальной проблемой на всем протяжении войны являлось обеспечение детей одеждой. Местные архивы содержат письма матерей в органы народного образования с просьбами оказать помощь в приобретении детской обуви, белья, верхней одежды. Такие же просьбы исходили от семей эвакуированных или потерявших кормильца. Ученики также имели право обращаться с подобными просьбами⁴.

В годы Великой Отечественной войны одной из самых актуальных задач государства было содержание и обеспечение детских домов. Дети, оставшиеся без родителей, составляли значительную часть населения, требующую помощи. Перед началом Великой Отечественной войны в СССР функционировало 1347

---

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 795. Л. 28.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 159. Оп. 6. Д. 378. Л. 18; Д. 484. Л. 53; Ф. 127. Оп. 1. Д. 692. Л. 38; Д. 671. Л. 21.

³ Шалак А. В. Голод в 1940-е гг.: оценка масштабов и социальная география (на примере Восточной Сибири) / А. В. Шалак // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. Иркутск : Байкальский государственный университет экономики и права, 2010. С. 130.

⁴ ЦДНИ ГАИО. Ф. 6728. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1, 4.

детских домов, где проживало свыше 155 тыс. детей. Обязанности по уходу за глухонемыми и умственно отсталыми детьми выполняли 342 интерната, где находилось 31 743 ребенка. В годы войны численность таких детей резко возросла, что повлекло за собой необходимость в расширении сети детских домов. К 1943 г. численность учреждений для детей-сирот выросла до 4370, с численностью воспитанников 688 750 детей в масштабах всей страны¹.

Обеспечение детских домов проводилось на разных уровнях. Государственные органы выделяли средства на содержание детей и строительство новых учреждений. Граждане собирали пожертвования в виде денег, продуктов, одежды и игрушек, чтобы помочь детям. В детских домах дети получали не только материальную поддержку, но и медицинское обслуживание, образование и определенный уровень досуга. Воспитатели и педагоги делали все возможное, чтобы создать для детей комфортные условия, поддержать их душевное состояние и помочь им восстановить веру в будущее.

Создание колхозных и межколхозных детских домов в Байкальском регионе не получило сколь-нибудь широкого распространения. У детей, потерявших родителей, в сельских районах было множество родственников, которые принимали их под свою опеку. Кроме того, в связи с открытием Забайкальского фронта и реальной угрозой военных действий со стороны Японии, детские дома из центральной части страны в Байкальский регион не эвакуировались.

В 1941 г. в Бурят-Монгольской АССР функционировали следующие учреждения для детей: Кяхтинский детский дом школьного типа, который мог принять до 160 детей; Заиграевский детский дом школьного типа, где было место для 230 детей; дошкольный детский дом в Улан-Удэ, где размещалось 85 человек; школа-интернат для глухонемых детей, которая принимала до 100 человек, а также детский дом в Усть-Киране с особым режимом, где находились 55 человек.

---

¹ Банзаракцаева Е. В. Детские дома Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 17.

Детдом в Заиграево возник на месте бывшей трудовой колонии для несовершеннолетних, которая прекратила свое существование в 1936 г. Некоторые дети возвратились к своим родителям, а 40 % из числа прибывших в колонию детей осталось жить постоянно в детском доме. В 1943 г. количество подопечных резко возросло, а проверка выявила проблемы с общежитиями, требующими капитального ремонта. Комнаты были холодными, отопительная система нуждалась в восстановлении. Поставка одежды и предметов быта была недостаточной. Часто дети спали на соломенных матрасах, покрытых пальто. Из-за неисправных печей некоторые комнаты не были подогреты. Одежда и мебель были предоставлены только для половины детей, поэтому дети вынуждены были спать вдвоем на соломенных матрасах и засыпать под своими пальто. В детском доме проживало 239 детей, для которых имелось всего 80 пар валенок¹. Ситуацию с положением детей усугубляли случаи хищения и передачи одежды для персонала со склада². Такие случаи со стороны преподавателей и администрации учреждений в отношении детей-сирот не были единичными, что также влияло на условия жизни воспитанников в детских домах.

Детский дом в Улан-Удэ был еще одним учреждением для детей-сирот, но уже дошкольного возраста. Учреждение имело пять блоков и было рассчитано на 85 детей. К октябрю 1941 г. численность воспитанников достигла 92 человек, а позднее пришлось создать еще одну группу на 25 человек. Воспитанниками были дети от 3 до 8 лет. Улан-Удэнский детдом был показательным для всей Бурятии, но в период войны оказался переполнен более чем вдвое. Помещения не ремонтировались, были постоянные перебои с топливом. Из-за нехватки помещений детей размещали в том числе в непригодных холодных помещениях: на складе, в кладовых. Не все дети имели верхнюю одежду, поэтому только те, у кого были шапки и пальто, могли выходить гулять. Вместо посуды использовались банки из-под консервов³.

---

¹ ГАРБ. Ф. п-36. Оп. 1. Д. 1865. Л. 115.

² ГАРБ. Ф. п-1. Оп.1. Д. 4078. Л. 237.

³ ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 3837. Л. 65.

Еще один детский дом Бурятии находился в г. Кяхта. Он начал свою работу в 1935 г., а к 1941 г. в нем находилось 152 воспитанника в возрасте от 8 до 15 лет при общей вместимости в 160 человек. В 1945 г. численность детей составляла уже 239 человек, что значительно превышало все нормы. Детский дом располагался в двух зданиях общей площадью 391 квадратный метр, а на одного ребенка в среднем приходилось по 1,5 квадратных метра площади¹. При этом в здании не было ни туалета, ни умывальников, дети мылись на улице в общей кадке с водой.

Проблемы, связанные с бытовыми условиями проживания детей, были и в Усть-Киранском детском доме. Это было учреждение с особым режимом, где воспитывалось 34 мальчика возрастом от 11 до 15 лет. К 1944 г. помещение детского дома находилось в состоянии, требующем ремонта: не было столовой, кроватей, отсутствовала посуда².

Одной из основных проблем, с которой столкнулись детские дома в то время, была организация питания детей. Для решения этой проблемы в стране была введена система нормированного питания для разных групп населения, устанавливающая соответствующие стандарты. Особые группы населения, такие как работники народного хозяйства, играющие важную роль в укреплении оборонной мощи страны, получали более качественное питание. Также учитывались потребности определенных групп населения, например, детей и кормящих мам³. Для детских домов в селах и городах были утверждены единые нормы питания, было оформлено разрешение на использование всех видов продуктов, выращенных самостоятельно в подсобных хозяйствах, для нужд детдомов. Проблемы были с поставками молочных продуктов, которыми в основном снабжались детдома дошкольного типа.

27 ноября 1943 г. Совнарком Бурят-Монгольской АССР выпустил постановление № 571 «О мероприятиях по улучшению работы детских домов». По

---

¹ ГАРБ. Ф. п-36. Оп. 1. Д. 1866. Л. 55–59.

² ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 3837. Л. 64.

³ ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 247. Л. 18.

этому решению были установлены требования к питанию детей. В пищевом меню детского дома должны были присутствовать морепродукты, мясо, пищевые продукты с высоким содержанием жиров, сыры, какао, кофе и сладости¹. Однако на практике установленные нормы повсеместно не выдерживались. Проверки свидетельствуют, что режим питания в детских домах, как правило, включал завтрак из картошки с салом или просто чая с хлебом. Обеды могли состоять из супа с салом, и на ужине им могли подавать лапшу с салом, а не с мясом или рыбой. Более того, даже хлеб в этих учреждениях мог отсутствовать по нескольку дней².

Ситуацию усугубляли различные злоупотребления со стороны администрации и персонала детских домов. В Заиграевском детдоме работники питались в столовой учреждения, несмотря на то, что на это не выделялись продукты. Были случаи воровства продуктов из столовой детдома: в 1942 г. директор и бухгалтер незаконно завладели частью продуктов, в том числе сахаром в объеме 27 кг, 50 кг муки, 8 кг риса, более 12 кг сыра, 20 кг рыбы³. Организовать полноценный контроль за питанием в детских домах, а также контроль за персоналом в военное время было сложно. Архивные данные подтверждают, что подобная ситуация с детскими домами являлась скорее типичной, чем особенной.

Плохое снабжение воспитанников детских домов влекло за собой другую проблему – воровство среди воспитанников. В 1942 г. в одном из детских домов Бурятии воспитанники нанесли ущерб предприятию Заготскота, вырвав турнепс и похитив 400 вилок капусты. Детскому дому был представлен иск на сумму 820 руб., что повлекло за собой проверку учреждения на предмет ненадлежащего присмотра за детьми. Наркомпрос Бурятии в отчетах о проверке подчеркнул, что проверяющих более всего испугал вид малышей, которые были худыми и изнуренными, питались всем, что находили на помойках. Следствием

---

¹ ГАРБ. Ф. 475. Оп. 2. Д. 292. Л. 178.

² Там же. Л. 12.

³ ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4078. Л. 239.

проверки стало увольнение повара и заведующего столовой, которые, как выяснилось, выносили из детдома продукты для личных нужд¹.

Данные об обеспечении детей-сирот представлены в приложении 7. Из таблицы видно, что к 1945 г. положение детских домов значительно улучшалось. Однако питание не соответствовало установленным нормам, поэтому среди детей по-прежнему встречались случаи заболевания дистрофией.

В Иркутской области ситуация была схожей. Хотя среднее количество материальных ресурсов на одного ребенка в детдомах региона было выше требуемого уровня, ситуация оставалась сложной. Доступные бюджетные средства не были использованы в полном объеме, поскольку детские дома не могли получить необходимые товары из-за их отсутствия на складах. Бюджетные субсидии на книги, лекарства, оборудование и одежду также не расходовались по этой причине. За первый квартал 1944 года только 11,6 % бюджетных субсидий было использовано по назначению.

Улучшить питание пытались за счет закупки продуктов питания по сниженным ценам на рынке. Однако этот подход привел к росту стоимости продуктов питания сверх установленных норм. Например, в 1944 г. в Иркутском детском доме для дефективных детей был перерасход средств на питание на сумму 60,7 тыс. руб., что превышало бюджет на почти тысячу рублей на каждого ребенка. Такая проблема возникла из-за того, что было приобретено мясо по договорным ценам у колхозов².

Аналогичные трудности имелись и в материальном обеспечении. В конце 1944 г. в детском доме № 1 в Иркутске на 175 детей приходился всего один умывальник и небольшое количество посуды: 9 глиняных мисок и 15 больших эмалированных блюд³.

Одним из основных направлений решения проблемы продовольственного обеспечения детских домов стало создание в них подсобных хозяйств. Каждый

---

¹ ГАРБ. Ф. п-36. Оп. 1. Д. 1865. Л. 12.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 589, Л. 27–28.

³ Там же. Оп. 1. Д. 615. Л. 54–55.

год Народный комиссариат земледелия осуществлял поставку семенного фонда в детские дома и поддерживал разведение и уход за животными. Например, в Заларинском детском доме дети занимались выращиванием овощей. Для этой цели была выделена площадь в пять гектаров под огород и более 20 гектаров земли для пахоты¹. На Заиграевский детдом было выделено 25 га земли для пахоты, 7 га для огорода, 45 га для сенокоса и еще 45 га для пастбища². Занимались и скотоводством: разводили коров, куриц, лошадей, даже пчел. Наркомпрос РСФСР определил нормы производительности для детей, которые занимаются подсобным хозяйством, учитывая их возраст. Дети в возрасте от 10 до 12 лет могли работать 1–2 часа в день, от 12 до 14 лет – от двух до трех часов в день, а дети старше 14 лет обязаны были работать 3–4 часа ежедневно³.

Ситуация с продовольственным обеспечением детдомов не сильно улучшилась, несмотря на проведенные мероприятия, из-за проблем с доступом к семенному фонду и кормам. Основная проблема заключалась в отсутствии опыта грамотного ведения работ в подсобном хозяйстве.

Трудности в обеспечении детей продовольственными товарами в годы войны имели свои вкрапления в отношении отдельных семей. В большей степени проблема обеспечения детей необходимыми продуктами была решена в рамках отдельных семей в сельском хозяйстве за счет подсобного хозяйства, а также части номенклатурных работников и работников торговой сети, которые были непосредственно связаны с распределением и перераспределением имеющихся продовольственных ресурсов. Это отчасти нашло отражение в мемуарной литературе. Н. Ф. Безносова вспоминает о своем детстве, которое прошло в годы войны в деревне Яндон Заларинского района Иркутской области: «Проживали в селе, в большом доме. Родители имели большое хозяйство. Поскольку отец был репрессирован еще до войны, вся работа по хозяйству легла на плечи матери, а это уход за скотом – две коровы, две свиньи, а также гуси,

---

¹ Муниципальный архив Заларинского района. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 202. Л. 3.

² ГАРБ. Ф. р-60. Оп. 3. Д. 244. Л. 26.

³ Там же.

куры, кролики. Были и домашние животные – несколько кошек и собака, которые также требовали ухода и внимания. Был большой огород, на котором сажали все необходимые для пропитания овощи – морковь, свеклу, капусту, огурцы, помидоры. Дом отапливался печью. День начинался с растопки печи. Готовили тоже в ней. Нас было двое детей – 1925 и 1933 гг. рождения»¹. Подобные воспоминания позволяют утверждать, что в отдельных случаях, несмотря на трудовые повинности, детство детей, как минимум, не являлось голодным. Наличие такого количества домашнего скота и животных, а также огород, в котором росло все необходимое, при наличии в семье двух детей позволяло иметь вполне благополучное обеспечение необходимыми продуктами питания.

Особой сферой деятельности местных органов власти являлась организация работы с детьми, потерявшими связь с родителями. Уже к концу 1942 г. в стране таких детей насчитывалось 200 тыс. Совнаркомом СССР в январе 1942 г. было издано Постановление № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей»². В регионе для решения этой задачи были сформированы комиссии, в состав которых вошли руководители отделов народного образования, милиции, представители профсоюзов и комсомола, а также специалисты по патронажу детей. Для установления и учета распределенных детей создали справочно-адресную службу детских столов.

Комиссия занималась не только координацией распределения беспризорных детей, но и направляла подростков на промышленные предприятия, контролировала условия их труда и обеспечивала жильем³. Отчеты комиссии сообщают, что лишь на территории Бурятии в 1942 г. было выявлено 1189 детей без попечения и 382 беспризорных, которых задержала милиция. Следует также отметить, что работа в этом направлении повлияла на снижение уровня преступности в республике среди подростков⁴.

---

¹ Интервью с Н. Ф. Безносовой // Личный архив Д. А. Бурдиной.

² Об устройстве детей, оставшихся без родителей: Постановление СНК СССР от 23.01.1942 № 75 (ред. от 18.08.1965) // СПС «КонсультантПлюс».

³ ГАРБ. Ф. р-60. Оп. 3. Д. 244. Л. 26.

⁴ ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4208. Л. 11.

5 марта 1942 г. в Бурятии было принято постановление Совнаркома Б-МАССР, в соответствии с которым создавалась республиканская комиссия по организации ухода за детьми, лишившимися родителей. Комиссия включала в себя представителей различных органов, включая отдел народного образования, милицию, профсоюзы и комсомол. Руководителем комиссии был назначен заместитель Председателя СНК Б-МАССР Д. С. Болсохоев. Комиссия была активно занята распределением детей по детским учреждениям и приемным семьям. Детские дома работали без перерыва, однако семейная опека в республике была менее распространена, по сравнению с соседней Иркутской областью. Молодежь, способную к труду, направляли на промышленные предприятия, где им предоставляли условия для работы. Важным требованием для этих детей было обеспечение жильем¹.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны был принят комплекс мер как на уровне правительства страны, так и региональных органов власти с целью адресной поддержки семей военнослужащих и детей-сирот. Механизм реализации финансовой и материальной поддержки этих групп населения включал прежде всего организацию финансовой помощи, первоочередного приобретения продовольственных и промышленных товаров, помощь в трудоустройстве и учебе, а также создание разнообразных фондов для поддержки этих категорий населения. Большое значение в рамках реализации данных форм помощи имели меры контроля со стороны местных органов власти за осуществлением данных мер. По их итогам уточнялось количество семей военнослужащих, наиболее нуждающиеся семьи, объемы оказываемой помощи, случаи злоупотребления и другие проблемы. В целом политика в отношении остро нуждающихся в помощи категорий населения носила достаточно продуманный характер и при скудных наличных ресурсах позволяла оказывать своевременную адресную помощь наиболее нуждающимся семьям. Наиболее проблемным вопросом являлось содержание детских домов в регионе. Их состоя-

---

¹ ГАРБ. Ф. р-60. Оп. 3. Д. 244. Л. 26.

ние в годы войны значительно ухудшилось, большинство домов при этом были критически переполнены, что в совокупности с проблемами в снабжении создавало немалые трудности в их функционировании. Несмотря на многие проблемы и недостатки, удалось решить одну из основных задач, решаемых в тылу, – не допустить потери подрастающего поколения.

В целом, благодаря масштабным государственным программам, направленным на защиту материнства и детства, была обеспечена необходимая помощь и поддержка многодетным семьям, семьям, в которых муж был призван на фронт, а также матерям, потерявшим своих мужей в войне.

Основными мероприятиями социальной политики в области материнства и детства в период Второй мировой войны стали выдача единовременного пособия всем матерям, рожающим ребенка в период войны. Оно выполняло роль некой компенсации за трудности при рождении ребенка в тяжелых условиях войны. Огромное значение для сохранения института материнства и детства имела организация детских садов и летних лагерей для детей, попавших в трудную ситуацию в связи с войной. В целом социальная политика в регионе в годы Великой Отечественной войны была ориентирована на создание минимальных условий, обеспечивающих сохранение населения, особенно подрастающего поколения. Своевременное и эффективное введение социальных программ и льгот, а также целенаправленная работа по организации социальных услуг местными органами власти в совокупности с широким привлечением общественности к оказанию помощи тем группам населения, которые оказались в наиболее тяжелом положении, позволили обеспечить полноценное функционирование института материнства и детства, что стало серьезной предпосылкой обеспечения социально-политической стабильности в регионе и успешного выполнения оборонных задач.

Анализ социальной политики в годы Великой Отечественной войны в отношении института семьи и детства позволяет сделать вывод о том, что сохранение семьи и жизни подрастающего поколения являлось важным направлением государственной политики и получило серьезное развитие в регионе. В не-

простых условиях удалось организовать ресурсную основу для физиологического выживания детей через развитие сети детского питания, организацию подсобных хозяйств, помощь со стороны населения и хозяйствующих субъектов. Большое значение имело развитие сети детских учреждений, что позволило не только решить проблему возмещения трудовых ресурсов, но и оказать своевременную помощь эвакуированным семьям. Особое значение имели меры не только по физиологическому выживанию детей, но и по вовлечению их в процесс социализации. Экстремальные условия войны, острейший дефицит необходимых ресурсов не позволяли добиться каких-либо качественных изменений в этой области. В то же время именно в этот период были в итоге наработаны многие приоритетные направления в области защиты и развития института материнства и детства, которые легли в основу социальной политики в более поздний период советской истории. Оценивая в целом меры органов власти по социальной поддержке детей, нельзя не признать их эффективность. Удалось не только приостановить, но и снизить рост детской смертности в сравнении с довоенным периодом. В Иркутской области в 1945 г., согласно проведенным расчетам, рождаемость составила 38,33 % к уровню 1940 г., а детская смертность – 18,8 %.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1953 ГГ.)

3.1. Приоритеты государственной политики в отношении института материнства и детства

После окончания войны приоритетной задачей государства являлось восстановление страны. Послевоенные годы были тяжелыми для советских семей. Миллионы семей остались без кормильцев. Для Сибири не были характерны разрушения, как на фронтовых территориях, но человеческие потери коснулись практически каждой семьи.

По данным Комиссии партийного контроля в Иркутской области на январь 1946 г. проживало 134 556 семей военнослужащих и погибших фронтовиков, из которых 35 640 получали денежное пособие от государства. 811 семей получили квартиры, еще 8237 семей были обеспечены ремонтом. Для оказания помощи семьям было передано 1286 голов скота, 240 тыс. м³ дров¹. Создавались региональные продовольственные фонды, помощь из которых также направлялась семьям с детьми. По состоянию на январь 1946 г. запасы фонда составляли 230 т зерна, 98 т овощей.

Основными направлениями государственной политики в отношении материнства и детства стало повышение уровня социальной защищенности женщин и детей, обеспечение лучших возможностей для получения образования и высококачественной медицинской помощи, развитие детских садов, школ и медицинских учреждений. Наибольший приоритет отдавался обеспечению материальной поддержки матерей и детей. Введенные после войны ежемесячные пособия на детей и другие выплаты стали одними из основных мер поддержки.

Одновременно с этим осуществлялась деятельность по определенной перестройке системы здравоохранения под потребности матерей и детей. В стране создавалась сеть детских клиник, детских поликлиник и женских консультаций, которые предоставляли медицинское обслуживание семьям с детьми. Также

---

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 270. Лл. 44–47.

были разработаны программы по борьбе с туберкулезом, полиомиелитом и другими детскими заболеваниями.

Важным направлением работы стали социальные услуги для детей. Государство старалось обеспечить детям развивающие игры, книги и обучающие материалы. Вводились кружки и секции по интересам, организовывались экскурсии и поездки. Таким образом, государство пыталось обеспечить детям не только базовые условия жизни, но и духовное развитие.

В целом государственная политика в отношении материнства и детства в СССР в 1945–1953 гг. была направлена на улучшение условий жизни родителей и детей. Большое внимание уделялось не только материальному благополучию, но и духовному развитию детей. Создание образовательных и социальных услуг для детей в сочетании с мерами материальной поддержки составляло содержание социальной политики в области материнства и детства в послевоенный период.

В 1947 г. для многодетных семей и одиноких матерей были введены новые размеры пособий. Согласно Указу от 25 ноября, суммы денежных пособий были уменьшены почти вдвое, что было связано с повышением курса рубля. Размер пособий с 1 января 1948 г. устанавливался в объеме от 200 руб. при рождении третьего ребенка и до 2500 руб. за рождение более десяти детей. Матери-одиночки получали пособие в размере 50 руб. ежемесячно при наличии в семье одного ребенка, 75 руб. – если детей двое, 100 руб. – если детей трое и более¹.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1949 г. «Об улучшении дела государственной помощи многодетным и одиноким матерям и улучшении условий труда и быта женщин» вводились новые гарантии для отдельных категорий населения². Прежде всего, регулирование касалось трудо-

---

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1947 года «О размере государственного пособия многодетным и одиноким матерям» // Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Росспэн, 2020. 718 с.

² Указ Президиума ВС СССР от 19 мая 1949 года «Об улучшении дела государственной помощи многодетным и одиноким матерям и улучшении условий труда и быта женщин» // Социальная политика СССР в послевоен-

вых правоотношений. Многодетные и одинокие женщины не всегда имели возможность трудоустроиться. Работодатели неохотно брали таких работниц, поскольку не считали их способными полноценно выполнять все трудовые обязанности. Для того, чтобы такие ситуации не возникали, в Указе была прописана ст. 4, в которой за подобные трудовые нарушения вводилась уголовная ответственность. Она наступала в случаях, если работодатель не принимал на работу женщин, которые кормили младенцев грудью, а также в случаях снижения заработной платы. Также, согласно Указу, выплачивалось пособие при передаче ребенка от одинокой матери опекуну. При беременности женщинам предоставлялась возможность перейти на другую работу с сохранением трудового стажа. Одиноким матерям с доходом ниже 600 руб. предоставлялась скидка на оплату детского сада.

После окончания войны условия жизни продолжали оставаться тяжелыми. Система карточного распределения продовольствия и других товаров широкого потребления продолжала функционировать в городах. Ежемесячно по обычной карточке люди могли получать приблизительно 2 кг мяса и рыбы, 400 г жира, 1,5 кг крупы и макарон¹. Рост цен на продукты первой необходимости был выше роста заработной платы. В 1946 г. минимальная заработная плата составляла 300 руб., а средняя – 475 руб. в месяц. В 1947 г. она выросла до 550 руб. в месяц. Чтобы помочь низко- и среднеоплачиваемым работникам, были установлены хлебные надбавки в среднем размере 110 руб. в месяц. Однако это лишь несколько смягчало, но не решало проблему снабжения. Отмена карточной системы и введение свободной продажи продовольственных и промышленных товаров повышали стимулирующую роль заработной платы. С другой стороны, многодетные семьи и категории работников с невысоким уровнем за-

---

ные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Росспэн, 2020. 718 с.

¹ Седова Д. В. Социальная политика Советского государства в послевоенный период 1945–1955 гг. // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 4 (6). С. 40.

рабочей платы каких-либо преференций от отмены карточной системы не получали¹.

Тяжелые условия жизни в послевоенное время вспоминает А. У. Янхаева, 1938 г. рождения: «В военное время было тяжело, но в послевоенное немногим легче. Мы жили в селе Бюлютай Бичурского района Бурятии. Нам повезло с тем, что школа была в самом селе. В нее приходили дети из соседних деревень. Некоторые шли пешком по 5–7 км до места учебы. Пишущих принадлежностей у нас не было. Чернила делали из свекольного сока, ручки были из палочек с наконечниками-перьями. Так и писали. Еда была только та, что выращена самостоятельно или принесена из колхоза. Пекли хлеб, варили каши, запекали картошку. Были семьи, которые совсем голодали. А в военные годы, помню, что шутили, что птиц в округе не останется, даже мелких воробьев ловили и варили. Нехватка одежды тоже ощущалась. Одежду шили сами из всех подручных материалов. В 1945 г. отец пришел с войны. Он выжил, но здоровье его сильно пошатнулось. В 27 лет он выглядел намного старше своего возраста, постоянно кашлял кровью, часто жаловался на головную боль, кричал ночами, но про войну нам не рассказывал никогда, а мы старались не спрашивать – видели, что вспоминать ему не хочется»².

Жизненные условия после войны оставались очень тяжелыми для многих рабочих и их семей. Несмотря на увеличение средней зарплаты до 700 руб с 1946 по 1950 гг., многие работающие не могли удовлетворить даже своих минимальных потребностей. При этом нужно учитывать, что из заработной платы вычитались не только налоги, но и средства на покупку государственных облигаций.

Актуальным направлением социальной политики в послевоенный период оставалось обеспечение семей жильем. В городах население росло быстрыми темпами, а жилой фонд обновлялся и пополнялся очень медленно. Большин-

---

¹ Николаев Е. Е. Советская социальная политика в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8 (52). С. 141.

² Из интервью с А. У. Янхаевой 1938 г. р. // Личный архив Д. А. Бурдиной.

ство временных сооружений, возведенных в период первой пятилетки и в годы войны, ежегодно приходило в негодность и требовало капитального ремонта. Расходы на эти работы в бараках были в четыре раза больше, чем в нормальных домах. После капитального ремонта с учетом первоначальных затрат стоимость 1 кв. м жилья барачного типа почти достигала стоимости 1 кв. м благоустроенного жилого фонда. Необходимо было сносить многие временные постройки. В Бурятии, например, на одного человека приходилось в среднем 2,2 кв. м жилой площади¹. При этом основную часть жилого фонда составляло неблагоустроенное жилье. По состоянию на 1950 г. в Иркутской области всего 12 % жилья было оборудовано водопроводом, 17 % – канализацией, 18 % – централизованным отоплением².

Из-за последствий Великой Отечественной войны, включая голод, разруху и другие трудности, число беспризорных детей не уменьшилось. Сиротство, бездомность и правонарушения детей и подростков оставались серьезной социальной проблемой, требующей решения. Были разработаны различные механизмы передачи детей в приемные семьи, такие как опека, попечительство, патронат или усыновление. Считалось, что семейное воспитание является наиболее эффективной формой пребывания для детей, оставшихся без родителей, и это было отражено во всех предписаниях о попечительстве. Даже с введением государственной системы помощи сиротам, практика воспитания детей в приемных семьях оставалась актуальной. Более того, материальный фактор был также важным, поскольку передача ребенка в приемную семью снижала материальные затраты государства на его содержание³.

Воспитание детей-сирот в Байкальском регионе в первые послевоенные годы осуществлялось на основе общих принципов, предполагавших вовлечение воспитанников в общеобразовательные школы и пионерские лагеря, а также

---

¹ Культурное строительство в Иркутской области (1917–1967 гг.) / под ред. А. П. Косых. Иркутск, 1980. С. 74.

² Букин С. С, Исаев В. И. Жилищная проблема в городах Сибири в 1920-х – начале 1960-х годов // ЭКО. 2010. № 2 (428). С. 27.

³ Николаев Е. Е. Советская социальная политика в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8 (52). С. 140.

массовые детские организации, чтобы избежать их изоляции. К сожалению, подготовка педагогических кадров в то время не учитывала специфику интернатных детских учреждений. Многие воспитатели, работающие в данных учреждениях, имели низкую квалификацию. Тем не менее, благодаря усилиям партийных и государственных органов, профсоюзов и общественных организаций, детские дома в регионе смогли сохранить жизнь и здоровье многим тысячам детей, несмотря на ограничения в материальных возможностях. Детские дома стали спасением для многих детей, которые пережили голод и бродили по улицам. Одна из выпускниц детского дома в Бурятии, попавшая туда после освобождения с оккупированных территорий, вспоминает это место как рай, хотя вначале там не было ни кроватей, ни постельного белья, ни достаточного количества еды и одежды.

Дети, выросшие в детских домах, требовали особого отношения. После войны большинство из них имели тяжелый жизненный опыт и отставали в учебе. Несмотря на это, система воспитания и реабилитации этих детей была недостаточно развита. Эта проблема оставалась нерешенной многие годы. Только в конце 1980-х гг. начались широкие обсуждения проблем помощи детям-сиротам, и была осознана необходимость создания специальной службы психологической адаптации воспитанников интернатских учреждений.

В детских сиротских учреждениях главным принципом воспитания была связь обучения с трудом. В первые годы после войны воспитанники этих учреждений выполняли все домашние работы самостоятельно, затем приступали к работе в мастерских, а после этого проходили практику на предприятиях. Таким образом, наряду с получением образования, выпускники таких заведений приобретали и определенные профессии.

Одной из проблем сиротских учреждений являлось то, что поступившие туда подростки не имели даже начального образования. В 1947 г. были созданы специальные учебные заведения для подростков, но лишь 15 из 62 планировавшихся школ были открыты. С 1949 г. подростки из детских учреждений и детских приемников Иркутской области были направлены в ремесленные или

сельскохозяйственные училища для получения профессионального образования перед практикой на предприятиях. Это давало им возможность получить опыт и навыки перед выходом на работу¹.

Проблема беспризорности в послевоенный время требовала создания учреждений, которые бы принимали и распределяли детей, а также детских домов, что диктовало необходимость подготовки квалифицированных педагогических работников. Кроме того, было необходимо усовершенствовать систему устройства сирот в приемные семьи.

С 1952 г. детские дома получили разрешение трудоустраивать своих выпускников. Большинство подростков стремились поступить в училища, но выбор специальности часто принимался без учета их желаний. Те, кто не могли посещать училища из-за проблем со здоровьем, были направлены на работу. В детских учреждениях и колониях уделялось основное внимание рабочим специальностям. Государство обеспечивало воспитанникам доступ к семилетнему образованию, профессиональной специальности и рабочему месту.

Возможности получения среднего или высшего образования для воспитанников детских домов и колоний были ограничены. Лишь детям с выдающимися художественными способностями была предоставлена возможность поступать в детские дома с профилем художественного образования и в последующем продолжить образование в художественном училище. К решению этой проблемы приступили спустя пять лет после войны. Согласно постановлению Совета Министров СССР от 1950 г., сироты, успешно завершившие учебу в воспитательных колониях, могли получить полное государственное финансирование для продолжения своего образования².

Образовательная политика СССР в 1945–1953 гг. также претерпела изменения. В рамках пятилетнего плана был запланирован значительный рост культурных учреждений, в результате чего в 1947 г. было выделено на культурное

---

¹ Седова Д. В. Социальная политика Советского государства в послевоенный период 1945–1955 гг. // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 4 (6). С. 40.

² Постановлению Совета Министров СССР «О мерах по улучшению содержания детских колоний МВД СССР» // Исторический архив. № 4. 1996. С. 149.

просвещение на 4,2 млрд руб. больше, чем в предыдущем году. Расходы на культурно-просветительские учреждения увеличились на 45 %¹.

К началу 1947 г. в Иркутской области имелось 400 изб-читален, 79 клубов и 138 библиотек, а также множество Домов культуры и музеев, где местные жители проводили свободное время². Газета «Восточно-Сибирская правда» в своих выпусках уделяла особое внимание культурно-массовой и агитационно-пропагандистской работе на селе, отмечая, что среди многих культурных учреждений имеются качественно-образцовые. Одним из таких учреждений являлся клуб в селе Усть-Куль Тулунского района. Он отличался высоким уровнем активности в области просвещения. Такой же клуб функционировал в селе Олонки Кировского сельского района и в пос. Кутулик. Как правило, клубы имели устаревшую киноаппаратуру, поэтому демонстрируемые фильмы во время показа прерывались из-за ее поломки, повсеместными были перебои в снабжении электроэнергией и освещением. Для помощи подобным организациям созывались агитбригады, применялись различные формы и методы массовой работы в каждом сельском клубе и избе-читальне. Данные учреждения играли важную роль в рамках реализации культпросвещения и воспитания подрастающего поколения³.

В Приложении 5 представлены сведения о количественных показателях системы обучения в регионе за 1940–1952 гг. Из информации, представленной в таблице, следует, что наиболее быстрыми темпами в Иркутской области росло количество семилетних и средних школ. Общее число учеников в этих школах увеличилось соответственно на 126 % и 86 %. В общей сложности, число учащихся в области выросло на 6 %, однако в начальной школе наблюдалось сокращение количества учеников на 28 %. Число учеников на старшей ступени образования (средняя школа) впечатляюще выросло до 18,1 тысячи человек,

---

¹ Об участии комсомольских организаций в работе культурно-просветительских учреждений // Советская молодежь 1950. № 2. С. 3.

² Финансирование социально-культурных мероприятий // Восточно-Сибирская правда. 1947. № 122. С. 4.

³ Крутенко О. Н. Становление культпросветшколы в послевоенный период в Иркутской области // Universum: общественные науки. 2021. № 4 (73). С. 65.

что составляет рост на 230 % по сравнению с предвоенным периодом. Причиной данного роста являлось включение в образовательный процесс детей, родившихся во время войны, и молодежи, которая не получила образование до начала войны¹. Одновременно росла потребность в учительских кадрах. Общее количество преподавателей в Иркутской области выросло с 5829 в 1938 г. до 10 555 к концу изучаемого периода, что составило увеличение в 1,8 раза². Однако уровень образования и квалификации многих учителей, занятых в школах, был недостаточным. В Иркутской области количество преподавателей с высшим образованием составляло 1755 человек, или 16,6 % от общего числа работающих. У 2602 человек (24,7 %) было неполное высшее образование. 5737 преподавателей (54,4 %) имели среднее педагогическое или общее среднее образование, 461 учителей (4,4 %) не имели профессионального образования³.

Развитие народного образования в период после войны имеет особое значение. Оно является основой для полноценного воспитания и духовного развития детей. С 1947 по 1949 гг. государством были выделены значительные средства на развитие этой области – свыше 258,9 млрд рублей, что составляло почти половину (49,4 %) общего финансирования социально-культурной сферы.

Государство в этот же период обращает особое внимание на повышение квалификации кадрового потенциала школ. Еще в августе 1945 г. было принято постановление СНК СССР, запрещающее краткосрочную подготовку учителей без наличия среднего образования⁴. В каждом учительском институте были созданы три отделения – историко-филологическое, физико-математическое и естественно-географическое. С целью обеспечения квалифицированными кадрами школ и проведения подготовки/переподготовки учителей ряд серьезных мер принимается органами власти в Иркутской области. Усилился контроль за

---

¹ Делегеоз Е. Г. Основные тенденции развития системы народного образования Иркутской области в 1937–1953 гг. // Известия БГУ. 2006. № 5. С. 38.

² ГАИО. Ф. р-1929. Оп. 1. Д. 235. Л. 18.

³ ГАИО. Ф. р-1929. Оп. 2 (дополнительная). Д. 14. Л. 3.

⁴ Постановление СНК СССР № № 2088 от 20 августа 1945 г. «Об улучшении подготовки учителей» // Народное образование. Основные постановления, приказы и инструкции / Сост. А.М. Данев. М.: Учпедгиз, 1948. С. 375-376.

успеваемостью студентов педагогического направления, особенно строго оценивалась практика. Для руководителей образовательных организаций вводилась ответственность за ненадлежащую подготовку кадров. Предприятия региона были обязаны передавать школам оборудование, которое уже не использовалось в производстве. К 1953 г. появились первые аттестационные мероприятия для учителей. Восстановление сети педагогических учебных заведений осуществлялось поэтапно, контингент школ постепенно вырос, учебно-материальная база была укреплена.

Приблизительно половина всех школ в Иркутской области находились в южных районах, которые сильно населены и расположены вдоль Восточно-Сибирской железной дороги. Однако в отдаленных районах Среднего и Нижнего Приангарья, где население было невелико, количество семилетних и средних школ росло медленными темпами, не покрывая полностью потребность в обучении. Остро стояла проблема материально-технического оснащения.

30 августа 1946 г. в Улан-Удэ прошел первый послевоенный съезд учителей, на котором были выявлены серьезные проблемы в системе школьного образования. Среди этих проблем были низкий уровень успеваемости учащихся, значительное число учеников, остававшихся на второй год обучения, недостаточное обеспечение материально-технической базой и недостаток квалифицированных кадров. В рамках образовательной политики было предусмотрено увеличение количества школ в разных регионах страны, в том числе в Бурятии. В 1949 г. в Бурятии работало 503 начальных, 117 семилетних и 46 средних школ¹. Отдельное внимание уделялось городам и поселкам городского типа, где количество школ почти утроилось с 54 в 1941 г. до 163 к концу 1950-х гг. Количество учащихся, обучающихся в них, превышало 130 тыс., а количество учителей составляло 7 тысяч².

---

¹ ГАРБ. Ф. 1056. Оп. 2. Д. 6. Л. 32.

² Семенова Е. Ф. Школьное образование Бурятии в годы войны и в послевоенный период // Вестник БГУ. 2015. № 7. С. 38.

В 1952 г. в Бурятии было введено всеобщее семилетнее обучение, что привело к увеличению финансирования народного образования из государственного бюджета. Были предприняты меры для улучшения условий в школах. Вся республика, особенно сельская местность, приступила к реализации различных инициативных проектов, включающих строительство школьных зданий, интернатов, общежитий, мастерских и спортивных залов. Например, целью жителей Бичурского аймака стало устранение многосменности в школах в течение двух-трех лет. За два года колхоз «Знамя Ленина» Мухоршибирского аймака построил две восьмилетние школы, одну начальную школу и общежитие для детей животноводов¹.

Вопросы развития национальной школы были решены через различные меры, включая применение нормативно-правовых актов, научно-методическое обеспечение и переподготовку кадров. Между 1949 и 1953 гг. в бурятских школах изменили языковую политику: были пересмотрены учебные программы, переведены на бурятский язык несколько учебников. Часть учителей бурятской национальности были направлены из русских школ в национальные после двухнедельных курсов обучения. Многие родители выразили желание, чтобы их дети получали образование на своем родном языке. В июле 1951 г. на совещании, организованном Окружным комитетом партии по вопросам национальных школ, была поддержана идея преподавания учебных предметов на родном языке до седьмого класса. Для этой цели были созданы учебники на двух языках – русском и бурятском².

В послевоенный период детское движение в регионе переживало серьезную трансформацию. С одной стороны, работа пионерской организации стала более качественной и содержательной, с появлением новых и интересных видов деятельности. Однако, с другой стороны, организация испытывала немалые трудности из-за идеологической догматики и командно-административных методов управления. Вместо развития традиций пионерии в данном периоде воз-

---

¹ ГАРБ. Ф. 1056. Оп. 2. Д. 6. Л. 32.

² ГАРБ. Ф. 1. Оп. 203. Д. 10. Л. 82.

никли формализм и копирование работ без учета специфики местности, а также различий по полу и возрасту.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. пионерская организация в Бурятии, так же, как и подобные организации во всей стране, активно занималась учебно-воспитательной работой в школах с целью повышения успеваемости и получения качественных знаний. В 1946 г. лишь 66,1 % школьников в Бурятии имели достаточную успеваемость, среди пионеров это число составляло 82 %. Однако к 1950 г. общая успеваемость в школах республики значительно улучшилась и составила 76–80%, а успехи пионеров достигли 96 %¹.

В различных школах Бурятии отрядные вожатые и учителя организовывали предметные сборы для пионеров. Целью этих мероприятий было углубление знаний по отдельным предметам и повторение программного материала. При выборе темы, в большинстве случаев, не учитывались интересы детей. Такие предметные сборы были скорее формальными и представляли собой дополнительные уроки для повторения уже изученного материала. Наиболее типичные темы включали формулировку «Знаешь ли ты...»².

В условиях тех времен многим детям и подросткам помощь приходила из различных кружков – технических, предметных и других, которые получили широкое распространение во всех школах Бурятии. Например, в учебном году 1946/47 только в двух средних и пяти семилетних школах Селенгинского аймака было 52 кружка, где занималось 713 детей. В 1950 г. в школах Заиграевского аймака было 58 кружков (с участием 1471 ребенка), а в школах Хоринского аймака – 49 кружков (участвовали 1246 детей). Всего в республике к 1950 г. функционировало более 1150 предметных, технических и других кружков, где занималось более 40 % всех учащихся республики и более 50 % пионеров³.

В школе № 2 г. Улан-Удэ действовало 15 кружков, где занимались 350 школьников и пионеров. В газете «Смена», которая там издавалась, было вы-

---

¹ ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 58. Л. 2.

² Там же. Д. 326. Л. 42–43.

³ ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 90. Л. 11.

пущено 40 номеров за 1951 г., при участии более 200 корреспондентов. Внешкольные учреждения, такие как Дома пионеров, также были популярны. Например, в 1952 г. в Улан-Удэнском городском Доме пионеров работало 44 кружка, включая 12 трудовых и технических, а в Детской технической станции Кяхтинского аймака функционировало 12 кружков¹. Пионеры показывали инициативу в школьных и внешкольных мероприятиях.

Пионеры и школьники Бурятии иногда достигали значимых успехов, занимаясь организацией работы на учебно-опытных участках и в садах республики. Например, учащиеся Уринской средней школы Баргузинского аймака, под руководством заслуженного учителя РСФСР Т. М. Малика, достигли успеха в выращивании арбузов, яблок, вишни, малины и лимонов в условиях северного аймака².

В апреле 1951 г., в рамках Всесоюзного конкурса наиболее умелого садовода, секретарь Бурят-Монгольского обкома ВЛКСМ Шведкова донесла в ЦК, что в республике имеются сады, причисляемые к 72 школам, а также питомники, связанные с 17 школами, и сады, принадлежащие девяти детдомам³. В период 1951–1953 гг. группой юннатов было выращено 7445 плодовых деревьев, а школьная пасека стала центром для распространения и популяризации пчеловодства в Бурятии. Молодые пчеловоды собрали около 800 кг меда и распространили более 100 пчелосемей в другие колхозы и школы.

Первая республиканская «Неделя сада» была проведена в Бурятии с 1 по 8 октября 1951 года. В соответствующем постановлении было указано, что комсомольские и пионерские организации школ должны обеспечить озеленение и посадку плодово-ягодных деревьев на пришкольных участках городских и сельских школ, а также детдомов на период проведения «Недели»⁴.

По всей республике пионеры активно участвовали в различных трудовых мероприятиях, таких как помощь колхозам в выращивании урожая, сбор удоб-

---

¹ ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 90. Л. 11.

² ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 2322. Д. 2853.

³ Там же. Д. 3216. Л. 64.

⁴ ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 2637. Л. 14, 15.

рений, уход за животными на животноводческих фермах, разведение домашней скотины и птицы, заготовка плодов дикорастущих растений, сбор макулатуры и металлолома, осуществление шефской работы и принятие участия в различных кружках для получения необходимых трудовых навыков. Именно поэтому многие колхозники из разных аймаков республики ценили помощь пионеров и называли их своими первыми помощниками в труде.

Важное место в социальной политике местных органов власти занимали вопросы организация оздоровления детей, особенно в период летних каникул. Несмотря на трудные послевоенные годы, каждый год количество детей, участвующих в организованном летнем отдыхе, росло. Например, в 1948 г. 7610 детей отдохнули в пионерских лагерях республики, а 550 детей – в лагерях санаторного типа. Кроме того, летними площадками было охвачено 1063 ребенка¹. В послевоенный период организация оздоровления детей, особенно летнего отдыха, играла важную роль. Каждый год количество детей, отдыхающих в пионерских лагерях республики и в лагерях санаторного типа, росло. Кроме того, были организованы летние площадки для детей. Помимо трудового воспитания и политехнического обучения, была проведена работа по развитию детского творчества и культурно-массовой деятельности². Среди мероприятий были ежегодные Смотры художественной самодеятельности всех уровней, детские киносеансы и проведение Детских дней в кинотеатрах городов и райцентров. Все это позволяло пионерам заниматься творческой и яркой деятельностью, что было необходимо для их развития и оздоровления.

К середине 1950-х гг. детское движение в Байкальском регионе значительно активизировалось, появились более привлекательные для детей формы деятельности. XII Всесоюзный съезд ВЛКСМ в 1954 г. рекомендовал организацию работы с пионерами на основе их собственной инициативы и учета их возрастных особенностей. Новый Устав повысил авторитет пионерской организации, в рамках которой развивалась детская инициатива.

---

¹ ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 2596. Л. 148–150.

² Балакирев А. Н. Пионерская организация Бурятии в послевоенные годы // Вестник БГУ. 2012. № 7. С. 118.

Активно в послевоенный период развивалась социальная поддержка со стороны государства многодетным семьям. Многодетные матери с двумя детьми получали единовременное пособие при рождении третьего и каждого следующего ребенка, а матери с тремя детьми получали ежемесячное государственное пособие при рождении четвертого и каждого следующего ребенка. В 1945 г. количество многодетных матерей, получающих ежемесячное пособие, составляло 844 тыс. человек, а к 1956 г. это число возросло до 3323 тыс. человек¹.

Еще одним важным направлением в деятельности органов власти в отношении семьи, материнства и детства в послевоенный период являлась организация нуждающимся семьям помощи со стороны предприятий. Эта помощь была значительна по объемам. В 1946 г. отделы социального обеспечения Иркутска выдали денежных пособий на сумму 710 344 руб., в том числе семьям погибших и военнослужащих 622 554 руб. Объем выделенной помощи предприятиями области составил сумму 230 813 руб. Отделы социального обеспечения выдали 29 563 ордера на промышленные товары инвалидам, семьям погибших и военнослужащих. Предприятия выдали 3519 ордеров на одежду и 528 ордеров на обувь, в то же время со стороны населения были переданы 1791 предмет одежды и 926 пар обуви².

Особое внимание в послевоенный период уделялось охране здоровья детей и матерей. В Бурятии значительно расширилась сеть родильных домов и женских консультаций, детских лечебно-профилактических и оздоровительных учреждений. Для детей в больницах по состоянию на 1950 г. было развернуто 504 койки, что почти в 10 раз больше, чем в 1940 г. Открыли свои двери новые пионерские лагеря, появились специальные оздоровительные группы в детских садах. В 1949 г. в пионерских лагерях проводили летние каникулы 6750 обучающихся. В 1,5 раза выросло число мест в родильных домах. В больницах росла численность врачей-педиатров и акушеров-гинекологов. Все это позволило

---

¹ ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 2596. Л. 148–150.

² ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 90. Л. 11.

значительно снизить в республике заболеваемость и младенческую смертность¹.

В Иркутской области здоровью матерей также стали уделять больше внимания. С начала 50-х гг. регулярно проводились обследования женского здоровья, которые показали, что будущие матери страдают от недостатка витаминов С и D, в результате чего их иммунитет становится ослабленным, а рожденные дети часто имеют хронические заболевания и слабое здоровье. В Нижнеудинском районе в 1953 г. по инициативе женсовета был объявлен конкурс на самого чистого ребенка. Это была творческая попытка повысить уровень санитарно-гигиенического состояния населения в послевоенные годы².

Недостаток медицинских учреждений и персонала в Прибайкалье сильно затруднял проведение эффективного медикаментозного лечения. Высокий уровень смертности и низкая рождаемость вынуждали власти принимать дополнительные социальные меры. Во многом эти направления социальной политики стимулировались остротой демографической проблемы. Например, в Иркутской области естественный прирост населения в 1940 г. составлял 26 914 человек, но в период с 1942 по 1945 гг. количество умерших превысило количество новорожденных на 5575 случаев. Только к 1950 г. естественный прирост вновь превысил довоенный уровень³.

В послевоенные годы курс социальной политики претерпел серьезные изменения, однако акцент на поддержку и защиту института материнства и детства сохранялся до конца исследуемого периода. Вводились новые пособия, социальные гарантии для матерей, меры поддержки и защиты материнства и детства. Все законодательные акты СССР, которые легли в основу социальной политики в регионах, реализовывались на местах с рядом специфических отличий для каждой местности.

---

¹ ГАРБ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 150. Л. 40.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 34. Л. 164.

³ Там же.

На территории Иркутской области и Бурятии социальная политика в области материнства и детства имела свою специфику. После войны сеть детских учреждений сократилась (см. приложение 7). В Иркутской области количество детских садов в 1947 г. в сравнении с 1946 г. сократилось незначительно, с 336 до 324, но число детей в них уменьшилось на 33 %¹. В Бурятии сокращение было масштабнее: сеть детских садов за этот период уменьшилась более чем в два раза, с 115 до 52, а количество детей с 6728 до 2906 человек. Это были самые значительные сокращения детских дошкольных учреждений в Восточной Сибири. Причинами такой тенденции являлось сокращение рождаемости, а также возвращение мужчин с фронта, в результате чего женщины получили возможность заниматься детьми на дому. Снижение оплаты за содержание детей в детских садах (для одиноких матерей на 50 %) на этот процесс не повлияло². В последующие годы численность детей в детских садах продолжала сокращаться более низкими темпами. Выросло количество детей лишь по детским садам Иркутской области. В 1950 г. их посещало на 26,7 % больше, чем в 1941 г.³

Следует отметить, что в это же время сеть детских домов продолжала расти. В Иркутской области к началу 1950 г. насчитывалось 50 таких учреждений, в которых находилось 5567 детей. Условия проживания в них практически не изменились. Наибольшие трудности их воспитанники испытали в период голода 1945–1947 гг. В это время показатели смертности по домам ребенка были самыми высокими (17,8 %). Значительное количество детей болело дистрофией (17,6 %)⁴.

Особую роль в этих условиях продолжали играть программы оздоровления детей на летних оздоровительных площадках. В 1948 г. в Бурятии в пионерских лагерях побывали 7610 детей, еще 550 прошли программы оздоровле-

---

¹ ГАРБ. Ф. 127. Оп. 14. Д. 587. Л. 1.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 308.

³ ГАНИИО. Ф. 6728. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1, 4.

⁴ ГАНИИО. Ф. 169. Оп. 7а. Д. 424. Л. 16.

ния в санаториях. Летними площадками было охвачено 1063 ребенка, а общий охват оздоровительных мероприятий к 1952 г. превысил 30 тыс. детей¹.

После войны на предприятиях и на базе крупных школ начали создаваться пионерские лагеря городского типа. К 1951 г. их насчитывалось до 37, а общий охват ими детей в Прибайкалье составлял 7600 человек². Однако в целом в послевоенный период забота о детях в политике местных органов власти не была столь ярко выраженной. Их деятельность свелась к планированию летних оздоровительных кампаний и контролю за детскими учреждениями, находящимися в системе здравоохранения и социального обеспечения.

Работа с детьми в образовательных учреждениях продолжалась. С 1952 по 1958 гг. в Бурятии были открыты восемь яслей для детей общей вместимостью 500 мест. В период с 1951 по 1955 гг. в Иркутской области было открыто 20 новых дошкольных учреждений, с учетом активного строительства новых зданий для детских садов, многие из которых до настоящего времени продолжают использоваться по данному назначению³.

Родители, комсомольцы и пионеры часто оказывали помощь в оборудовании яслей при колхозах, но не все председатели колхозов поддерживали данную идею. Открытие детских садов и яслей часто проводилось только для отчетности, когда приезжала проверка, фиксирующая наличие учреждения. Председатели колхозов закрывали сады сразу после того, как удавалось избежать наказания за невыполнение требований по организации детских учреждений в колхозах.

Однако в целом в регионе наблюдалось заметное расширение сети детских дошкольных учреждений в конце исследуемого периода. Особенно это характерно для начала 1950-х гг. Среднее количество детей, посещающих детские сады, выросло более чем в три раза с 1947 по 1955 гг. Одним из основных факторов быстрого расширения сети детских учреждений по-прежнему являлась

---

¹ ГАРБ. Ф. 36. Оп. 52. Д. 2596. Л. 148.

² Там же. Л. 149.

³ ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 247. Л. 81–82.

необходимость выполнения женщинами обязательного трудового минимума. В колхозах женщины, имеющие малолетних детей, не освобождались от трудодней, что вынужденно привело к увеличению количества детских садов. Например, в 1947 г. из работающих в колхозах Бурятии женщин 91 % не выполнили установленный минимум трудодней¹. В послевоенное время женщины также привлекались к ответственности, если они не появлялись на работе из-за необходимости присмотра за малолетними детьми. В большинстве случаев они не имели возможности оставить маленьких детей в колхозных яслях, которых практически не было.

В целом до 1953 г. Иркутская область и Бурятия активно развивали систему дошкольных учреждений, что было результатом реализации социальной политики по улучшению условий жизни населения. Женщинам была предоставлена возможность воспитания детей в дошкольных учреждениях. Матери могли работать минимальное количество дней, пока их ребенок находился под присмотром воспитателя. В некоторых регионах были затруднения, которые сокращали темпы развития яслей и детских садов по сравнению с европейской частью страны, но в целом сеть детских дошкольных учреждений росла во всех районах обследованных регионов.

На социальное положение подрастающего поколения оказывали влияние различные факторы, в том числе состояние сети детских учреждений, объемы дополнительных источников питания за счет подсобных хозяйств, сбора дикорастущих растений, помощи со стороны жителей региона. Главными направлениями деятельности в данной сфере являлись кампании по оздоровлению детей летом и контроль за детскими учреждениями, включая Дома ребенка, детские поликлиники, санатории, а также детские дома и дома инвалидов для детей, которые подчинялись системе здравоохранения и социального обеспечения. Оценивая разные формы помощи детям с 1945 по 1953 г., можно отметить, что они

---

¹ Шалак А. В. Социально-демографические процессы как основа трудовой мобильности в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. (на примере Иркутской области) // Историко-экономические исследования. 2015. № 2. С. 312.

были направлены не только на обеспечение выживания детей, но и на создание определенных условий для духовного развития подрастающего поколения.

3.2. Решение проблем реализации социальной политики в 1946–1953 гг. в Байкальском регионе

Великая Отечественная война изменила многие процессы в жизни советской семьи. Институт семьи пережил тяжелый социально-экономический кризис, вызванный тяготами военного времени. Война оказала самое серьезное влияние на изменение демографической структуры населения. В структуре населения повысился удельный вес женщин, а также увеличилось количество семей, имеющих только одного родителя. В воспоминаниях советских женщин можно нередко встретить упоминание о том, что к семьям, в которых мужчины не вернулись с фронта, зачастую было посредственное отношение, как к людям «второго сорта». Иногда даже тем, кто не был на войне, уделяли большее внимание, чем семьям погибших¹.

В военные годы произошло значительное сокращение рождаемости в регионе. В послевоенный период демографическая ситуация в Иркутской области и Бурятии имела схожие тенденции. К 1950 г. наблюдается рост рождаемости, однако ее показатели оставались ниже довоенного периода. В Иркутской области на одну тысячу жителей в 1940 г. рождалось 50 детей, в 1950 г. этот показатель составлял 48 человек. По Бурятии аналогичные показатели составили 43 и 37 человек.

Оценивая динамику социальных изменений в Байкальском регионе за изученный период, отметим ее положительный характер. Основные демографические показатели представлены на рис. 1-3.

---

¹ Ковригина С. В. Деревенская женщина в контексте советской повседневности в послевоенный период // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные проблемы развития регионов Сибири. 2013. Т. 1. С. 114.

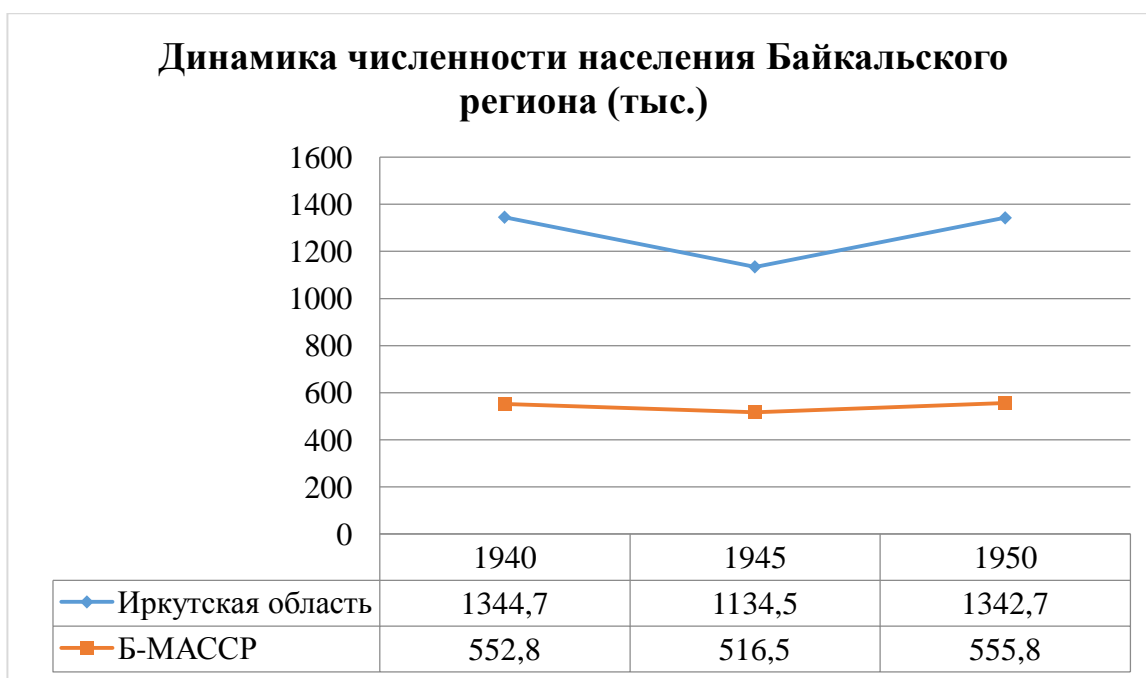

Рис. 1. Динамика численности населения Байкальского региона (тыс.)¹

Как видно из рис. 1, численность населения региона уже к 1950 г. практически вернулась к довоенным показателям, а в Бурятии и вовсе преодолела довоенный порог. Рост населения продолжался и на протяжении последующих лет, в чем, безусловно, заслуга социально-экономического курса, направленного на восстановление страны и улучшение материально-бытовых условий населения.

Как видно из рис. 2, динамика рождаемости в послевоенный период устойчиво росла и к 1950 г. приблизилась к довоенному уровню. Таким образом, к концу изучаемого периода институт семьи в плане демографических показателей практически вышел на довоенный уровень. Применительно к тем конкретно-историческим условиям и демографическим потерям, понесенным в годы войны, данные показатели можно рассматривать как несомненный успех реализации мер, направленных на укрепление института семьи и детства, поскольку в годы войны рождаемость в Байкальском регионе снизилась в 2,5 раза.

¹ СССР в цифрах [в 1958 году] : [краткий сборник статистических материалов]. М.: Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР, 1958. 469 с.

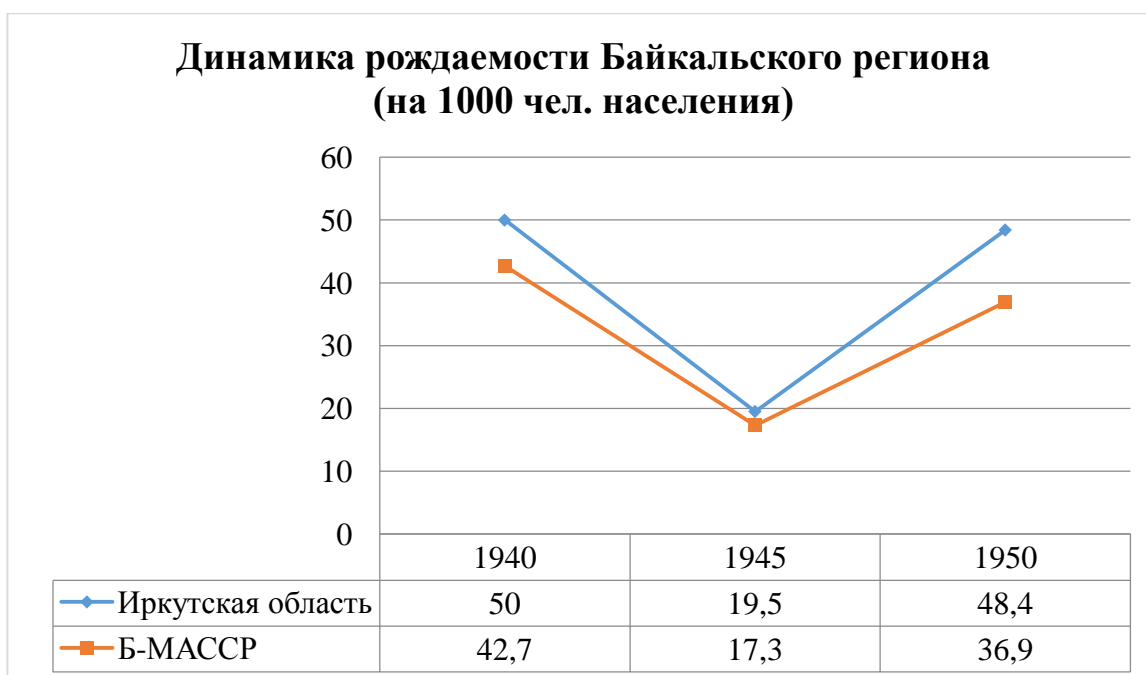

Рис. 2. Динамика рождаемости Байкальского региона (на 1000 чел. населения)¹

Из данных рис. 3 видно, что в изучаемый период произошло заметное уменьшение младенческой смертности.

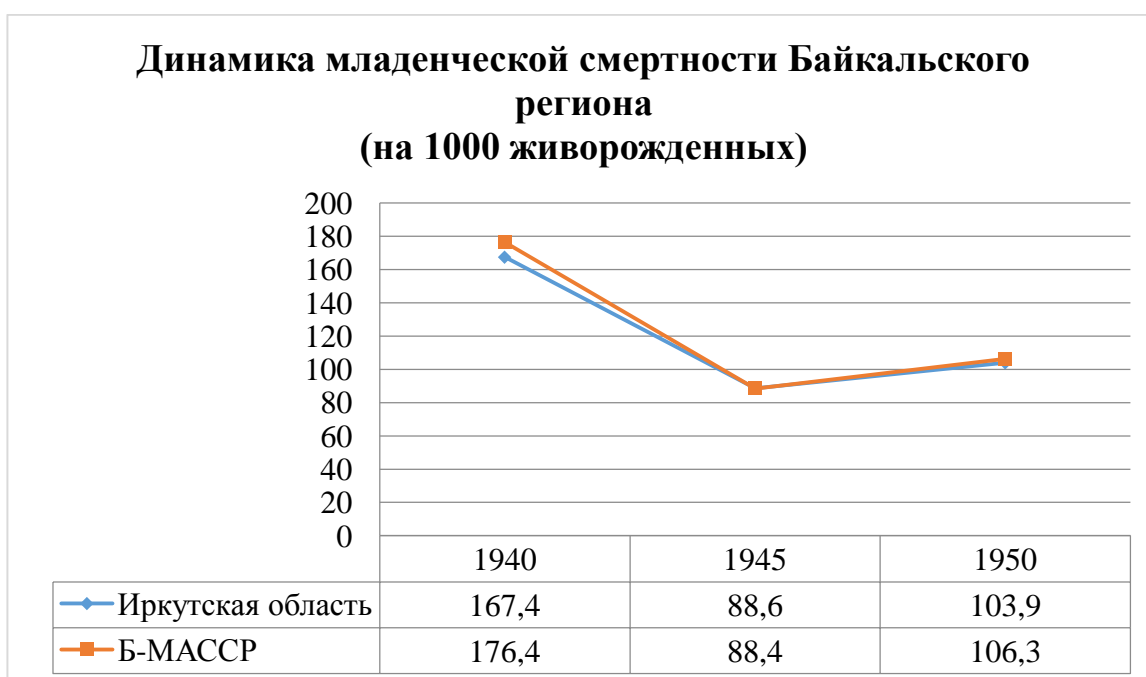

Рис. 3. Динамика младенческой смертности Байкальского региона
(на 1000 чел. населения)²

¹ За строкою цифр: к 95-летию Иркутской статистики Иркутск: Иркутскстат, 2015. С. 15–16.

² Память о великом подвиге: цифры и факты. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Иркутск: Иркутскстат, 2020. С. 23.

В период восстановления народного хозяйства СССР социальная политика в области института материнства и детства была направлена, прежде всего, на улучшение материального положения семьи.

Проблема материального благосостояния многих семей после войны оставалась нерешенной. После отмены карточной системы и денежной реформы наблюдался резкий скачок цен на товары. В среднем цены стали выше, чем в довоенное время. Заработная плата в колхозах варьировалась в районе 8–10 руб., а у большинства рабочих была немногим выше. В итоге многие семьи оказались в сложной ситуации. Правительством были введены регулярные обследования семейных бюджетов. Но если в центральной части страны они уже проводились с 1950 г., то в Иркутской области подобная мера была введена в 1952 г., а в Бурятии – еще позднее. Доходы семей в основном уходили на питание и состояли из заработной платы, пенсий, пособий, стипендий. Иных доходов чаще всего в семьях не было.

Архивные данные, подтверждающие сложные материально-бытовые условия семей, отчетливо коррелируют с воспоминаниями. Н. Ф. Безносова, уроженка г. Зима Иркутской области, так вспоминает свое послевоенное детство: «Мне было 12 лет, когда закончилась война. Мать работала на ферме, а отец вернулся из ИТЛ только в 1947 г. Все хозяйство было на плечах матери и старшего брата. Все свободное время проводили на ферме, помогала матери доить коров и чистить коровник. Старший брат Анатолий получал образование машиниста в другом городе, поэтому помощь мог оказывать только в выходные дни. Нам повезло с тем, что был собственный дом, построенный своими силами еще до войны. Отопление было печное, топили по два раза в день, чтобы поддерживать температуру. Хозяйство было небольшое – куры, кролики, две свиньи и одна корова. Был большой огород. Выращивали все овощи. Колхоз выделял поля под посадку картофеля и сенокос. С 10 лет приходилось помогать матери во всем, умела готовить, ухаживать за скотом. Когда в 1947 г. вернулся из лагеря репрессированный отец, стало намного легче. Но здоровье у него было

очень сильно подорвано, поэтому тяжелые работы ему давались с трудом. Сами пекли хлеб, жили за счет тех продуктов, которые выращивали сами»¹.

Н. В. Слесарева, проживающая в г. Нижнеудинске Иркутской области, примерно так же оценивает послевоенное время: «Жили в собственном доме и вели свое хозяйство. Женщины работали на железной дороге, на кондитерской фабрике, кирпичном заводе. Не было таких мест, где бы они не работали. Родители работали в ремонтных мастерских железнодорожной станции. В период мобилизации отца не забрали на фронт из-за состояния здоровья. Поэтому нашей семье было легче, чем многим другим – в семье были мужские руки. Мать всегда говорила, что если бы отец ушел на фронт, то она бы сама с трудом потянула хозяйство и двоих детей»².

При невысокой заработной плате серьезным бременем для семьи в послевоенный период являлись налоговые выплаты. Налог с дохода был установлен на основании Указа от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения». Налог был прямо пропорционален размеру месячного заработка. Минимальная сумма налогообложения при доходе ниже 151 руб. составляла 2,25 руб. Помимо этого Указом от 10 апреля 1942 г. «О местных налогах и сборах» сохранялись налоги на строения, на земельную ренту, сбор с владельцев скота, транспортных средств, а также разовый сбор на колхозных рынках³.

Стоит отметить, что вдовы, которые потеряли своих мужей на фронте, были освобождены от уплаты налога на холостяков, одиноких и небольших семей только с 1 января 1954 г.⁴ До этого времени налог «на холостяков» взимался в размере 5 руб. в месяц при зарплате до 150 руб., а при более высоком заработке в размере 5 % от доходов.

---

¹ Интервью с Н. Ф. Безносовой // Личный архив Д. А. Бурдиной.

² Интервью с Н. В. Слесаревой // Личный архив Д. А. Бурдиной.

³ Указ Президиума ВС СССР от 10.04.1942 о местных налогах и сборах // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 49.

⁴ Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Росспэн, 2020. С. 154.

В 1947 г. вышел новый Указ о размере государственного пособия для многодетных и одиноких матерей. Начиная с 1 января 1948 г., ежемесячные и единовременные пособия начали выплачиваться в зависимости от количества детей в семье. При рождении третьего ребенка единовременно выплачивалась сумма в 200 рублей, а при четвертом – 650 рублей, а также ежемесячное пособие в размере 40 рублей. С увеличением количества детей суммы пособий растут¹. Одиноким матерям на воспитание и содержание детей выплачивалась пособие в размере 50 руб. на одного ребенка, 75 – на двух детей и 100 руб. – на трех и более детей. С 1949 г. для одиноких матерей предусматривались льготы на содержание ребенка в детском саду при условии, что доход в семье не превышает 600 руб. в месяц².

Женщины с малолетними детьми, включая матерей-одиночек и вдов фронтовиков, находились в более сложной ситуации. Они вынуждены были работать в колхозах и на заводах для того, чтобы обеспечить свою семью, а также дополнительно заниматься домашними работами для более состоятельных соседей в ночное время. В то же время крестьянские семьи не только производили сами продукты питания, но и удовлетворяли нужды в одежде и обуви. Они самостоятельно ткали холсты и выращивали лен, а также шили одежду, плели кружева и вязали чулки и носки, поскольку в сельской местности практически не было возможности приобрести готовую одежду³.

Во всех семьях материальные проблемы во многом решались за счет личных усилий. Молодые девушки умели рукодельничать, в том числе вышивать, прясть и вязать, и получали эти навыки от старшего поколения. Так как взрослые главным образом заняты были на колхозах и на производстве, бытовые задачи целиком лежали на плечах детей. Их обязанности включали уборку дома,

---

¹ Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Росспэн, 2020. С. 158.

² Там же. С. 154.

³ Ковригина С. В. Деревенская женщина в контексте советской повседневности в послевоенный период // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные проблемы развития регионов Сибири. 2013. Т. 1. С. 112.

уход за огородом и скотом. Взрослые доверяли сбор урожая и ловлю рыбы старикам и детям.

Проблемы семьи и детства, связанные с обучением в школе, были обусловлены низким уровнем материально-технической базы и недостатком квалифицированных кадров. После Великой Отечественной войны вопросы улучшения педагогической работы и введения семилетнего обучения вновь были актуализированы. Война внесла свои коррективы в программы обучения. Потребовались дополнительные усилия и ресурсы, чтобы доучить детей, которые вновь вернулись в школы, дополнительно обучить взрослых, которые не успели получить образование до войны. В январе 1946 г. состоялось заседание бюро Обкома ВКП(б) и Облисполкома Иркутской области, на котором проанализировали работу органов народного образования по проведению всеобщего обучения и разработали меры для улучшения материального положения учителей. Перед местными органами власти была поставлена задача взять под контроль материально-техническое состояние школ и условия жизни учителей. Контролировать данный участок работы должны были члены бюро партийных комитетов, а также представители районных отделов народного образования. С этой целью они обязывались совершать совместные рейды для контроля состояния школ и условий жизни педагогов. К решению проблемы привлекались в соответствии с этим решением ресурсы организаций и предприятий региона.

Выполняя постановление, РК ВКП(б) Иркутского сельского района в 1946 г. провел анализ условий в школах и жилищах учителей. По итогам проверки были приняты конкретные решения по ремонту школ и домов, обеспечению топливом, продуктами питания и промтоварами. Совместно с колхозами района, организации решили предоставить учителям огороды и участки для сенокоса. Однако анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что комплексного решения эти вопросы в области до конца исследуемого периода не нашли.

С решением вопросов по укреплению материальной базы в школах и в целом условий обучения и улучшения бытовых условий учителей было связано

повышение качества работы всей системы образования. Отчеты Министерства образования республики за первое полугодие 1951/52 учебного года указывали на низкий уровень учебно-воспитательной, внешкольной и внеклассной работы с учащимися. Большинство учащихся испытывали трудности с основными предметами, такими как русский язык и математика. Успеваемость учащихся составляла только 76 % (68 533 из 90 386 учащихся), причем успеваемость была особенно низкой в школах Окинского, Торейского и Тункинского аймаков – 66 %, 70,5 % и 70,7 % соответственно¹. В отчете министерства указывается, что в соответствии с планом аймисполкома Тункинского района и его отдела народного образования обучением должно быть охвачено только 82,3 % детей, 541 учащийся не продвигается на следующий учебный год. Никаких мер для ликвидации неграмотности и обучения письменности бурятского населения на русском языке в аймаке не проводилось².

Обучение в школе проходило далеко не в комфортных условиях. Например, по воспоминаниям А. И. Круглова, обучающегося в 1952 г. в начальной школе с. Листвянка Иркутской области, школа находилась в здании церкви, уюта не было, всегда было холодно. Классы были маленькие по площади, и зачастую детям приходилось сидеть на подоконниках, поскольку парт на всех не хватало³. К тому же за годы войны здания школ не ремонтировались, они либо не были пригодны к эксплуатации, либо нуждались в капитальном ремонте. Но для ремонта не было необходимых материалов.

В сельской местности вопросы, связанные с обслуживанием школьных зданий, можно было решить только с помощью колхозов. Формально школы были подчинены Министерству образования, но в то же время с точки зрения материального обеспечения полностью зависели от активной деятельности органов власти на уровне района и колхоза, где они находились. Однако возможности колхозов были ограничены: даже спустя восемь лет после окончания

---

¹ ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 721. Л. 168.

² Там же. Д. 703. Лл. 114–115.

³ Интервью с А. И. Кругловой // Личный архив Д. А. Бурдиной.

войны на 1 июля 1953 г. в Иркутской области из 685 колхозов 302 были отнесены к экономически слабым. Поэтому проблемы школы решались учителями, родителями, часто совместно с детьми. Регулярные проверки школ, отчеты о которых отложились в архивах, показывают, что главным в деятельности родительских комитетов являлись вопросы материального обеспечения. Школы в сельской местности обогревались печным отоплением, и отсутствие или плохое качество дров являлись основной проблемой, из-за которой занятия отменялись в сильные морозы, поэтому успеваемость учащихся не являлась первостепенным вопросом.

К началу 1950-х гг. только 25 % отдаленных школ имели достаточное количество учебников и наглядных пособий. Средние школы не имели специализированных кабинетов для химии, биологии и физики, а те, что были, не имели лабораторного оборудования. Государство уделяло особое внимание развитию физкультуры и спорта среди школьников, но даже по этим дисциплинам невозможно было вести полноценное обучение, поскольку в сельских школах не было спортивных залов. Занятия проводились только на тех немногих спортивных площадках, которые существовали. Вопросы обеспечения школ спортивным инвентарем не носили в послевоенный период приоритетного характера, школы вынуждены были самостоятельно его изготавливать. Как вспоминает Т. В. Котельникова, в Заларинской школе учебники были ценными и выдавались централизованно. Использование чернил было затруднительным. Тетради централизованно распределялись в районе по школам, их невозможно было приобрести в магазинах. Обычно они были грифельными и многоцветного использования. Не имелось в достаточном количестве даже мела, поэтому его приходилось самим делать из извести. Из-за проблем с освещением первые занятия проводились по физкультуре. Из-за отсутствия спортивной площадки занятия проходили прямо в классе, а зимой иногда катались на самодельных лыжах. По этой причине занятия по физической культуре часто отменялись.

При этом архивные документы свидетельствуют, что контроль за деятельностью школ осуществлялся достаточно регулярно. Комиссии приезжали

из области и райцентров, проживали на территории нахождения образовательного учреждения, при этом питались зачастую за счет ресурсов школ, а в некоторых организациях учителям приходилось самостоятельно обеспечивать питание проверяющих. Нужно также отметить, что среди работников районных отделов народного образования в Байкальском регионе был достаточно низкий процент имеющих высшее образование. В Иркутской области он составлял всего 28 %¹.

Повышение качества образования детей во многом зависело от грамотной организации учебного процесса, а также от квалификации преподавателей. С одной стороны, учителя были обязаны помогать отстающим учащимся, но количество индивидуальных консультаций не регламентировалось, и они не оплачивались. Учителя должны были пройти курсы повышения квалификации в районных центрах во время летних каникул, в разгар сельскохозяйственных работ. Поэтому многие учащиеся, особенно из отдаленных деревень Среднего и Нижнего Приангарья, не успевали осваивать программу из-за недостаточной подготовки учителей, что также являлось одной из причин низкой успеваемости детей.

Как уже отмечалось, деятельность детских учреждений в сельской местности во многом зависела от помощи со стороны колхозов. Первые послевоенные годы были чрезвычайно сложными в сельском хозяйстве Байкальского региона. Производительные силы многих коллективных хозяйств были подорваны непосильными для них обязательными поставками государству, а затем ситуация еще более осложнилась из-за неблагоприятных погодных условий. При этом имеющийся необходимый продукт в хозяйствах часто распределялся в интересах небольших привилегированных групп. В 1946–1953 гг. встречается множество случаев присвоения колхозных средств председателями или руководителями. Например, руководство Боханского аймака и их приближенные при-

---

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 30. Д. 62. Л. 58.

сваивали колхозные продукты и продавали их на рынке¹. Подобные ситуации были частыми – в Черемховском, Тайшетском, Балаганском районах. В том же 1946 г. в г. Иркутске за счет местных жителей, а также учреждений для детей и организаций здравоохранения формировался фонд подарков для детей партийных работников. Всего было собрано 47 индивидуальных майских подарков. В них были включены масло, печенье, конфеты, сгущенка, рыбные консервы, рыба копченая и соленая². В это же время многие жители Иркутска не могли воспользоваться продовольственными карточками для получения минимального набора продуктов. Стоит также отметить, что в детских домах города находились дети, которые питались одной лапшой и ели из консервных банок, не зная о том, каковы на вкус конфеты. Поэтому злоупотребления в системе распределительных отношений также являлись одним из факторов, косвенно влиявших на реализацию политики в области поддержки материнства и детства.

Вопрос защиты здоровья матерей и детей являлся одним из наиболее значимых в социальной сфере. После окончания войны приоритетным направлением было устранение серьезных проблем в области здравоохранения, связанных с последствиями войны. Это привело к существенному улучшению медицинского обслуживания населения. Несмотря на достигнутый прогресс, как отмечает А. И. Малоземова, оставались нерешенные вопросы, включая задержки в госпитализации нуждающихся и недостаточную координацию между больницами и поликлиниками³.

Динамика численности учреждений здравоохранения представлена на рис. 4. Из них видно, что количество больниц и поликлиник в исследуемый период росло. При этом в Иркутской области рост был более заметен, чем в Бурятии.

---

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 572. Л. 260–262.

² Там же. Д. 271. Лл. 42–43.

³ Малоземова А. И. Из истории здравоохранения в Иркутской области / А. И. Малоземова. Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 1961. С. 175.

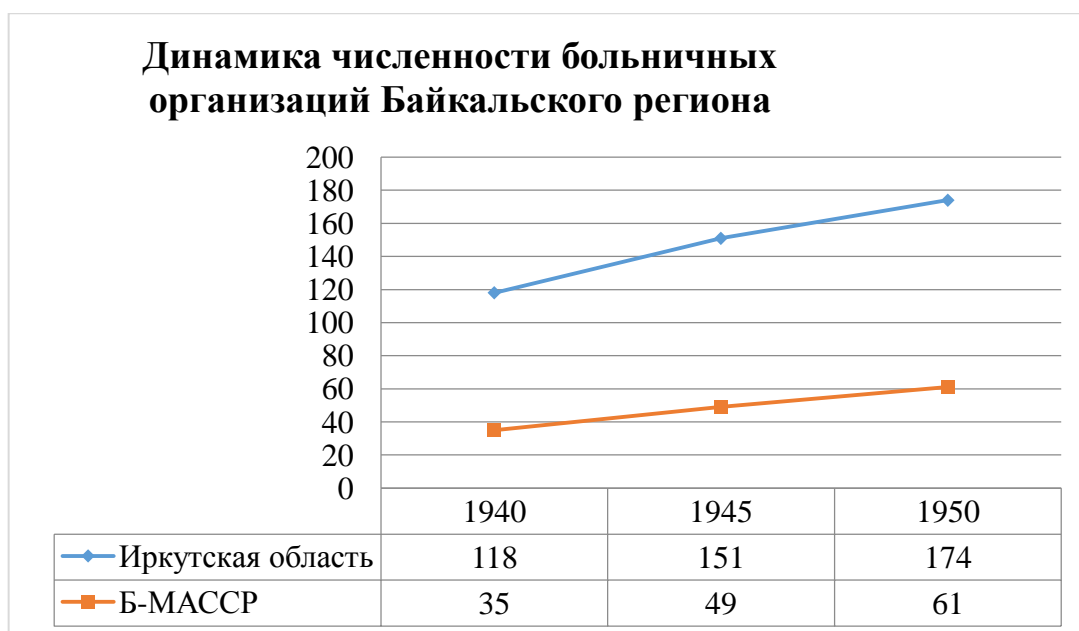

Рис. 4. Динамика численности больничных организаций Байкальского региона¹

Представленные данные свидетельствуют о сохраняющейся тенденции расширения сферы здравоохранения. Численность больничных организаций по Иркутской области выросла со 151 в 1945 г. до 174 в 1950 г., а в Бурятии аналогичные показатели составили соответственно 49 и 61.

Количество амбулаторно-клинических в Байкальском регионе оставалось практически на довоенном уровне, о чем свидетельствуют данные рис. 5.

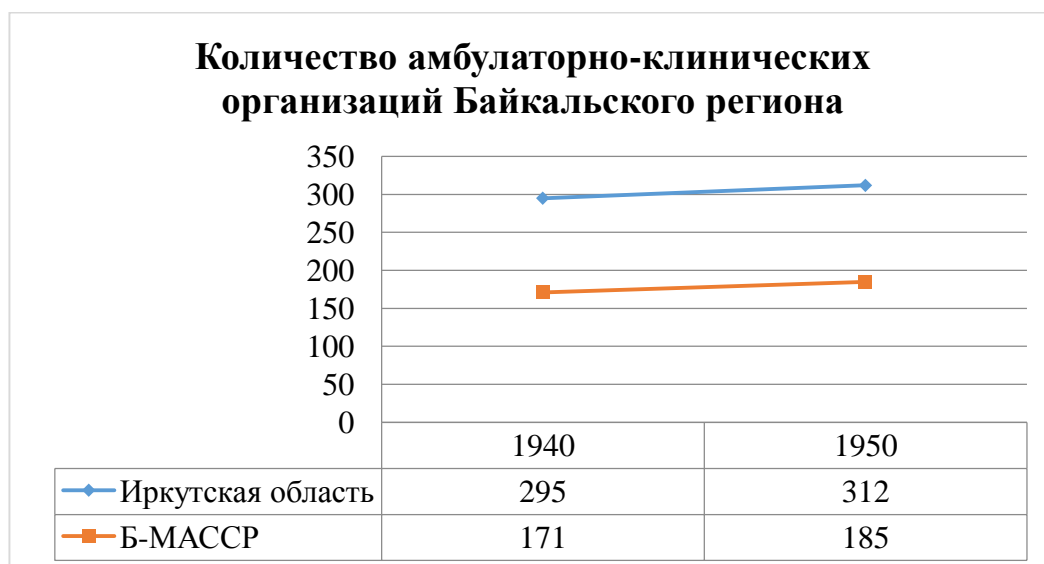

Рис. 5. Количество амбулаторно-клинических организаций Байкальского региона²

¹ За строкою цифр: к 95-летию Иркутской статистики Иркутск: Иркутскстат, 2015. С. 15–16.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 271. С. 22.

Указанный рост не является прямым свидетельством улучшения качества работы. В среднем, на 10 тыс. населения региона в 1950 г. приходилось 15 врачей. По сравнению с 1945 г. этот показатель вырос на треть, но все еще не мог в полной мере удовлетворить потребности населения в качественном медицинском обслуживании. Хотя представленная динамика не отражает напрямую качество медицинского обслуживания непосредственно матерей и детей, тем не менее она свидетельствует о положительной тенденции, что не могло не отразиться на защите института материнства и детства. Несмотря на многие проблемы в системе здравоохранения, которые были устранены только в 1960-х гг., показатели послевоенного периода свидетельствуют о значительных бюджетных вложениях государства в эту сферу, что находит отражение и в данных по Байкальскому региону.

Значительной проблемой послевоенного времени стала борьба с туберкулезом. В 1947 г. только по Иркутской области было зарегистрировано 6133 больных, а через год это количество увеличилось до 10 419. В связи с этим предпринималась попытка расширения сети туберкулезных диспансеров. Из 42 районов области данные учреждения функционировали в 18. Новорожденным зачастую противотуберкулезные прививки ставили несвоевременно. Так, из 12 121 новорожденного в 1949 г. прививки получили 6301 человек¹. По итогам 1950 г. вакцинацию прошли лишь 52 % новорожденных. В самом городе Иркутске было привито 95 % младенцев². Проверки в школах показали, что туберкулезной инфекцией болеют около 30 % детей, в связи с чем значительно возросла и детская смертность по Восточной Сибири³.

Относительно детских заболеваний туберкулез оставался в послевоенный период наиболее острой проблемой. В 1947 г. в Иркутске 30 % детей школьного возраста были заражены туберкулезом. Это привело к резкому увеличению детской смертности, которая достигла 20 %. В течение 1940-х гг. уровень

---

¹ Шалак А. В. Условия жизни и быт Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / А. В. Шалак. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1998. С. 47.

² ГАИО. Ф. Р-1893. Оп. 3. Ед. хр. 92. Л. 12.

³ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 51. Д. 13. Л. 16.

смертности от туберкулеза оставался на очень высоком уровне. В марте 1947 и 1948 гг. были случаи заболевания тифом в 14 районах и пяти городах Иркутской области, но все вспышки были успешно остановлены при 95 и 92 заболевших соответственно. В 1949 г. было зарегистрировано 22 очага эпидемии сыпного и брюшного тифа в детских учреждениях области¹.

Высокий уровень инфекционных заболеваний был обусловлен общим состоянием социально-бытовой инфраструктуры, санитарным состоянием городов и населенных пунктов. Санитарно-гигиеническое дело с июня 1948 г. получило новый виток развития. Постановлением Совета Министров Бурят-Монгольской АССР № 443 от 2 декабря 1948 г. и приказом Минздрава Б-МАССР № 10 от 14 января 1949 г. учреждалась в Бурятии санитарно-эпидемиологическая станция III категории. Борьба с заболеваемостью легла на плечи ее сотрудников.

Поддержка советских семей после Великой Отечественной войны была многоуровневой и включала в себя строительство жилья, финансовую и медицинскую помощь, разнообразные культурные мероприятия.

В послевоенное время в семьях особую роль играл труд. В Иркутской области и Бурятии среднегодовая выработка в сельском хозяйстве увеличилась до 303 трудодней в 1950 г. по сравнению с 264 трудоднями в довоенное время. Привлечение детей к труду имело идеологическое сопровождение. Советская пропаганда утверждала, что только усердный труд позволяет человеку улучшить реальную жизнь. В результате у членов семьи формировалось чувство ответственности за свою работу и за своих близких, что способствовало утверждению этики труда в обществе. Все это не могло не отразиться на процессе воспитания подрастающего поколения, а также его духовном облике.

Важно отметить, что кроме законодательных и финансовых мер, направленных на защиту института материнства и детства, большое внимание этой проблеме

---

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 159. Оп. 6. Д. 298. Лл. 2–3, 27.

уделялось в пропаганде и идеологической работе, что находило регулярное отражение в областных и районных газетах Байкальского региона. Нельзя не отметить, что постепенно решение проблем детства стало связываться и с морально-нравственными ориентирами советского общества. Активная советская пропаганда также являлась важным инструментом привлечения общественности к защите института материнства и детства.

К концу изучаемого периода в Иркутской области и Бурятии большинство семей с детьми имели стабильное социально-экономическое положение, благодаря не только индивидуальному труду, но и мерам, принимаемым на государственном уровне, а также поддержке общественности. Для многодетных семей сохранялись и расширялись меры социальной поддержки, особое внимание уделялось матерям-одиночкам. Восстановление экономики после войны было приоритетным направлением, поэтому каждая семья стремилась внести свой вклад в развитие страны и улучшение жизни населения для будущих поколений. Важно отметить, что поддержка советских семей после Великой Отечественной войны осуществлялась не только со стороны государства. Многие семьи также получали помощь от других граждан, организаций и общественных объединений. Деятельность в области поддержки института семьи, материнства и детства являлась одновременно важной составной частью процесса восстановления страны после войны.

Одним из приоритетов социальной политики после войны стало развитие жилищного строительства. В годы войны жилищное строительство практически не велось, при этом в Сибирь прибыли более 900 тыс. человек. Широкое развитие стало приобретать индивидуальное жилищное строительство, которое велось при финансовом участии государства (рис. 6). После окончания войны у большинства людей не было достаточных финансовых сбережений для покупки хотя бы небольшого дома. Государство предлагало кредиты под 1 % на 10–12 лет, но их выдача была ограничена суммой до 20 тыс. рублей. На получение кредита могли рассчитывать только те граждане, кто имел достаточно высокие

доходы. Большинство же граждан могли улучшить свои жилищные условия, только опираясь свои силы.

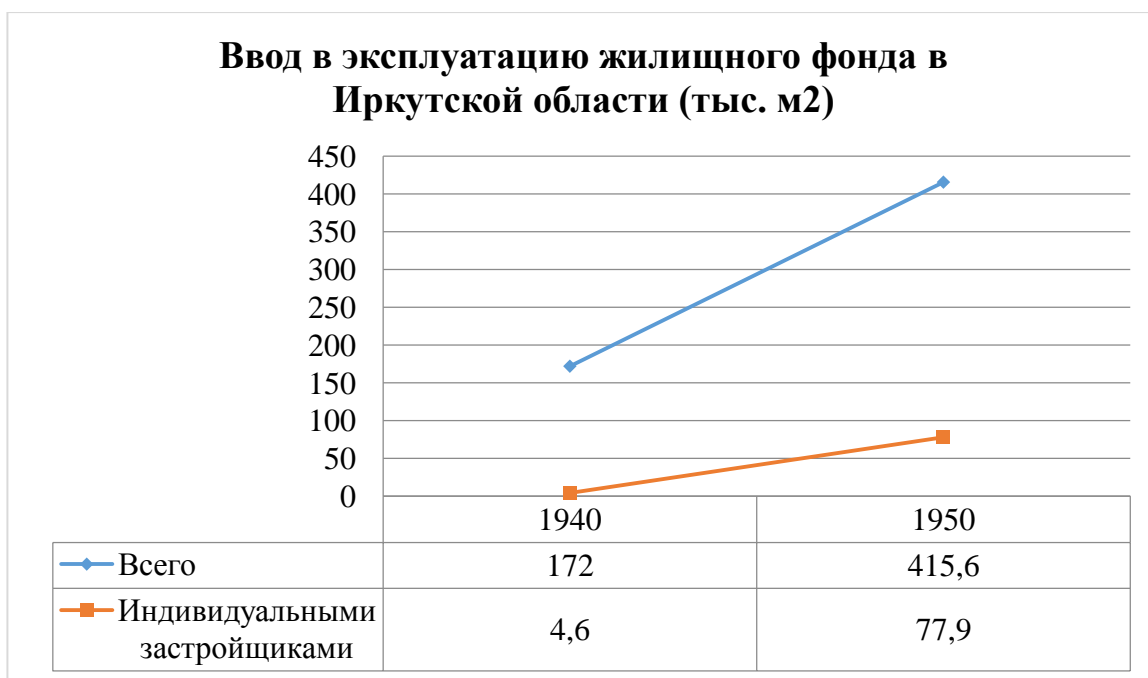

Рис. 6. Ввод в эксплуатацию жилищного фонда в Иркутской области (тыс. м²)¹

В качестве примера можно привести Иркутскую область, где жилищное строительство, как государственное, так и частное, велось высокими темпами. К 1946 г. было построено 1451,7 кв. м. жилплощади для различных категорий населения, а к 1951 г. объемы жилищного строительства увеличились в два раза. Если в первые послевоенные годы большая часть жилья строилась жителями региона, то к началу 1950-х гг. доля государственных организаций в строительстве жилья значительно выросла². Схожая картина наблюдалась и в Бурятии. Подобные темпы роста жилищного строительства явно не отвечали потребностям и нуждам населения. Несмотря на то, что в годы войны регион являлся тыловым районом, к середине 1950-х гг. города и деревни Восточной Сибири выглядели запущенными, многие дома нуждались в ремонте, а количество разрушенных зданий было очень большим.

¹ За строкою цифр: к 95-летию Иркутской статистики Иркутск: Иркутскстат, 2015. С. 23.

² Долголюк А. А. Индивидуальное жилищное строительство в Сибири в 1946–1970 гг. // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. Новосибирск: Параллель, 2008. С. 83.

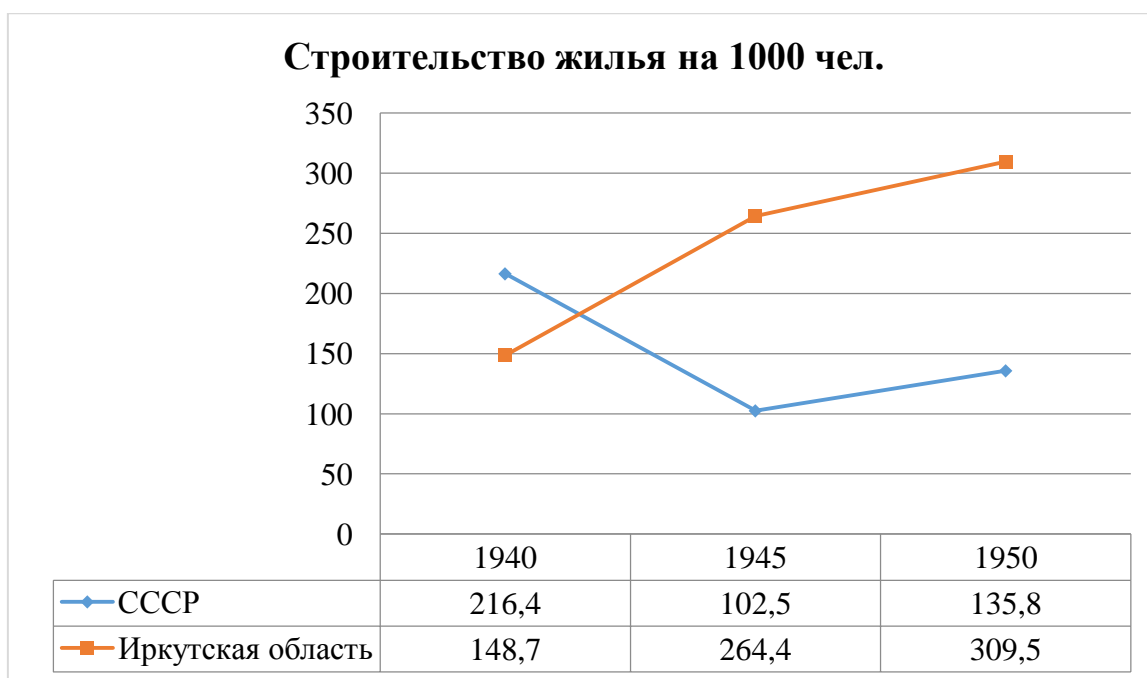

Рис. 7. Строительство жилья (тыс. м² на 1000 чел.)¹

Из рис. 7 видно, что темпы строительства жилья в регионе к 1950 г. опережали союзные показатели более чем в 2 раза. Однако такие темпы достигались за счет введения в эксплуатацию бараков и индивидуального жилья, не оснащенных канализацией и водопроводом. В Иркутской области 17,4 % жилой площади составляли бараки, в Бурятии этот показатель был чуть выше – 18,9 %. Проживание семей с детьми в подобном жилье вызывало массу трудностей, связанных с обеспечением санитарно-гигиенических условий и необходимостью подвоза воды.

Таким образом, в послевоенный период институт семьи и детства не занимал столь приоритетное положение в социальной политике государства, как в годы войны. Наибольшее влияние на положение семей оказывало качество жилищных условий, дефицит кадров, специализирующихся на детских заболеваниях в системе здравоохранения, а также в образовании. Косвенное влияние на материальное положение семей оказывали злоупотребления в системе распределения продуктов и промышленных товаров. Решение многих социальных проблем в регионе по-прежнему осуществлялось не на основе единого ком-

¹ За строкою цифр: к 95-летию Иркутской статистики Иркутск: Иркуткстат, 2015. С. 23.

плексного подхода, а разрозненными усилиями органов власти, предприятий, колхозов и организаций, а также усилиями общественности.

Проблемы реализации социальной политики в Иркутской области и Бурятия в послевоенный период были обусловлены недостатком ресурсов, нехваткой квалифицированных специалистов. Это создавало трудности в улучшении условий жизни, доступности социальных услуг и обеспечении социальной защиты населения. Несмотря на эти сложности, политика в отношении института материнства и детства после войны в целом имела положительную динамику, социально-экономическое положение большинства семей с детьми в Байкальском регионе оставалось стабильным. Меры социальной поддержки многодетных семей продолжали сохраняться и расширяться, а материальное положение матерей-одиночек получало особое внимание. Народное хозяйство восстанавливалось, и каждая семья стремилась внести свой вклад в развитие страны и создание улучшенных условий для будущих поколений.

Среди положительных тенденций, оказавших существенное влияние на состояние института семьи и детства, следует отметить рост численности учреждений здравоохранения и образования, которые были необходимы для обеспечения базовых потребностей семей с детьми, выравнивание демографических показателей на довоенный уровень, уменьшение младенческой смертности, снижение уровня безнадзорности и беспризорности в стране и регионах. В качестве позитивной тенденции следует также отметить деятельность по вовлечению населения в решение социальных проблем, формирование особого менталитета советского человека, готового прийти на помощь к нуждающемуся соотечественнику. Такая установка, формулируемая на основе господствующей идеологии, соответствовала цивилизационному своеобразию российского общества, обеспечивала коллективное, а не индивидуальное, выживание, что позволяло сглаживать многие проблемы, связанные с общей отсталостью социально-бытовой инфраструктуры в данный конкретно-исторический период.

Социальная политика в области материнства и детства в 1945–1953 гг. стала продолжением системного курса советской социально-экономической

политики, начатой еще в конце 1930-х гг. В Иркутской области и Бурятия имелись общие черты в практической реализации данного курса. Институт материнства и детства имел значительную поддержку со стороны государства, помощь носила адресный характер, но для нуждающихся семей она была крайне необходима. Развитие системы образования, здравоохранения, обеспечение детей, оставшихся без попечения родителей, борьба с беспризорностью, решение бытовых проблем семьи долгое время были главными задачами органов власти Байкальского региона, даже частичное решение которых способствовало улучшению демографических и экономических показателей в стране.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государственный общеполитический курс всегда ориентирован на развитие различных аспектов жизни страны и ее граждан. Основным элементом такого курса является социальная политика, направленная на повышение уровня жизни населения, его благополучие и поддержку разных социальных слоев. В общем понимании социальная политика представляет собой специфический способ удовлетворения потребностей граждан, а в узком – инструмент для контроля социальных противоречий и согласования интересов различных групп населения.

В ходе реализации социальной политики реформированию и модернизации подвергаются условия жизни населения. Такие секторы, как здравоохранение, образование, социальная инфраструктура, условия труда, личные доходы и демографические процессы, претерпевают изменения. Особое внимание при осуществлении социальной политики уделяется поддержке женщин и детей. Важнейшим этапом в становлении советской социальной политики в области материнства и детства стало принятие Конституции СССР в 1936 г. В отношении института семьи и детства были сформулированы новые задачи в области здравоохранения, образования и воспитания подрастающего поколения.

Оценивая проблемные вопросы социальной политики к середине 1930-х гг., нужно учитывать, что перед государством стояла непростая задача по реформированию практически всех аспектов данной сферы. Решение этих задач напрямую было связано с защитой и развитием института материнства и детства. Требовалось реализовать комплекс мер по социальным гарантиям для родивших женщин, отдельные меры поддержки матерей-одиночек, многодетных семей. Существовала высокая потребность в женских консультациях, родильных домах, детских медицинских учреждениях, кадровом ресурсе для них. Необходимо было стабилизировать санитарно-эпидемиологическую обстановку, нейтрализовать угрозы социальных болезней, прежде всего туберкулеза. Оставались нерешенными многие проблемы борьбы с безнадзорностью и бес-

призорностью. Требовалось серьезно укрепить материальную базу детских учреждений, организовать систему воспитания и обеспечения детей-сирот. Оставалась нерешенной проблема кадрового потенциала для системы детских учреждений, а также рационального расходования бюджетных средств в этой сфере. Образовательная политика в отношении подрастающего поколения осложнялась многонациональным составом населения региона. Соотношение русского и национальных языков, сохранение культуры этносов, провозглашенное при создании СССР, требовало отдельной проработки всех воспитательных и образовательных моментов для каждой отдельной территории.

Для поддержки и защиты института материнства и детства был разработан комплекс мероприятий в рамках социальной политики. В регионе, как правило, местные власти пролонгировали задачи, спускаемые центральными органами власти. Внимание уделялось женщинам и детям, как одной из наиболее уязвимых групп. Система государственных мер включала в себя различные пособия, награды и способы поддержки многодетных и одиноких матерей. Важно отметить, что меры в области защиты материнства и детства имели идеологическое и пропагандистское сопровождение. На протяжении всего исследуемого периода советская пропаганда подчеркивала важность семьи и будущего поколения для развития коммунистического общества, что отчетливо прослеживается в местной прессе. Защита материнства и забота о детях культивировались и в системе здравоохранения, образования и социального обеспечения.

Реализация социальной политики требовала значительных инвестиций финансовых, правовых и административных ресурсов. Проводимые меры социальной политики часто не достигали результатов из-за недостаточного уровня их ресурсного обеспечения, а также из-за приоритетности решаемых хозяйственных проблем, особенно в годы войны. В довоенный период не удалось решить вопросы, связанные с планировкой населенных пунктов и организацией водоснабжения. Значительная часть населения потребляла воду из рек и озер, в которые нередко сваливался весь сельский мусор. Употребление такой воды сопровождалось инфекционными заболеваниями, в том числе и тифом.

Медицинское сопровождение института материнства и детства осложнялось тем, что учреждения здравоохранения базировались в основном в городской местности. В 1939 г. в г. Улан-Удэ действовали четыре детские поликлиники и две республиканские больницы, в то время как в сельской местности порой не было даже фельдшерских пунктов, куда могли обратиться местные жители. Не удалось в регионе реализовать идею масштабного строительства бань. Согласно Конъюнктурному отчету о состоянии противоэпидемической работы в Иркутской области за 1938 г., банные установки отсутствовали во многих районах. Население продолжало топить сельские бани, оборудованные по-черному. В Усть-Ордынском округе население посещало бани один-два раза в год, что было самым низким показателем по всему Байкальскому региону. Идея создания колхозных бань не увенчалась успехом, поскольку так и не были представлены конкретные инструкции по реализации проекта, поэтому санитарно-эпидемиологическая ситуация во многих местностях региона оставалась сложной, а инфекционные заболевания наиболее тяжкие последствия имели прежде всего для детей.

Актуализация социальной политики в 1930-е гг. в Байкальском регионе предъявила к местным органам власти особые требования в решении этих новых направлений деятельности. Поддержка материнства и детства, создание условий для воспитания подрастающего поколения и защиты детей, лишенных попечения родителей, формально входили в число приоритетных задач. Однако на практике таковыми они являлись для большинства местных органов власти далеко не всегда. Невыполнение многих задач в области укрепления института материнства и детства в предвоенный период не могло не отразиться на его функционировании в последующие годы.

Социальная политика в отношении материнства и детства в период Великой Отечественной войны была одной из самых важных и ответственных задач органов власти. Вовлечение женщин в народное хозяйство региона потребовало быстрого расширения сети детских дошкольных учреждений, в том числе и в сельской местности. Одновременно это было связано с прибытием в регион

значительного контингента эвакуированных семей из западных районов страны. Для многих детей детские учреждения стали единственным местом, где они могли получить образование и заботу. Изначально детские сады в годы войны устраивались в школах, пионерлагерях, домах культуры и просто в квартирах обычных жителей. Тем не менее педагоги и воспитатели делали все возможное, чтобы создать в детских садах атмосферу безопасности и радости. В них проводились занятия по гимнастике, труду, музыке и рисованию. Дети учились считать и читать, знакомились со многими историческими событиями.

В период Великой Отечественной войны помощь семьям с детьми не ограничивалась лишь государственной поддержкой. Органы власти постоянно обращались к гражданам с просьбами оказать помощь в сложных ситуациях, а также семьям военнослужащих и детям-сиротам, которые в наибольшей степени нуждались в поддержке. К таким видам поддержки со стороны граждан СССР можно отнести:

- сборы вещей и продуктов питания, чтобы помочь семьям, чьи дети остались без родителей или без кормильца;
- организация временного пребывания или приютов при предприятиях и колхозах для детей, потерявших связь с родителями или оставшихся без попечения взрослых;
- оказание материальной и психологической помощи женщинам и детям, потерявшим близких родственников;
- помощь в организации детских лагерей, где дети могли проживать в безопасности и проходить оздоровительные программы;
- опека и патронат над детьми-сиротами;
- сбор подарков в виде одежды, обуви, книг, игрушек;
- проведение благотворительных мероприятий, в рамках которых совершалось множество добрых дел: заготовка дров, сбор лекарственных растений, осуществление присмотра за детьми работающих матерей и многое другое.
- помощь в доставке продуктов питания и лекарств в дома семей с детьми.

Война реанимировала проблему, которая уже была ранее «побеждена» в стране. Одной из главных задач в социальной политике стала борьба с безнадзорностью и беспризорностью. В Байкальском регионе существовала проблема детской беспризорности, которая была характерна для всей страны. Для ее решения были задействованы различные организации, включая органы внутренних дел, прокуратуру, профсоюзы, школы и предприятия. Однако действенную систему профилактики безнадзорности и беспризорности удалось наладить только к концу войны.

После окончания войны важнейшей целью государственной политики в области материнства и детства стала стабилизация демографической ситуации и повышение рождаемости. Для этого были определены основные направления, включающие повышение социальной защищенности женщин и детей, обеспечение доступа к качественному образованию и медицинской помощи, а также развитие детских учреждений, включая детские сады, школы и медицинские учреждения.

Вопрос защиты здоровья матерей и детей являлся одним из наиболее значимых в социальной сфере. Динамика численности учреждений здравоохранения показывает, что количество больниц и поликлиник в исследуемый период росло. При этом в Иркутской области рост был более заметен, чем в Бурятии. Несмотря на многие проблемы в системе здравоохранения, которые были устранены только в 1960-х гг., показатели демографического роста в послевоенный период свидетельствуют о значительных достижениях в области рождаемости и сохранения здоровья детей, что находит отражение и в данных по Байкальскому региону.

Важнейшим направлением было обеспечение материальной помощи матерям и детям, что было достигнуто через введение ежемесячных пособий на детей в послевоенный период и возобновление выплат материнского капитала. Важно также отметить, что кроме законодательных мер, направленных на защиту института материнства и детства, большое внимание этой проблеме уделялось в пропаганде и идеологической работе местных органов власти. Нельзя

не отметить, что постепенно решение проблем подрастающего поколения стало связываться и с морально-нравственными ориентирами советского общества. Активная советская пропаганда также являлась важным инструментом привлечения общественности к защите института материнства и детства.

В Иркутской области и Бурятии большинство семей имели стабильное социально-экономическое положение благодаря не только индивидуальным усилиям, но и мерам социальной поддержки со стороны государства и хозяйствующих субъектов и организаций, а также поддержке граждан. Особое внимание при этом уделялось матерям-одиночкам. Деятельность в этой сфере можно рассматривать в качестве важной части общего процесса восстановления страны после войны.

Поддержка советских семей после Великой Отечественной войны была многоуровневой и включала в себя жилье, финансовую помощь, медицинскую помощь и культурные мероприятия. Эта поддержка не только помогала семьям выжить и восстановить свою жизнь, но и давала им надежду и веру в будущее.

Оценивая динамику социальных изменений за изученный в исследовании период, отметим ее положительный характер для Байкальского региона. Численность населения региона уже к 1950 г. практически вернулась к довоенным показателям, а в Бурятии и вовсе преодолела довоенный порог. Рост населения продолжался и на протяжении последующих лет, в чем, безусловно, заслуга социально-экономического курса, направленного на восстановление страны и улучшение материально-бытовых условий населения.

Рождаемость в послевоенный период устойчиво росла и к 1950 г. приблизилась к довоенному уровню. Таким образом, к концу изучаемого периода институт семьи в плане демографических показателей практически вышел на довоенный уровень. Это несомненный успех реализации мер, направленных на укрепление института семьи и детства после столь разрушительных последствий в годы войны, когда рождаемость в Байкальском регионе снизилась в 2,5 раза.

В изучаемый период произошло заметное уменьшение младенческой смертности, при этом показатель смертности к концу исследуемого периода оставался более низким, в сравнении с довоенным 1940 г. Этот феномен исследователями отмечается как демографическое чудо. По нашему мнению, значительное влияние на снижение младенческой смертности оказали именно меры социальной поддержки женщин с детьми, семей военнослужащих. Ослабление данных мер привело к изменению демографических показателей, и уже к 1950 гг. уровень детской смертности вырос. Даже если учитывать, что в годы войны статистические показатели могли иметь погрешности, вряд ли есть серьезные основания считать приведенные данные не соответствующими действительности.

Политика Советского государства в области материнства и детства в 1936–1953 гг. становится одним из ключевых направлений в социальном курсе страны с принятием Конституции 1936 г. В Байкальском регионе комплексное оформление политики в области материнства и детства в предвоенный период получает развитие в основном на уровне документов центральных органов власти. В то же время данная политика позволила местным органам приобрести определенный опыт, который стал основой комплексной и масштабной деятельности в области защиты материнства и детства в годы Великой Отечественной войны. Меры государственной поддержки, привлечение населения к оказанию помощи семьям военнослужащих и детям, идеологическая и пропагандистская работа в этой сфере имели огромное значение для стабилизации ситуации в регионе, моральной поддержки мобилизованных. Данная политика имела свои долгосрочные последствия для стабилизации демографических процессов в регионе, обусловленных войной. Этническое своеобразие региона больше всего нашло отражение в системе патронирования детей и помощи детям-сиротам. В послевоенный период, несмотря на сохранение общего курса политики государства в области материнства и детства, проблема его развития не имела столь отчетливого идейно-мотивационного значения, как в годы Великой Отечественной войны. Соответственно, и в деятельности местных орга-

нов власти данная проблема актуализируется в основном в области школьного образования и отчасти жилищного строительства. Однако опыт Великой Отечественной войны оказал огромное влияние на актуализацию охраны материнства и детства и в конечном итоге на формирование комплексной и масштабной деятельности в этой сфере, в том числе и на уровне региональной социальной политики.

Опыт советской социальной политики в области материнства и детства является примером решения государством этой общественно значимой задачи. Курс на развитие и защиту института материнства и детства был закреплён в Конституции СССР 1936 г. и являлся одним из наиболее значимых приоритетов в области социальной политики. Именно он потребовал решения многих проблем в области здравоохранения и образования, развития бытовой инфраструктуры. Современное общество может по-прежнему извлекать примеры решения социальных проблем из опыта советской региональной политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники

I. Государственный архив Иркутской области (ГАИО)

1. Ф. 11. Иркутская губернская рабоче-крестьянская инспекция и ее уполномоченные по уездам.
2. Ф. 155. Отдел народного образования Исполнительного комитета Верхотенского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
3. Ф. 160. Отдел народного образования Исполнительного комитета Иркутского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Иркутск.
4. Ф. 246. Отдел народного образования Исполнительного комитета Тулунского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Тулун Тулунского округа Сибирского края.
5. Ф. 265. Отдел здравоохранения Исполнительного комитета Зиминского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Зима.
6. Ф. 331. Отдел народного образования Исполнительного комитета Тулунского районного Совета депутатов трудящихся г. Тулун Иркутской области.
7. Ф. 600. Исполнительный комитет Восточно-Сибирского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Иркутск Восточно-Сибирского края 1930–1936.
8. Ф. 635. Комиссия по улучшению жизни детей Исполнительного комитета Иркутского областного Совета депутатов трудящихся г. Иркутск Иркутской области 23.03.1922 – 25.09.1938.
9. Ф. 729. Комиссия по улучшению жизни детей [Комиссия по борьбе с детской беспризорностью] (Окрдеткомиссия) Исполнительного комитета Киренского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Киренск.

10. Ф. 1121. Отдел народного образования Исполнительного комитета Киренского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Киренск Киренского округа.

11. Ф. 1928. Отдел народного образования Исполнительного комитета Восточно-Сибирского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Иркутск Восточно-Сибирского края 23.07.1930 – 08.12.1936.

12. Ф. 1929. Министерство образования Иркутской области г. Иркутск Иркутской области.

13. Ф. Р-1893. Министерство здравоохранения Иркутской области г. Иркутск Иркутской области.

14. Ф. Р-2677. Управление народно-хозяйственного учета при Плановой комиссии Восточно-Сибирского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Иркутск Восточно-Сибирского края 1930 – декабрь 1936.

15. Ф. Р-2793. Прокуратура Иркутской области Генеральной прокуратуры Российской Федерации г. Иркутск Иркутской области.

16. Ф. Р-3101. Отдел здравоохранения Исполнительного комитета Восточно-Сибирского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Иркутск Восточно-Сибирского края.

II. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ)

17. Ф. 36. Бурятский реском ВЛКСМ.

18. Ф. 40. Баргузинский райком ВЛКСМ

19. Ф. 60. Политотдел 4-го отделения ВСЖД.

20. Ф. 195. Отдел труда Прибайкальского областного ревкома.

21. Ф. П-1. Бурят-Монгольская областная контрольная комиссия ВКП(б).

22. Ф. П-2. Улан-Удэнский горком КПСС.

23. Ф. П-20. Центр документации новейшей истории Бур. АССР.

24. Ф. П-31. Кабанский райком КПСС.

25. Ф. П-36. Бурятский реском ВЛКСМ.

26. Ф. р-60. Министерство образования и науки РБ.
27. Ф. р-248. Комиссия по улучшению труда и быта женщин при ЦИК БМАССР, г. Верхнеудинск.

28. Ф. р-665. Министерство здравоохранения РБ.

29. Ф. р-840. Производственное объединение «Фармация».

III. Центр документации новейшей истории Государственного архива Иркутской области (ЦДНИ ГАИО)

30. Ф. 29. Бодайбинский районный комитет КПСС.

31. Ф. 67. Усольский городской комитет Коммунистической партии РСФСР в составе КПСС.

32. Ф. 127. Иркутский обком КПСС.

33. Ф. 159. Иркутский горком КП РСФСР в составе КПСС.

34. Ф. 169. Первичная организация КПСС ПГО «Иркутскгеология».

35. Ф. 185. Иркутский обком ЛКСМ.

36. Ф. 199. Тайшетский райком КПСС.

37. Ф. 243. Куйтунский райком КП РСФСР.

38. Ф. 263. Черемховский горком, ГК КП РСФСР в составе КПСС.

39. Ф. 1913. Восточно-Сибирский крайком профсоюза работников дошкольных учреждений и детских домов.

40. Ф. 6728. Личный фонд Ганзбург Н. А.

IV. Муниципальное казенное учреждение «Архив города Черемхово» (МКУ «Архив города Черемхово»)

41. Ф. Л-41. Трест «Черемховуголь».

42. Ф. Л-62. Шахта № 7 Треста «Черемховуголь».

V. Муниципальный архив Заларинского района.

Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 202. Л. 3.

Опубликованные источники

I. Законодательные акты

I.1. Конституция СССР: утв. Чрезвычайным VIII Съездом Советов Союза ССР 5 Декабря 1936 г. // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–

1937): сборник документов / под ред. А. Я. Вышинского. – М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. – 298 с.

I.2. Постановление ЦИК СССР № 3, СНК СССР № 598 от 07.04.1935 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. – М.: Госюриздат, 1956. – 500 с.

I.3. Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. – М.: Госюриздат, 1956. – 500 с.

I.4. УК РСФСР 1926 г. // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937): сборник документов / под ред. А. Я. Вышинского. – М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. – 298 с.

I.5. Указ Президиума ВС СССР от 19 мая 1949 года «Об улучшении дела государственной помощи многодетным и одиноким матерям и улучшении условий труда и быта женщин» // Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. – М.: Росспэн, 2020. – 718 с.

I.6. Указ Президиума ВС СССР от 10.04.1942 о местных налогах и сборах // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. – М.: Госюриздат, 1956. – 500 с.

I.7. Указ Президиума ВС СССР от 08.09.1943 «Об усыновлении» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. – М.: Госюриздат, 1956. – 500 с.

I.8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1947 года «О размере государственного пособия многодетным и одиноким матерям» // Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. – М.: Росспэн, 2020. – 718 с.

I.9. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. – М.: Госюриздат, 1956. – 500 с.

I.10. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. – М.: Госюриздат, 1956. – 500 с.

II. Периодическая печать

II.1. Больше заботы о семьях фронтовиков // Ленская правда. – 11 февраля 1943 г. – № 13 (2234). – 4 с.

II. 2. Забота о детях // Ленская правда. – 27 февраля 1942 г. – № 15 (2139). – С. 2.

II.3. Колхозная правда. – 1 мая 1942 г. – № 35 (1014) – 4 с.

II.4. Колхозная правда. – 26 июля 1942 г. – № 57 (1036) – 4 с.

II.5. Ленская правда. – 11 января 1942 г. – № 3 (2127). – 4 с.

II.6. Ленская правда. – 21 января 1942 г. – № 5 (2129). – 4 с.

II.7. Ленская правда. – 25 января 1942 г. – № 6 (2130). – 4 с.

II.8. Ленская правда. – 28 января 1942 г. – № 7 (21331). – 4 с.

II.9. Ленская правда. – 1 февраля 1942 г. – № 8 (2132). – 4 с.

II.10. Ленская правда. – 12 февраля 1942 г. – № 11 (2135). – 4 с.

II.11. Ленская правда. – 15 февраля 1942 г. – № 12 (2136). – 4 с.

- П.12. Ленская правда. – 19 февраля 1942 г. – № 13 (2137). – 4 с.
- П.13. Ленская правда. – 2 апреля 1942 г. – № 24 (2148). – 4 с.
- П.14. Ленская правда. – 5 апреля 1942 г. – № 25 (2149). – 4 с.
- П.15. Ленская правда. – 12 апреля 1942 г. – № 27 (2151). – 4 с.
- П.16. Ленская правда. – 14 мая 1942 г. – № 35 (2159). – 4 с.
- П.17. Ленская правда. – 17 мая 1942 г. – № 36 (2160). – 4 с.
- П.18. Ленская правда. – 4 июня 1942 г. – № 41 (2165). – 4 с.
- П.19. Ленская правда. – 11 июня 1942 г. – № 43 (2167). – 4 с.
- П.20. Ленская правда. – 21 июня 1942 г. – № 46 (2170). – 4 с.
- П.21. Ленская правда. – 13 сентября 1942 г. – № 68 (2192). – 4 с.
- П.21. Ленская правда. – 27 сентября 1942 г. – № 72 (2196). – 4 с.
- П.22. Ленская правда. – 11 октября 1942 г. – № 76 (2200). – 4 с.
- П.23. Ленский шахтер. – 1941. – № 98 (5049). – 4 с.
- П.24. Пособие по многодетности // Ленская правда. – 15 марта 1942 г. – № 19 (2143). – 4 с.
- П.25. Праздник трудящихся женщин // Сталинский путь. – 8 марта 1941 г. – № 21 (497). – С.1.
- П.26. Сергеев А. Борьба с безнадзорностью // Восточно-Сибирская правда. – 1945. – № 238. – С. 3.
- П.27. Сталинский путь. – 31 августа 1941 г. – № 71 (547). – С. 2.
- П.28. Сталинский путь. – 12 октября 1941 г. – № 82 (558). – С. 2.
- П.29. Сталинский путь. – 5 декабря 1941 г. – № 96 (572). – С. 2.
- П.30. Сталинский путь. – 7 декабря 1941 г. – № 97 (573). – С. 2.
- П.31. Счастливое детство // Сталинский путь. – 1 мая 1941 г. – № 36 (512). – С. 3.
- П.32. Учеба на дому // Сталинский путь. – 19 января 1941 г. – № 6 (482). – С. 2.
- П.33. Финансирование социально-культурных мероприятий // Восточно-Сибирская правда. – 1947. – № 122. – С. 4

III. Сборники документов

III.1. Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: [сб. док.] / авт.-сост.: Б. Ц. Жалсанова, М. С. Новолодская, Н. С. Барданов и др.; науч. ред. Л. В. Курас. – Иркутск: Оттиск, 2020. – 848 с.

III.2. Бурятия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сб. док. / Парт. архив Бурят. обкома КПСС; Сост. Н. Ф. Прокопьева и др. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. – 454 с.

III.3. Всё для фронта, всё для победы!: сборник документов из фондов ГАНИИО. – Иркутск: Оттиск, 2011. – 512 с.

III.4. Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и воспоминания. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2005. – 320 с.

III.5. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937): сборник документов / под ред. А. Я. Вышинского. – М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. – 298 с.

III.6. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. – М.: Госюриздат, 1956. – 500 с.

IV. Источники личного происхождения

IV.1. Дети войны: сборник воспоминаний и очерков ветеранов Иркутского регионального колледжа педагогического образования / сост. Л. Д. Свирковская. – Вып. 2. – Иркутск: ГБПОУ ИО ИРКПО, 2016. – 66 с.

IV.2. Интервью с А. И. Кругловой // Личный архив Д. А. Бурдиной.

IV.3. Из интервью с А. У. Янхаевой 1938 г.р. // Личный архив Д. А. Бурдиной.

IV.4. Интервью с А. Ф. Глушаченко // Личный архив Д. А. Бурдиной.

IV.5. Интервью с Н. В. Слесаревой // Личный архив Д. А. Бурдиной.

IV.6. Интервью с Н. Ф. Безносовой // Личный архив Д. А. Бурдиной.

IV.7. Интервью с П. П. Лазовским // Личный архив Д. А. Бурдиной.

IV.8. Из интервью с С. В. Буртоновой (1938 г. р.) 2022 г. // Личный архив Д. А. Бурдиной.

IV.9. Утюжникова, Г. И. Мои года – мое богатство... / Г. Утюжникова. – Иркутск: Оттиск, 2022. – 128 с.

V. Статистические сборники

V.1. За строкою цифр: к 95-летию Иркутской статистики. – Иркутск: Иркутскстат, 2015. – 94 с.

V.2. Память о великом подвиге: цифры и факты. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Иркутск: Иркутскстат, 2020. – 50 с.

V.3. СССР в цифрах [в 1958 году] : [краткий сборник статистических материалов]. – М.: Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР, 1958. – 469 с.

Литература

1. Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и в СССР // Историческая демография: Сборник статей / Под ред. М. Б. Денисенко, И. А. Троицкой. – М.: Демографические исследования, 2008. – С. 13–71.

2. Алексеев В. В. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны / В. В. Алексеев, В. А. Исупов. – Новосибирск: Наука, 1986. – 230 с.

3. Амосов Н. К. Забота социалистического государства о нуждах народа / Н. К. Амосов. – М.: Профиздат, 1947. – 48 с.

4. Андрейчук Д. Ю. Особенности социально-экономической политики СССР в первые послевоенные годы (1946–1953 гг.) / Д. Ю. Андрейчук // StudNet. – 2020. – № 6. – С. 639–646.

5. Андриющенко О. Е. Социальная политика СССР в отношении военнослужащих и их семей в послевоенные годы (1945–1953) / О. Е. Андриющенко, А. М. Кобзева // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2016. – Т. 10. – № 1. – С. 13–16.

6. Афанасова Е. Н. Детская беспризорность в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. Опыт реализации государственной политики в сфере социальной защиты детства. Монография / Е. Н. Афанасова. – Германия : LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 282 с.
7. Афанасова Е. Н. Изменение уровня младенческой смертности в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. – Иркутск : Байкальский государственный университет, 2013. – С. 467–473.
8. Афанасова Е. Н. История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920–1930-х гг : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Афанасова Елена Николаевна. – Иркутск, 2007. – 26 с.
9. Афанасова Е. Н. Материалы государственного архива Российской Федерации об охране материнства и детства в Восточной Сибири в 1920–1930-е гг / Е. Н. Афанасова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1-2 (51). – С. 25–28.
10. Афанасова Е. Н. Материалы региональных архивов об охране материнства и детства в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг / Е. Н. Афанасова // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 4 (99). – С. 365–370.
11. Афанасова Е. Н. Работа комиссии по улучшению жизни детей в борьбе с детской беспризорностью в 1920–1930-х гг. (на примере Иркутской области и Красноярского края) / Е. Н. Афанасова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. – Иркутск : Байкальский государственный университет экономики и права, 2010. – С. 235–238.
12. Афанасова Е. Н. Реализация постановления ЦИК И СНК СССР «О запрещении абортов...» на территории Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг / Е. Н. Афанасова // Иркутский историко-экономический ежегодник:

2012. – Иркутск : Байкальский государственный университет экономики и права, 2012. – С. 322–327.

13. Бадмацыренова Е. Л. Государственная политика по вовлечению женщин Бурятии в общественно-политическую деятельность (1923–1991 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Бадмацыренова Елизавета Леонидовна. – Улан-Удэ, 2011. – 25 с.

14. Балакирев А. Н. Пионерская организация Бурятии в послевоенные годы / А. Н. Балакирев // Вестник БГУ. – 2012. – № 7. – С. 118–127.

15. Балакирев А. Н. Становление и развитие детского движения в Бурятии (1923–1991 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Балакирев Алексей Николаевич. – Улан-Удэ, 2006. – 206 с.

16. Балдано М. Н. Бурят-Монгольская АССР в условиях мобилизационной экономики (1941–1945 гг.) / М. Н. Балдано // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2020. – Т. 33. – С. 46–54.

17. Банзаракцаева Е. В. Военно-патриотическое воспитание в школах Бурятии в годы Великой Отечественной войны / Е. В. Банзаракцаева // Байкальские встречи – VIII: Историко-культурное наследие региона как фактор социально-экономического развития : Материалы международной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 11–13 сентября 2014 года. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2014. – С. 321–325.

18. Банзаракцаева Е. В. Детские дома Бурятии в годы Великой Отечественной войны / Е. В. Банзаракцаева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 7. – С. 17–21.

19. Банзаракцаева Е. В. Заиграевский детский дом Бурятии в годы Великой Отечественной войны / Е. В. Банзаракцаева // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – № 2 (7). – С. 87–91.

20. Банзаракцаева Е. В. К вопросу охраны материнства и детства в Бурят-Монгольской АССР в 1941–1945 гг. / Е. В. Банзаракцаева // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. – 2018. – № 3 (7). – С. 63–67.

21. Банзаракцаева Е. В. Организация работы с детьми, потерявшими связь с родителями, советских и партийных органов Бурят-Монгольской АССР во время Великой Отечественной войны / Е. В. Банзаракцаева // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 2 (9). – С. 77–80.

22. Банзаракцаева Е. В. Охрана детства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Бурят-Монгольской АССР) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Е. В. Банзаракцаева. – Улан-Удэ, 2005. – 169 с.

23. Батоев С. Д. Организация охраны материнства и детства в Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны / С. Д. Батоев // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2010. – № 4. – С. 61–64.

24. Башкуев В. Ю. Пробуждая «буддийский Восток»: кампании за оздоровление и санитарное просвещение в Бурятии и Монголии (1920–1970-е гг.) / В. Ю. Башкуев // Власть. – 2015. – № 10. – С. 198–203.

25. Блинова В. В. Роль детских колоний в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны / В. В. Блинова // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2019. – № 38. – С. 21–25.

26. Борисов Б. Ю. Дошкольное воспитание в годы Великой Отечественной войны / Б. Ю. Борисов // Диалоги о дошкольном образовании : Материалы Международной научно-методической конференции, Псков, 05–06 декабря 2019 года. – Псков: Псковский государственный университет, 2020. – С. 53–56.

27. Букин С. С. Жилищная проблема в городах Сибири в 1920-х – начале 1960-х годов / С. С. Букин, В. И. Исаев // ЭКО. – 2010. – № 2 (428). – С. 27–32.
28. Буряты / В. А. Тишков, С. В. Чешко, Л. И. Миссонова [и др.]. – М. : Наука, 2004. – 633 с.
29. Буряты в этнополитическом пространстве России: от империи до федерации / Б. В. Базаров, М. Н. Балдано, О. В. Бураева [и др.] ; Руководитель проекта академик РАН Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2017. – 320 с.
30. Васильева Л. Е. Особенности развития семейного права СССР в области охраны материнства и детства в 1930–40-е годы / Л. Е. Васильева // Изв. Саратов. ун-та. – 2007. – № 2. – С. 67–69.
31. Ващук А. С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (1945 г. – конец 80-х годов) / А. С. Ващук. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 212 с.
32. Власова П. А. Профсоюзные организации Челябинской области и проблемы социальной защиты женщин в годы Великой Отечественной войны / П. А. Власова, Г. А. Панина // Вестник ЧелГУ. – 2012. – № 34 (288). – С. 89–94.
33. Волкова Е. Ю. Маленькие участники большой войны (дети в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) : монография / Е. Ю. Волкова ; Е. Ю. Волкова. – Кострома : Издательство КГТУ, 2010. – 155 с.
34. Геомедицина и политика здравоохранения в Байкальском регионе: история и современность / В. Ю. Башкуев, Е. Ю. Башкуева, Б. З. Нанзатов [и др.]. – Иркутск : Оттиск, 2016. – 306 с.
35. Горелова Л. Е. Охрана материнства и детства на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы / Л. Е. Горелова, В. Н. Шелкова // Вопросы современной педиатрии. – 2020. – Т. 19. – № 4. – С. 268–271.
36. Греков А. П. Льготы и государственное обеспечение военнослужащих и их семей / А. П. Греков. – М.: Воениздат, 1951. – 168 с.

37. Гуров В. А. Социальная политика советского государства в отношении материнства и детства в годы Великой Отечественной войны на примере Ставропольского района Куйбышевской области (1941–1945 гг.) / В. А. Гуров // Концепт. – 2017. – № 15. – С. 3–13.
38. Денисов М. С. Охрана здоровья матери и ребенка: историко-правовой обзор / М. С. Денисов, О. В. Салицева, М. Л. Толстова, Т. Г. Денисова // Здравоохранение Чувашии. – 2016. – № 4. – С. 76–81.
39. Деревскова В. М. Общенадзорная деятельность территориальной прокуратуры в условиях тыла в годы Великой Отечественной войны (на примере прокуратуры Иркутской области) / В. М. Деревскова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 2 (76). – С. 103–111.
40. Дурнева Л. А. Повседневная жизнь детей тыловой республики в годы Великой Отечественной войны (по материалам мультимедийного проекта «Дети войны») / Л. А. Дурнева // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2020. – № 1 (49). – С. 41–48.
41. Ермакова А. А. Социальная политика СССР в отношении коренных малочисленных народов в 20–50-х годах XX века: проблемы материнства и детства / А. А. Ермакова, В. А. Кудашкин // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2019. – № 4. – С. 97–100.
42. Жадан А. В. Органы НКВД Дальнего Востока в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (1941–1945) / А. В. Жадан // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16. – № 3. – С. 44–53.
43. Жалсанова Б. Ц. Буряты – герои Великой Отечественной войны (документы Героя Советского Союза полковника В. Б. Борсоева в Государственном архиве Республики Бурятия) / Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Кальмина, Л. В. Курас // История народов России в исследованиях и документах. Выпуск 10. – Москва : Институт Российской истории РАН, 2023. – С. 216–230.
44. Занданова Л. В. Повседневная жизнь населения Байкальской Сибири в XX веке: к постановке проблемы / Л. В. Занданова // Известия Иркутского

государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2009. – № 1. – С. 227–232.

45. Зарубина А. Д. Героический труд женщин в период Великой Отечественной войны: (по материалам Хакасии) / А. Д. Зарубина // Ученые записки. – 1963. – Вып. 9. – С. 40–48.

46. Зезина М. Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955 г.г.) / М. Р. Зезина // Вопросы истории. – 1999. – № 1. – С. 127–134.

47. Зима В. Ф. Голод в СССР. 1946–1947 гг.: происхождение и последствия / В. Ф. Зима. – Москва : Институт Российской истории РАН, 1996. – 265 с. – ISBN 5201005950.

48. Зинич М. С. Изучение социальной политики Коммунистической партии и советского государства периода Великой Отечественной войны / М. С. Зинич // Вопросы истории. – 1987. – № 7. – С. 104–111.

49. Зинич М. С. Забота советского государства о материально-бытовом положении населения в 1941–1945 гг. / М. С. Зинич // История СССР. – 1985. – № 3. – С. 87–104.

50. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953 / Е. Ю. Зубкова. – М.: Росспэн, 2000. – 229 с.

51. Иванов А. А. Иркутск на фронте и в тылу: обзор советской и современной научной историографии / А. А. Иванов, С. И. Кузнецов // История подвига : материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Посвящается 75-летию Победы, Иркутск, 15 мая 2020 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. – С. 15–23.

52. Иванова Г. М. Финансовая политика в социальной сфере в СССР в 1950–1970-е гг. / Г. М. Иванова // Известия Самарского научного центра РАН. – 2014. – № 3-2. – С. 525–531.

53. История Бурятии : в 3-х томах / В. Б. Базаржапов, В. В. Базарова, Г. Д. Базарова [и др.]. Том 3. – Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2011. – 464 с.

54. История Бурятии с древнейших времен до начала XX века: пособие для учащихся старших классов : [в 2 ч.] / [Цыбиктаров А. Д. и др.] ; [отв. ред. Е. Е. Тармаханов] ; М-во образования и науки Респ. Бурятия. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2009. Ч. 1. – 2009. – 163 с.

55. Кадырова В. Ю. Дети войны и их судьбы на Иркутской Земле / В. Ю. Кадырова // История подвига : материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Посвящается 75-летию Победы, Иркутск, 15 мая 2020 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. – С. 140–143.

56. Казарин В. Н. Советский Союз в 1945–1952 гг.: ключевые проблемы внутренней и внешней политики / В. Н. Казарин // История России : пособие для абитуриентов юридического факультета. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 1998. – С. 168–177.

57. Кальмина Л. В. Республика Бурятия / Л. В. Кальмина // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году : Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2012. – С. 500–507.

58. Карамашева Н. Н. Из истории борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны: на материалах Красноярского края / Н. Н. Карамашева // Проблемы отечественной истории. – 1991. – Вып. 1. – С. 124–134.

59. Карамашева Н. Н. Некоторые проблемы охраны детства в годы Великой Отечественной войны: (на материалах Восточной Сибири) / Н. Н. Карамашева // Проблемы отечественной истории. – 1993. – Вып. 2. – С. 84–104.

60. Карамашева Н. Н. Охрана детства в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Восточной Сибири) : специальность 07.00.02

«Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Н. Н. Карамашева. – Москва, 1993. – 20 с.

61. Ким М. Ю. Социальная политика советской власти (1930-е гг.) в отечественной и зарубежной историографии / М. Ю. Ким, К. А. Кузоро // Вестник ТГУ. – 2010. – № 334. – С. 64–67.

62. Князькина Т. А. К вопросу охраны материнства и детства на Крайнем Северо-Востоке СССР в 1941–1945 гг. / Т. А. Князькина // Инновации в науке. – 2015. – № 47. – С. 137–143.

63. Красноженова Е. Е. Государственная политика по охране материнства и детства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) / Е. Е. Красноженова // Известия ВГПУ. – 2012. – № 3. – С. 36–39.

64. Кринко Е. Ф. Семья и брак накануне и в годы Великой Отечественной войны / Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина // Вопросы истории. – 2015. – № 12. – С. 46–55.

65. Крылова Н. Б. Правовые основы защиты детей в СССР (1941–1943 гг.) / Н. Б. Крылова, В. С. Меркурьева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 4 (35). – С. 153–157.

66. Крючкова И. М. Социально-психологические аспекты темы материнства и детства в советском плакате в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы / И. М. Крючкова // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки : Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Тула, 19 ноября 2020 года. – Чебоксары: Среда, 2020. – С. 225–229.

67. Кузнецов Г. Ю. Развитие сети детских домов в СССР в годы Великой Отечественной войны / Г. Ю. Кузнецов // Молодежь в годы Великой Отечественной войны : сборник статей преподавателей и студентов / Образовательное частное учреждение высшего образования «Гуманитарно-социальный институт». – Красково : Б. и., 2020. – С. 7–9.

68. Кузнецов И. И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны / И. И. Кузнецов. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1974. – 510 с.
69. Кузнецова И. П. Государственная политика в области охраны материнства и детства во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х годов (на примере Башкирской АССР) / И. П. Кузнецова // Вестник ЧелГУ. – 2014. – № 8 (337). – С. 41–48.
70. Курас Л. В. Республика Бурятия – ворота в Центральную Азию и буддийский мир / Л. В. Курас // Власть. – 2008. – № 7. – С. 52–53.
71. Ланцев М. С. Социальное обеспечение в СССР / М. С. Ланцев. – М.: Экономика, 1976. – 143 с.
72. Липатов А. В. Государственная и общественная поддержка семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны: на материалах Сталинградской области / А. В. Липатов, В. С. Меркурьева, Ф. А. Такташева // Известия ВГПУ. – 2017. – № 2 (115). – С. 192–198.
73. Малхасян Н. В. Мероприятия правительства по борьбе с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны / Н. В. Малхасян // Перспективные исследования в науке: теория и практика : The Collection of Scholarly Papers. – London : Общество с ограниченной ответственностью «Глобальное партнерство по развитию научного сотрудничества», 2016. – С. 19–22.
74. Малхасян Н. В. Опыт борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны / Н. В. Малхасян // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2016. – Т. 6. – № 5-1. – С. 83–87.
75. Малышева Е. М. Государственная политика борьбы с беспризорностью в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Е. М. Малышева // Война и судьбы молодежи: опыт осмысления и проблемы сохранения исторической памяти : Сборник научных статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию начала Великой Отечественной войне, Курск, 19–20 июня 2021 года. – Курск: Университетская книга, 2021. – С. 58–64.

76. Мартынов Е. В. Социальная реклама как направление государственной политики в СССР / Е. В. Мартынов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2017. – № 2 (786). – С. 132–143.

77. Марченко В. С. Становление пионерского движения в Иркутской области / В. С. Марченко // Вестник Иркутского университета. – 2018. – № 21. – С. 142–143.

78. Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения : учеб. пособие / Е. Е. Мачульская, Ж. А. Горбачева. – М. : Кн. мир, 2000. – 286 с.

79. Меерович М. Г. Жилищная политика СССР как средство социального управления (1917–1941 гг.) / М. Г. Меерович // Социологические исследования. – 2014. – № 1 (357). – С. 95–101.

80. Мезит Л. Э. Борьба с детской беспризорностью в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны / Л. Э. Мезит, В. П. Астафьева // Великая Отечественная война советского народа: история и современность : Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Посвящается 70-летию Сталинградской битвы, Казань, 02 февраля 2013 года / Ответственный редактор Б. Г. Кадыров. – Казань: Издательство «Познание», 2013. – С. 111–114.

81. Меркурьева В. С. Правовые основы защиты детей в 1941–1943 гг. (на материалах Сталинградской области) / В. С. Меркурьева // Известия ВГПУ. – 2015. – № 1 (96). – С. 158–162.

82. Микульский К. И. Социальная политика КПСС / К. И. Микульский, В. З. Роговин, С. С. Шаталин. – М.: Политиздат, 1987. – 351 с.

83. Молодчик А. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929–1953 гг.: дис. ... д. ист. наук / А. Молодчик. – М., 2004. – 322 с.

84. Мухамбетгалиева А. К. Государственная поддержка материнства в 1945 – начале 1950-х годов (по материалам Актюбинской области) / А. К. Мухамбетгалиева // Великая Отечественная война и проблемы нацио-

нальной безопасности современной России : Международная научно-практическая конференция к 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией. Сборник статей, Оренбург, 23–25 апреля 2020 года. – Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2020. – С. 226–230.

85. Мухаммадиев И. С. Прокурорский надзор и борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью в годы Великой Отечественной войны / И. С. Мухаммадиев // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 38–51.

86. Николаев Е. Е. Советская социальная политика в послевоенный период (1945–1953 гг.) / Е. Е. Николаев // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 8 (52). – С. 27–33.

87. Номогоева В. В. Советская модернизация бурятского общества в 1920–1930-е годы / В. В. Номогоева, А. М. Плеханова. – Иркутск : Отгиск, 2022. – 378 с.

88. Орлова И. В. Реализация социальной политики Советского государства в годы нэпа (на материалах Енисейской и Иркутской губерний) : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Орлова Ирина Вячеславовна. – Иркутск, 2007. – 21 с.

89. Пелих И. В. Социальная политика СССР в 1945–1953 гг. (на материалах Краснодарского края): дис. ... канд. ист. наук / И. В. Пелих. – М., 2005. – 194 с.

90. Пернай Н. В. Пионерия как фактор оздоровления и безопасности в молодежной среде / Н. В. Пернай // ОБЖ: Основы безопасности жизни. – 2017. – № 4. – С. 10–14.

91. Петрушин Ю. А. Дети войны: суровая правда повседневности / Ю. А. Петрушин // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур, Иркутск, 23–24 апреля 2015 года / Под редакцией П. А. Капустюка. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. – С. 186–189.

92. Петрушин Ю. А. Историография Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): / Ю. А. Петрушин // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур, Иркутск, 23–24 апреля 2015 года / Под редакцией П. А. Капустюка. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. – С. 175–181.
93. Плеханова А. М. Бурятия в 1920-е гг.: опыт социально-экономической модернизации / А. М. Плеханова. – Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2011. – 441 с.
94. Попков В. Д. Социальная политика советского государства и права / В. Д. Попков. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 136 с.
95. Попова А. Д. Фронт после победы: причины роста преступности в СССР в послевоенные годы (1945–1950-е гг.) / А. Д. Попова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – Т. 23. – № 1 (85). – С. 62–70.
96. Роговин В. З. Социальная политика в развитом социалистическом обществе / В. З. Роговин. – М.: Наука, 1980. – 205 с.
97. Роговин В. З. Проблемы социальной политики и общественно-политической мысли в России и СССР / В. З. Роговин и др.. – М.: ИС, 1992. – 188 с.
98. Рожков А. Ю. Беспризорники (1920–1970 гг.) / А. Ю. Рожков // Родина. – 1997. – № 9. – С. 7–76.
99. Рубин В. А. Реализация государственной политики по отношению к семьям военнослужащих и инвалидам войны на Южном Урале в 1941–1945 гг. / В. А. Рубин, А. А. Рубин // Вестник ОГУ. – 2009. – № 4. – С. 25–30.
100. Сагитова А. Х. Повседневные проблемы женщин в годы Великой Отечественной войны и их решение / А. Х. Сагитова // Молодежь. Наука. Будущее : Международная студенческая научно-практическая конференция, Оренбург, 19–21 мая 2021 года. – Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2021. – С. 272–274.

101. Седова Д. В. Меры поддержки семей в СССР в период первого послевоенного десятилетия / Д. В. Седова // Симбирский научный вестник. – 2014. – № 1 (15). – С. 69–71.
102. Седова Д. В. Об отдельных мерах государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям согласно Указу Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 8 июля 1944 г. / Д. В. Седова // Поволжский педагогический поиск. – 2013. – № 3 (5). – С. 62–64.
103. Седова Д. В. Социальная политика Советского государства в послевоенный период 1945–1955 гг. / Д. В. Седова // Поволжский педагогический поиск. – 2013. – № 4 (6). – С. 40–43.
104. Семенов М. А. Динамика национального состава Азиатской России по материалам переписей (1926–1989 гг.) / М. А. Семенов // Континент Сибирь. – Новосибирск : Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2020. – С. 113–129.
105. Семенов М. А. Здоровье населения и развитие здравоохранения в Сибири в конце XIX в. – 1940 г. / М. А. Семенов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – Т. 26. – № 4. – С. 72–78.
106. Семенов М. А. Развитие медицинской сети Советского Союза в годы Великой Отечественной войны / М. А. Семенов // Клио. – 2020. – № 12 (168). – С. 122–127.
107. Семенова Е. Ф. Школьное образование Бурятии в годы войны и в послевоенный период / Е. Ф. Семенова // Вестник БГУ. – 2015. – № 7. – С. 38–42.
108. Серебряков Е. А. Основные этапы становления и развития Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина в Иркутской области / Е. А. Серебряков // Одиннадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения : материалы: в 2 томах, Иркутск, 05–26 апреля 2017 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2018. – С. 253–261.

109. Славко А. А. Роль специальных детских колоний в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период / А. А. Славко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 3 (4). – С. 169–172.

110. Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. / Т. М. Смирнова. – М.: Институт российской истории РАН, 2015. – 384 с.

111. Соловей М. А. К вопросу о борьбе с детской беспризорностью в СССР после Великой Отечественной войны / М. А. Соловей // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности, Донецк, 16–18 мая 2016 года / под общей редакцией С. В. Беспаловой. – Донецк: Издательство Южного федерального университета, 2016. – С. 192–195.

112. Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. – М.: Росспэн, 2020. – 718 с.

113. Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. – 376 с.

114. Социальная помощь населению Сибири в годы мировых войн XX века: Монография / Павлова И. П., Катцина Т. А., Мезит Л. Э. – Красноярск: СФУ, 2016. – 316 с.

115. Такташева Ф. А. Государственная поддержка материнства в 1943 – начале 1950-х гг. (по материалам Сталинградской области) / Ф. А. Такташева // Известия ВГПУ. – 2018. – № 4 (127). – С. 192–196.

116. Такташева Ф. А. Социальная поддержка женщин в Сталинградской области в 1943-м – начале 1950-х гг. / Ф. А. Такташева // Известия ВГПУ. – 2011. – № 9. – С. 88–91.

117. Тармаханов Е. Е. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа : учебное пособие для общеобразовательных учебных заведений /

Е. Е. Тармаханов, Л. М. Дамешек, Т. Е. Санжеева. – Улан-Удэ : Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2003. – 192 с.

118. Тармаханов Е. Е. Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны: проблемы занятости : монография / Е. Е. Тармаханов, И. В. Гордина. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008. – 214 с.

119. Тихонов А. Л. Исторический опыт реализации государственной жилищной политики в городах Бурятии в конце 1950-х – 1991 гг : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Тихонов Алексей Леонидович, 2017. – 184 с.

120. Убеева О. А. Формирование и развитие городского населения Бурятии (1923–1959 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / О. А. Убеева. – Улан-Удэ, 2006. – 223 с.

121. Удальцов А. А. Безнадзорность и беспризорность несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны и борьба с ней органами охраны правопорядка / А. А. Удальцов, С. Е. Байкеева // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : Сборник материалов XXV международной научно-практической конференции, Иркутск, 05 июня 2020 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 439–442.

122. Улан-Удэ – 350: история и современность : В 2-х томах / Б. А. Базаров, О. В. Бураева, С. В. Евдокимова [и др.] ; Федеральное агентство научных организаций России, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, Сибирского отделения Российской академии наук. Том 1. – Иркутск : Оттиск, 2016. – 372 с.

123. Фадеева О. М. Социальная политика СССР по охране детства / О. М. Фадеева, М. А. Рогачев, Ю. Э. Никифорова // Теоретические и практические исследования XXI века : труды II международной научно-практической

конференции, Дедовск, 24–26 февраля 2016 года. – Дедовск: Московский государственный областной университет, 2016. – С. 129–134.

124. Фахрутдинова Н. Р. Политика охраны материнства и детства в РСФСР в 1950–1980 годах и ее региональные проявления / Н. Р. Фахрутдинова // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. – 2017. – № 22. – С. 129–131.

125. Хамадеева Р. Х. Борьба с беспризорностью в годы Великой Отечественной войны / Р. Х. Хамадеева // Актуальные проблемы социальной экологии в России : межвузовский сборник научных трудов. – Уфа : Башкирский государственный университет, 2021. – С. 40–48.

126. Хасбулатова О. А. Социальная политика СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: гендерный аспект / О. А. Хасбулатова // Женщина в российском обществе. – 2015. – № 2 (75). – С. 3–10.

127. Хисамутдинова Р. Р. Развитие системы охраны здоровья советских женщин и детей в 1946–1953-х гг. (по материалам Актюбинской области) / Р. Р. Хисамутдинова, А. К. Мухамбетгалиева // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2020. – № 2 (34). – С. 204–216.

128. Хуснутдинова Ф. А. Восстановление системы охраны здоровья женщин и детей в Сталинградской области в 1943–1945 годах / Ф. А. Хуснутдинова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2011. – № 2. – С. 211–213.

129. Цыретарова Б. Б. Социальная политика в Бурятии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Б. Б. Цыретарова. – Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2010. – 234 с.

130. Чернышева Н. В. Государственная защита материнства и детства в годы Великой Отечественной войны / Н. В. Чернышева // Отечественный журнал социальной работы. – 2013. – № 1 (52). – С. 56–64.

131. Чернышева Н. В. Социальная политика государства в отношении семей военнослужащих в 1941–1945 гг. (на материалах Кировской области) / Н. В. Чернышева // Вестник ВятГУ. – 2012. – № 1. – С. 54–59.

132. Чистякова Н. А. Охрана материнства и детства в годы Великой Отечественной войны / Н. А. Чистякова, О. М. Яковлева // Великая Отечественная война в судьбе народа: история и современность : Сборник трудов Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Воронеж, 21 мая 2021 года. – Воронеж: ФГБОУ ВО ВГМУ им. Н. Н. Бурденко Минздрава России, 2021. – С. 9–11.

133. Шалак А. В. Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / А. В. Шалак. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. – 183 с.

134. Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1945 гг.) / А. В. Шалак. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. – 357 с.

135. Шаламов В. А. Кадровый вопрос в системе Наркомздрава БМАССР и попытки его решения в 1930-е гг / В. А. Шаламов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2018. – № 4 (32). – С. 33–45.

136. Шаламов В. А. Санпросвет в Бурят-Монгольской республике в 1920–1930-е гг. / В. А. Шаламов // Десятые Байкальские социально-гуманитарные чтения : материалы / науч. ред. Ю. А. Зуляр. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – 436 с.

137. Шамрина Е. А. Послевоенная политика социальной поддержки детей, оставшихся без попечения родителей, в СССР / Е. А. Шамрина // Инновационные подходы к решению социально-экономических, правовых и педагогических проблем в условиях развития современного общества : материалы I международной научно-практической конференции, Старый Оскол, 26–27 ноября 2015 года. – Старый Оскол: Воронежский экономико-правовой институт, 2015. – С. 285–292.

138. Шибанов Е. С. Государственная политика по охране материнства и детства в годы Великой Отечественной войны / Е. С. Шибанов, В. В. Данилов // Особенности развития государственно-правовых институтов во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : Материалы Всероссийской научно-

практической конференции с международным участием, Саранск, 07 мая 2015 года. – Саранск: Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Мордовский гуманитарный институт», 2015. – С. 177–182.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Уровень младенческой смертности в Восточно-Сибирском крае в 1935–1936 гг.*

1935 г.					
Местность	Рождаемость	Младенческая смертность	% от уровня рождаемости	Общая смертность в крае	% от уровня общей смертности
Общее значение	71 125	10 304	14,4	32 523	31,6
Город	25 763	4407	17,1	14 227	30,9
Сельская местность	45 362	5897	12,9	18 296	32,2
1936 г.					
Общее значение	75 779	14 185	18,7	38 414	36,9
Город	30 254	6072	20,0	17 850	34,0
Сельская местность	45 525	8113	17,8	20 564	39,4

* Составлено по материалам ГАИО. Ф. р-2677. Оп. 4. Д. 21.

Информация о детских домах Байкальского региона

Таблица 1

Детские дома г. Иркутска к началу 1930-х гг.*

Тип учреждения	Количество
Для детей дошкольного возраста	6
Для детей школьного возраста	16
Дефективные детские дома	6
Всего	38

* Составлено по материалам ГАИО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 657. Л. 193–194.

Таблица 2

Детские дома Иркутской области по состоянию на 1935 г.*

Учреждение	Тип учреждения	Численность воспитанников
Александровская трудовая коммуна	Для детей школьного возраста	300
Бирюсинский детский дом	Сельскохозяйственный для детей без отклонений	200
Бодайбинский детский дом	Производственный для детей без отклонений	25
Детский дом инвалидов	Физически-дефективный	30
Заларинский детский дом	Сельскохозяйственный для детей без отклонений	215
Иккейский детский дом	Сельскохозяйственный для детей без отклонений	200
Иркутский детский дом № 1	Дошкольный для детей без отклонений	120
Иркутский детский дом № 2	Дошкольный для детей без отклонений	120
Иркутский детский дом № 3	Производственный для детей без отклонений	100
Иркутский детский дом «Юный транспортник»	Морально-дефективный	60
Иркутский детоприемник	Смешанный	50
Квитокский детский дом	Производственный для детей без отклонений	324
Киренский детский дом	Сельскохозяйственный для детей без отклонений	60
Мальтинский детский дом	Туберкулезный	60
Тулунский детский дом	Дошкольный для детей без отклонений	100
Черемховский приемник	Смешанный	50
Черемховский детский дом	Дошкольный для детей без отклонений	80
Шадринский детский дом	Производственный для детей без отклонений	100
Всего	18	2194

* Составлено по материалам ГАИО. ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 63. Л. 56.

Количественные данные об абортах в Байкальском регионе*

Таблица 1

Данные об общем количестве аборт и родов в РСФСР

	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Роды	1 392 709	1 806 036	2 371 697
Зарегистрированные аборты	1 315 249	800 738	350 278
Процент родов от количества зачатий	51,4	69,3	87,1
Процент абортов от количества зачатий	48,6	30,7	12,9

Таблица 2

**Численность абортов на территории
Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР**

	1936 г.	1937 г.
Иркутская область	4650	233
Б-МАССР	822	77

**Численность абортов, начатых вне учреждений здравоохранения, на территории
Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР (на 100 всех абортов)**

	1939 г.
Иркутская область	92,0
Б-МАССР	87,6

* Сост. по: Афанасова Е. Н. Реализация постановления ЦИК И СНК СССР «О запрещении абортов...» на территории Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг / Е. Н. Афанасова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. Иркутск : Байкальский государственный университет экономики и права, 2012. С. 322–327.

Динамика численности медицинских учреждений Бурят-Монгольской АССР*

Учреждения	1933	1938	1940	1941
Больницы	18	30	35	37
Роддома	-	-	15	14
Поликлиники и амбулатории	50	87	107	118
Женские консультации	7	?	25	19
Акушерские пункты	50	89	171	178
Дом ребенка	-	-	1	1
Молочные кухни	1	-	4	5
Санатории	2	4	4	2
Детские амбулатории	3	?	14	-

* Составлено по материалам ГАРБ. Ф. Р-665. Оп. 1. Д. 526. Л. 77.

Народное образование в Иркутской области в 1936–1953 гг.*

Таблица 1

Школы г. Иркутска в 1936–1940 гг.

Год	Численность школ		Количество мест
	Общая	построено	
1936	66	30	16 020
1937	108	42	35 760
1938	136	27	50 360
1939	141	7	53 520

Таблица 2

Контингент обучающихся в Иркутской области в 1940–1952 гг.

Показатель	1940	1947	1949	1952
Школы	1479	1865	1912	1951
Из них: начальные	1261	1632	1596	1484
семилетние	150	152	236	340
Средние	68	81	80	127
Обучающиеся, тыс. чел.	216,6	187	222,8	229,7
Из них:				
1–4 классы	149	152,9	162,1	106,9
5–7 классы	59,7	29,7	54,1	104,7
8–10 классы	7,9	4,4	6,6	18,1

* Составлено по материалам ГАИО. Ф. р-1929. Оп. 1. Д. 27. Л. 15–31.

**Помощь семьям фронтовиков и военнослужащих по г. Улан-Удэ
(1942–1943 гг.)***

Округ	Виды помощи							
	Всего семей	Получили финансовую помощь	Сумма финансовой помощи	Одежда	Обувь	Белье	Носки, чулки	Мыло
Городской	14 565	1096	231 357	1125	635	743	133	1765
Железнодорожный	4481	1393	267 425	1861	902	5133	4148	1181
Пригородный	2300	342	59 150	760	503	-	1961	1256
Всего по городу	21 327	2331	557 932	3746	1940	5976	6242	4202
	Виды помощи							
	Продукты разные	Овощи	Дрова	Уголь	Отремонтировано квартир	Устроено детей в сады	Устроено на работу членов семей	
Городской	11 233	2150	1275	10,3	-	-	-	
Железнодорожный	7061	34 449	2071	14,7	368	1597	175	
Пригородный	6763	39 472	5445	-	459	120	-	
Всего по городу	25 057	75 796	8791	41,9	822	1717	-	

*Составлено по материалам ГАРБ. Ф. П-20. Оп. 2. Д. 2056. Л. 1.

Обеспечение детей-сирот в детских домах 1941–1945 г.*

Питание к 1942 г. (на примере Заиграевского детдома)			
Завтрак	Обед	Ужин	
Картофель с салом	Щи с салом	Лапша с салом	
Чай с хлебом			
Итого: 1500 кКл			
Питание к 1945 г.			
100 г хлеба	борщ	200 г хлеба	
Яйцо	омлет	20 г масла	
чай с сахаром	200 г хлеба	чай	
Итого: 1988 кКл			
Ассигнования на развитие детдомов в период войны (по данным Наркомпроса СССР)			
1941 г.	562 015 тыс. р.		
1943 г.	947 781 тыс. р.		
1945 г.	1 415 855 тыс. р.		
Ассигнования на развитие детдомов в период войны (по данным Наркомпроса БМАССР)			
1942 г.	2 379 тыс. р.		
1945 г.	3 703 тыс. р.		
Нормы средств на содержание одного воспитанника в СССР			
Детдом общего типа	2905 р.		
Детдом особого типа	3799 р.		
Детдом дошкольного типа	2905 р.		
Нормы средств на содержание одного воспитанника в Бурятии			
	Всего	На питание	На обмундирование
Детдом общего типа	3 241 р.	1 600 р.	490 р.
Детдом особого типа	3 862 р.	1 458 р.	500 р.
Детдом дошкольного типа	3 241 р.	1 600 р.	490 р.

*Составлено по материалам ГАРБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 1866. Л. 55–59; ГАРБ. Ф. Р-60. Оп. 3. Д. 237. Л. 204–210.

Численность детских садов в Байкальском регионе в 1946–1947 гг.*

Территориальное образование	1946 г.		1947 г.	
	Детские сады	Численность детей	Детские сады	Численность детей
Иркутская область	336	20 405	324	12 868
БМАССР	115	6728	52	2906

*Составлено по материалам ГАИО. Ф.1893. Оп. 3. Ед. хр. П. Л. 1; ГАРБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 1866. Л. 55–59.